Жанна Пояркова
Фрагментация
памяти

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В послевоенном мире, который окончательно погрузился в вирт, их осталось четверо — четверо людей, полных безумия и непредсказуемых планов, способных рисковать ради самых дерзких идей. Бродяга-радиоэлектроник, повернутый на ретро-музыке. Трикстер, работавший и священником, и мясником. Рыжеволосая женщина из корпорации с опасными мечтами. Джокер, бесстрастный и отчаянно красивый.

Они встретились, хотя не должны были, и в ответ мир опрокинулся. Всего лишь четыре человека из мертвого города, которым суждено совершить революцию.

- Жанна Пояркова
  -
  - ПЕРВАЯ ЧАСТЬ
  - ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Жанна Пояркова
Фрагментация памяти

Корвину.
Доку.
Барраяру и Deathwisher.
Дополнительно: Алгерту, Антону Карпову.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

You're my favorite
Of my saviours
You're my favorite
Oh no
Yes you're my favorite
Of my favors
You're my razor

«Blandest» Nirvana

Стар свесилась из окна и проследила за тем, как станция для выхода в Среду разваливается, плюясь проводами и микросхемами. Туда же отправился и исчез в тумане комплект датчиков. Темные дома ничем не ответили, только окна глубже вжались в тела строений. Мне стало жаль хорошую тачку, но возражать смысла не было.

— Надоело.

Копна рыжих волос и глазища, больше ничего примечательного. Я даже не обозначал пункт «лицо», потому что взгляд всегда натыкался на болотного цвета глаза. Ее губы заледенели, стали белыми, словно отпечаток на свежеокрашенной стене.

«Размножение — для неудачников!»

Надпись пробежала красным, потом сменилась на строчки Рейтинга, — кто-то шалил с ежедневной трансляцией.

— Мне страшно, — она закурила, держа сигарету одними губами.

Днем она принадлежала Корпорации, ночи проводила здесь. Мы давно нигде не работали, перебиваясь случайными делами; в ее распоряжении находились кредитная карта, номера в отелях по всему Тиа-сити и несколько квартир, в которых она ненавидела оставаться.

— Разрушение меня успокаивает, — объясняла она, хотя я не просил и не слушал. — Оно дает ощущение того, что ты еще можешь что-то изменить. Когда барахло разваливается внизу, я понимаю, что от меня что-то зависит.

Мы жили вчетвером. Не очень дальновидное решение, но так сложилось. Может, в глубине души мы желали, чтобы нас поймали. Стар нравилось спать между мной и Мэдом, укладывая голову на мое плечо и держа край его одежды. Она редко

засыпала, если комбинация не получалась. Гарри ночевал отдельно, часто проваливаясь в дрему прямо на стуле, забывая отключиться от Среды. Его силуэт, слившийся с тенями от аппаратуры, воспринимался как данность.

— Знаешь, почему у нас ничего не получается? — словно прочитала мои мысли Стар. — Потому что все это шутки, игрушки, дешевка.

Сигарета догорела до фильтра. Глаза Стар наполнились темнотой, воздух запа*х* паленой кожей. Я был уверен, что это далеко не последнее, что она собралась сегодня сделать. С каждым словом она сильнее сжималась, уходила в себя, отрезала и меня, и эту комнату.

— Мы сами не сможем жить вне Сети, — вынес вердикт невидимый под огромными глазищами рот. — Мы никчемны.

Сквернословящая тощая мерзавка. Дерганая, похожая на пучок спиц или скрученный ребенком моток проволоки. Я порадовался, что остальные не вернулись и не слышат сказанного.

— Белый унитаз. Белая раковина. Белые полотенца. Белые тюбики. Белая ванна. Белая плитка. Белый пол. Белый потолок. Белая щетка, — перечисляла Стар, загибая пальцы и шагая по очистившему углу комнаты, где раньше находилась ее станция. — Все стерильное и белое. Я могу испачкать их грязью, разбить стаканы, залепить туалетной бумагой инфоэкран, зарезать кого-нибудь и уйти. Но когда я возвращаюсь, все снова в порядке, словно ничего и не происходило. Горничные, будто привидения. Настоящий сервис.

— Уходи оттуда, — в который раз предложил я. — Просто оставайся с нами.

Внизу кто-то закричал от возмущения. Может, у соседей закончился ключ или истек срок оплаты за квартиру и дверь заблокировали.

— Эй…

Иногда Стар переставала разговаривать. Обычно казалось, ничто не может ее заткнуть, но порой что-то в организме перегорало, и она была не в силах выдавить ни одного слова. Разговор вызывал у нее тошноту, мысль о том, чтобы ответить, заставляла забиваться в угол. Она стояла ко мне спиной и не показывала, что слышит.

Может, это и было началом конца.

Нашего совместного постепенного самоубийства — моего, Гарри, Мэда и Стар.

Один.

Мы с Гарри сидели в «Гейте» и ждали, когда начнется турнир. Разговор сфокусировался на безглазом блондине, пьяно подмахивающем головой тяжелому ритму. Место, где должны были быть глаза, прикрывали линзы, похожие на пластмассовые пуговицы; белобрысые патлы мотались из стороны в сторону. В музыку подмешали изрядную дозу инфра- или ультразвука — по крайней мере, мне от нее становилось плохо, а певице было хоть бы что. Она изгибалась в свете неистово прыгающих ламп, а потом просто исчезла, прервав стоны на полпути.

Мне казалось, что блондин притворяется, Гарри же утверждал, что глаз у него нет, что он лично видел, как того подкараулили охотники за органами, и теперь мужик перебивается дешевыми сенсорами. Гарри чаще всего нравилась самая неприятная версия развития событий, но, по-моему, человек, которому недавно выковыряли глаза, не сидит у стойки гейм-бара, не таращится на ночную певичку, довольно размахивая руками, и не сорит деньгами. Он выглядел слишком беззаботным.

— Может, сделать ставки? — Гарри стучал пальцами по столу.

В «Гейте» никто по-настоящему не играл, официально тут можно только смотреть за тем, как развиваются события. Пока большие инфоэкраны молчали, я пошарил в карманах. Ничего. Ночь уже началась, возвращаться за картой было нельзя, ведь в Тиа-сити никто не ходит по улицам ночью кроме осунувшихся торчков, охотников за органами и шлюх.

— Кажется, я забыл деньги, — снова забрался в карманы я.

Они были пусты. Комок потных ниток, упаковка контрацептивов и сломанная сигарета, табак от которой разлетелся в разные стороны и налип на пальцы.

«Гейт» готов был разойтись по швам. Узкие столики с гнездами подключения, наладонники, заляпанные напитками, клавиатурные панели, мрак, разгоняемый только мерцанием инфоэкранов, — такое можно найти в любом дешевом клубе города, но люди шли именно сюда. По полу змеились цепочки из символов. «Рейдер сыграет за тебя!» — пронеслось мимо и исчезло. Мне он нравился. Он был создан для того, чтобы сниматься в рекламах и роликах, приклеенная самоуверенная мина ему шла.

— Им давно пора пустить в Рейтинг новые лица, — заявил Гарри.

Взъерошенный и самоуверенный, он сидел и внимательно следил за тем, что творилось вокруг, неизвестно как доставшимися глазами азиата. Раньше Гарри был одним из

проповедников Церкви СК и пижонил до сих пор, сохранив часть аксессуаров: небольшое черное кольцо, привычка одеваться в темное и умение убежденным в своей правоте тоном втирать очки. Церковь СК организовал жулик, обманывающий неудачников и сулящий им свободу, власть и славу, — обычный сектантский набор. Основная доктрина заключалась в том, что неназываемый злой дух периодически открывает доступ в Среду для самых яростных и фанатичных поклонников, одновременно наделяя их силой. На самом же деле пройдоха (старый программист) знал несколько багов в системе и подключал тех, кто неистовствовал и жертвовал Церкви больше всех, по служебным каналам, чтобы спровоцировать ажиотаж. Контору быстро обнаружили и прикрыли, но Гарри еще оставался верным былому имиджу.

Его уверенность на меня подействовала — он выглядел так, словно у него карманы ломились от денег, — и я стал рассматривать Кел. Девушка постоянно ошивалась здесь, занимаясь нелегальной торговлей старомодными стимуляторами, которые делал ее приятель. На голове Кел не осталось ни одного волоска, сплошная татуировка, и удивительно, но ей это шло. Рядом кучковались трущобные панки, передавали друг другу сигарету. Келли оперлась на локоть, оглядывая зал, потом положила лицо на руки и втянулась во всеобщее ожидание.

Зал бурлил, отрывистый звук перекатывался из одного конца помещения в другое. Шуршание одежды, хохот, поцелуи, свист вдыхаемого с порошком воздуха, грохот возобновившейся музыки, — все это накручивалось на стержень, который скоро должен был сломаться. Я заметил несколько инопланетников с рынка — здоровенного авгула, заросшего шерстью с головы до ног, и пару сейров. Последние сидели в углу и щебетали что-то непонятное, сверкая алыми точками глаз. Больше всего они походили на крылатых муравьедов, только увеличенных вшестеро и слишком умных.

— Слушай… — закончить я не успел.

— Никто вас сюда не зовет, — голос накрыл весь бар, заглушив и музыку, и гомон, и щебетанье инопланетников; те, кто танцевал, замерли в сетке разноцветных лучей и уставились на появившегося у самого потолка Лекса. — Но вы все равно приходите.

Слова пробежали по стенам надписями на десятках языков, раздробились, исчезли. У владельца «Гейта» была привычка к театральным эффектам и мания величия, но в чем-то она была оправдана, ведь большинство собравшихся здесь вряд ли сумели бы накопить на лицензионный ключ.

— Ни у кого из вас нет имен, — продолжал Лекс; прожектора освещали обожженное лицо.

Я подстроил под себя очки, потом не утерпел — и воткнул в разъемы на затылке «вилку», зажмурился. Плохая «вилка» могла спалить мозги, поэтому завсегдатаи носили эту часть оборудования с собой, но азарт сводит страх перед риском на нет. Кожу защипало, слегка ударило статикой, а потом меня оглушило чередой запахов. Во рту пересохло, но «вилка» настроилась быстро.

Моменты боев, ставших классическими, стремительно сменяли друг друга. Скорость движений бойцов воспринималась как насмешка. Для принимающих эс-пи игроков высшей лиги такой темп обычен, я же не улавливал половины, хотя увлекался играми с детства. Я видел кровь, чувствовал ее запах, вкус, — отголосок того, что можно получить в Среде. Эта кровь казалась даже более настоящей, чем моя.

«Никаких имен».

В Среде реальность казалась нарисованной, а не наоборот.

— Все вы — никто, — продолжал Лекс, отчетливо выговаривая каждое слово.

Откуда-то из желудка появилась злость на свое бессилие и никчемность. По экрану очков прыгали картины согнутых спин, плетей, язв, слабостей, уродств, мутаций. Автор ролика был подкован в стимуляции подсознательного отвращения к себе, но у меня это вызывало еще один приступ нетерпения.

— Никто.

Строка опять хлестнула по глазам. Агрессивность, которую сдерживал днями, вспухала и разрывалась теперь, как гнойник. Машины «Гейта» соединялись в свою сеть, получающую доступ на уровень с ограниченными возможностями, где не нужны ни лицензионные ключи, ни ворох приложений. Именно поэтому те, кому Среда оказывалась не по карману, так стремились сюда.

— Но только не этой ночью, — закончил Лекс и подбросил два кубика вверх.

Перед глазами четко отображались гигантские грани несущихся на нас кубов. Иногда мне снились кошмары, где они преследовали меня на неприветливых улицах Тиа-Сити, и самым страшным было не оказаться под неумолимо надвигающейся темной громадой, а увидеть выпавшее число. В этот раз они подпрыгнули и остановились. Наезд, увеличение — и программа бросала прямо в лицо итог.

— Двенадцать, — озвучил он. — Вам повезло. Отсчет пошел.

Двенадцать — количество людей, которым сегодня ночью дозволен доступ в Среду. Без имен, без истории, обозначенные

простыми цифрами, словно манекены, но даже ради этого стоило стараться. Кто-то наверняка поторопился, потеряв свой шанс, а кто-то помедлил на десятую секунды дольше, чем следовало. Я шевельнул плечами, пытаясь оторвать прилипшую к телу рубашку, и увидел, как перед глазами всплыла цифра восемь.

— Пятый, — будничным голосом произнес Гарри, стащил очки, а потом хлопнул об стол стаканом, допивая оставшийся алкоголь.

Отовсюду слышались разочарованные возгласы. Некоторые поднимались, раздраженно бросали панели и отправлялись к бару, чтобы заштриховать текилой горечь поражения.

— Не повезло, да? — Гарри поднялся с сиденья навстречу несущему датчики мужику и хлопнул по плечу раздосадованного громилу. — Поплачь. Поплачь — и тебе станет легче.

Иногда Гарри умел быть потрясающим мудаком. Он снял через голову черный балахон, невозмутимо повесил его на спинку стула и подставил крепко сбитое тело техникам.

— Скоро нас выгонят отсюда, — хмыкнул я, разминая напряженные руки.

— Здесь один сброд, — пожал плечами Гарри. — Не умеют себя сдерживать. Даже на кнопку вовремя нажать не могут.

Клерки Тиа-сити использовали подключение напрямую к нервным центрам, но мы таких изысков себе позволить не могли. К тому же, какой бы реальной ни казалась Среда, всегда можно выдернуть «вилку» и вдохнуть затхлый воздух, а электронная личина — зловещее пугало, изменяющее все, до последнего процента. Становится непонятным, кто во что играет, — ты в Среду или Среда в тебя. Обычный набор для доступа изменяется в зависимости от финансов: очки — для изображения и звука, датчики и «вилка». Обычная «вилка» усиливает ощущения прикосновения, обеспечиваемые датчиками, передает запах и вкус; хорошая «вилка» в связке с соответствующим софтом может полностью заменить датчики, но я не доверял таким системам. «Ты хотя бы представляешь, как это сложно?». Нет, я не представлял.

По датчику на определенный участок тела, вместе они создают сильное поле, реагирующее на происходящее в Среде. Я поежился от холода. Техники грубыми, точными движениями увешивали счастливчиков «железом», натирали проводящим раствором, прокалывали кожу. Кустарный метод, но зато чувствуешь гораздо больше. На заре разработок программисты изобретали сферы, в которых игрок мог ворочаться, вращаться, прыгать, но все это быстро заглохло. Никто не хотел переносить реальные навыки в Среду, ни один из любителей пострелять не

собирался потеть или тренироваться в спортзале, чтобы победить кого-то по Сети. Лицо Гарри скрылось под стеклами; остальные посетители «Гейта» просто подключились к инфоэкранам, чтобы попытаться испытать оргазм схватки, наблюдая.

— Игрок 8, загрузка началась, — предупредила система голосом Лекса, и я оказался внутри.

Первое, с чем сталкиваешься, — запахи. После них все запахи реальности кажутся подделкой, долго не можешь привыкнуть, считая настоящие ароматы плохо синтезированной имитацией. Я пошевелил пальцами, которые слегка покалывало, и посмотрел по сторонам. Вокруг возникали другие игроки, совершенно ничем не отличающиеся, — ни одной лишней полосы, никаких опознавательных знаков. Просто группа одинаковых фигурок. Никто из нас не имел шансов оставить о себе память — набор одноразовой посуды, пластиковые пакеты, которые выбросят сразу же после употребления.

— Тупое избиение младенцев, — громко произнес мне в ухо Гарри, выделяя каждое слово, и выстрелил из неожиданно появившегося в руке черного пистолета прямо в голову безликой фигурке.

Вот теперь его можно было отличить от других. Программисты Среды не скупились на спецэффекты — голова разлетелась на мелкие куски, забрызгав Гарри. Время замедлилось, все побежали врассыпную, только священник Церкви СК не терял времени зря, направляя на безоружных плюющееся свинцом дуло. Ствол был продолжением руки, Гарри не адаптировался, разбираясь, где оказался и что делать, а сразу нападал. Я отпрыгнул за камень, рядом чиркнула пуля.

— Ты еще живой? — Гарри выбросил пустую пушку.

— Как младенец Иисус, — я разобрался с управлением и подумал, что ощущение приятной тяжести оружия в руке превосходит секс на шкале удовольствий.

Другие, судя по рыку Гарри, тоже поняли, что к чему. Я поднял голову, оглядывая место, где мы оказались. Половина взорванного здания, кое-где еще курится дымок, беспорядочные груды камней. Небо было фантазией сумасшедшего — злобно-кровавое там, где заходило огромное солнце, и темно-фиолетовое, почти черное на другом конце купола. Сбоку полоснула по земле очередь, священник резво заплутал, словно заяц, развернулся и побежал прямо к моему укрытию. Спустя миг он уже рухнул прямо на меня, от неожиданности помедлил несколько мгновений, но потом припечатал хороший удар в лицо.

— Вот сволочь, — пропыхтел я, отшвырнув пистолет подальше.

Он опустил кулак еще раз, но я успел увернуться. Из-за несовершенства дешевых датчиков нагрузка на тело была сильнее, чем обычно; случалось, что игроки умирали прямо на стульях. Гарри в кровь разбил кулак, но не издал ни звука. Мы сплелись намертво, не собираясь уступать друг другу. Загрубевшие пальцы впивались в кожу, царапались о защитный костюм.

— Развлечение для плебеев, — заметил Гарри, но сдаваться и не думал, и тут я увидел нависшего над нами автоматчика.

Когда пули прошивают тебя в Среде, это ни с чем не сравнимо. Чувствуешь, как каждый кусок свинца взрывает тело, будто на зажеванной пленке. Я вылетел из игры, схватившись обеими руками за стол и пытаясь восстановить дыхание, по груди промчался поезд. Сначала проходила волна страха, а потом накатывала эйфория от того, что ты жив, — самая лучшая терапия. Я разогнулся и заржал. Никто кроме техников не обращал на нас внимания, все смотрели бои Высшей Лиги, которые транслировали через инфоэкраны. Гарри сорвал очки, вытирая пот балахоном.

— Долбаная игра, — засмеялся он, схватив стакан с местной бурдой и осушив его одним махом.

Я тоже заказал выпивку:

— Мы должны придумать что-то другое. Помнишь Сида, того парня, который смог без ускорителей попасть в лучшую десятку?

— Нереально.

— Если получилось у него, должно получиться и у нас, — сказал я. — Мне надоело сидеть в «Гейте». Рейтинг — то же самое, что и здесь, только с именами, скинами, системой оплаты. Мы должны сделать что-то большее, чем научиться прыгать и стрелять в Среде. Что-то стоящее.

Гарри молчал. Он уже несколько месяцев работал в газете «Ксенофобия» и писал о других планетах для посетителей ретро-клубов, хотя сам ни разу даже не разговаривал ни с одним инопланетником.

— На счет ускорителей… — он некоторое время посмотрел на собственные пальцы, словно удивляясь, что они целы и не разбиты. — Сюрприз.

Гарри запустил руки в волосы, окончательно приходя в себя, вынул бесполезную «вилку», воткнул в обмякший рот сигарету, а потом потянулся к поясу. Иногда священник казался склеенным из расплавленного пластика. Меня его сюрпризы не радовали, поэтому на пакетик, который он извлек из-за пояса, я уставился с подозрением. Он достал маленький, почти игрушечный шприц, предназначавшийся для доз тяжелых наркотиков, и, прищурив и

без того узкие глаза, посмотрел на него так, будто хотел спросить имя.

— Думаю, давно пора попробовать, — проговорил он, аккуратно смешивая оказавшийся в пакетике порошок с водой, заполнил иглу и поднял взгляд.

Пепел с сигареты упал прямо в стакан, но Гарри никак на это не прореагировал.

«Serve the servants — oh no» — промчалась по стене строка и канула в небытие.

— Это эс-пи, — объяснил бывший священник поддельной сатанинской церкви. — Слабая концентрация, но это именно они.

Я взял у него шприц с грязноватой жидкостью, другую руку пытаясь засунуть в рукав рубашки. Эс-пи или ускорители имели добрых три листа побочных эффектов, но это никого бы не остановило. Все в Высшей Лиге сидели на эс-пи, иначе любой турнир грозил превратиться в бессмысленное пятно. Архангелы, отслеживающие провокации и теракты в Среде, принимали ускорители; почти каждый программист, работающий с кодом в реальном времени, закидывался этим грязно-желтым дерьмом, если не хотел, чтобы его работу получил более рисковый парень. Существовала еще одна проблема — с эс-пи могли справиться не все, многим не давался поток информации, у небольшой части людей сносило крышу, на других они просто не действовали. Ко всему — запредельная цена и целая волна подделок. Наркотики для элиты, пропуск к сверхскоростям.

— Того, что я наскреб, едва хватит на одну дозу. Так что придется постараться, чтобы давало сразу, — он глубоко затянулся дымом, на скулах образовались вмятины.

— Где достал?

В «Гейте» не реагировали ни на шприц, ни на порошки, — допинг использовался повсеместно, а уж когда дело касалось Среды, никто и не думал контролировать состояние участников. Запрещалось вмешиваться в работу программ, изменять код, пытаться взломать систему, а то, что ты сделал с собой, никого не волновало. Техники забрали оборудование и неслышно, не интересуясь ни нами, ни кем бы то ни было другим, скрылись в подсобке.

Гарри уклончиво мотнул головой, и я не стал настаивать. В конце концов, я тоже не рассказывал ему, чем зарабатываю на жизнь и что мне приходится для этого делать, так что все было правильно. Мы одновременно встали и вышли в туалет, проталкиваясь сквозь сидящих в шлемах зрителей.

Урна рядом с раковиной с горкой была заполнена пластиковыми оболочками от таблеток, тампонами и пакетами от

синтетической еды; в самой раковине плавало несколько ярких треугольников от противозачаточных, но в целом — чисто. Странно для такого многолюдного места, как «Гейт». В углу, обхватив голову руками, валялся незнакомый мужчина — по всей видимости, тот, в кого выстрелил Гарри. Он не шевелился, скрючившись, пытаясь даже коленями защитить патлатую башку. Плохая регулировка «вилки» или слабая психика — в любом случае, исход одинаков.

— Не жилец, — Гарри выплюнул остаток сигареты на пол, потушил его, а потом запустил руку под пиджак игрока.

Зеркало было заляпано пятнами, сальными отпечатками пальцев, губ, потных ладоней. Протерев его рукавом рубашки, я посмотрел на полузнакомое лицо, отразившееся на гладкой поверхности, ударил пару раз по руке и вогнал игрушечный шприц в вену, наклонив иглу. Зрачки дернулись, сузились, расширились, а потом я пошатнулся и врезался головой в зеркало.

«Take a look at who you are.

It's pretty scary.»

— Крепко… — моргнул я, возвращая себе нормальное зрение.

Вытаращенные глаза, будто подведенные ресницами, и пересохший рот. Я оперся о раковину, глядя на сгустки слюны, плавающие у дыры засоренного слива. Гарри осторожно вынул шприц из моей руки, плюнув на него и вытерев иглу балахоном. В жесте было что-то невыносимо эротическое, к горлу подкатила сладковатая рвота, но я сдержался.

— Сдохнем, так вместе, — заключил он, выпустив оставшееся зелье в себя. — Будем «братьями».

«Братьями» называли торчков, потерявших последнюю власть над собой. Жалкие, сморщенные физиономии хронических наркоманов, продававших органы и собирающих мусор, чтобы скопить на дозу, отвращали от серьезной дряни, поэтому я мало об этом знал. Гарри, думаю, тоже. От него несло потом. Шприц ударился о стену и покатился по полу туалета, оставляя за собой тонкую грязную нить. Гарри оскалился, потряс головой и развернулся вокруг своей оси, не рассчитав и свалившись на пол.

— Что-то не так, — выдавил я, разгибаясь и привыкая к происходящему. — Эс-пи нужны, чтобы синхронизировать…

И тут он встал, словно кто-то невидимый взял — и поднял его, как марионетку, направил к выходу, заставив шагать, будто оловянного солдатика. Гарри распахнул дверь и замер, рассматривая дрянной толчок так, словно видел его в первый раз в жизни и увиденное превосходило явление пророка. Я уронил урну и, пошатываясь, вышел из туалета в жаркое жерло «Гейта».

Мусор расцвел на полу покровом разноцветных бумажек.

— Синхронизация… — шептал Гарри, и шорохи расползались по голове.

Мрак гейм-бара и недвижимые фигуры погрузившихся в Среду посетителей напоминали мне кладбище. Старые кладбища, на которых ставили памятники, напоминающие скорбящие человеческие силуэты, — такие кое-где еще сохранились.

— Это неописуемо.

Вены на шее Гарри вздулись. Он водил руками и смотрел на них, как вконец спятивший фанатик, встретившийся с миллионом богов, о которых раньше только слышал; он походил на дирижера невидимым оркестром, сосредоточенно следя за собственными пальцами. Глаза его при этом наполнились экстазом до краев — казалось, зрачки сейчас взорвутся.

— Это неописуемо…

Он резко прервал наркотическую медитацию, ошпарив взглядом, и вытащил нож. Я уже было подумал, что он собирается кого-нибудь зарезать, но вместо этого Гарри положил другую руку на стол и начал втыкать сталь между пальцев, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Между бровей у него образовалась маленькая морщинка, в которой скапливался пот. Еще через несколько секунд я перестал видеть, куда попадает острие ножа, — он делал это чересчур резво.

Иисус не хотел превращать меня в солнечный луч. Эс-пи на меня не действовали.

Два.

Дождь хлестал по бледно-серым крышам ангаров. В дырявом асфальте образовались маленькие лужи, в которые я постоянно наступал, обдавая грязной водой штанины. Гарри висел на моем плече и еле перебирал ногами, ворча себе под нос. Мы вышли из «Гейта» часов в пять утра, когда закончились деньги, а священник начал хоть как-то реагировать на происходящее вокруг. Утро было такое же вялое, немытое и мрачное, как и мы, — ускорители сжирали энергию, а потом человек чувствовал себя выжатым и выскобленным. Меня вытошнило пару раз, Гарри пришлось хуже, поэтому я решил дотащить его до своей каморки, чтобы чего не случилось.

Я жил не так далеко от «Гейта», около верфи, где располагались склады, гаражи, хранилища и куда приезжали только чтобы что-то погрузить или отгрузить. Мутная вода залива колыхалась внизу, как телеса толстой твари, а из окна виднелись

острые носы кораблей, площади огромных танкеров, мелкие лодчонки, сгрудившиеся у берега и едва различимые сквозь влажную дымку. Чтобы подняться на скрипучем лифте до самого верха многоэтажного заброшенного склада, приходилось затратить минут пять, не меньше. Все здания вокруг были либо бетонными, с подтеками от влажности на выщербленных боках, либо сделанными из разъеденного осадками и ядовитым смогом кирпича, либо сплавленными из уже давно заржавевших стальных листов. В этой части Тиа-сити никто ничего не ремонтировал и не строил уже очень давно, тут даже торговля наркотой не шла, потому что продавать было некому, — либо рабочим из порта, которые селились поближе, либо нищим «рыбникам»-бомжам, которые пытались выжить, вылавливая рыбу на дырявых посудинах. Зато отсюда можно было увидеть костяк нового корабля-монстра, по которому ползали роботы со сварочными аппаратами. Не знаю, с какой целью его делали, но в лучах заката он смотрелся выброшенным на берег и обглоданным китом, иногда — походил на лиру, сквозь струны которой просвечивало солнце.

Будь в моей каморке окна, выходящие в другую сторону, можно было бы смотреть на сияющие стеклом небоскребы центра, облепившие холм и стремящиеся к вершине, длинные светящиеся аллеи, извивающиеся змеи скоростных дорог и высоченные арки мостов. Но из того окна, что имелось, ничего этого видно не было. Чем ближе к заливу и дальше от центра, тем сильнее здания мельчали, словно разваливались на кусочки, на самом побережье превращаясь в клочки сараев, каморок и баров. Сверху они выглядели выкинутой горстью разноцветных оберток, рассыпанным тут и там мусором. Хозяин полупустого склада сдавал мне маленькую подсобку на последнем этаже, прямо за пустым залом, пространство которого разнообразилось только тяжелыми колоннами, укрепленными железом, и несколькими разорванными коробками. Когда по нему проходишь, грохот раздается такой, будто шагает целый отряд, потом эхо еще долго гуляет по складу. В ветреные дни, когда с моря прилетает злой ветер, зал подвывает, скрипит тросами лифта, гудит работающей внизу электростанцией. Если бы не батарея в подсобке, я бы давно околел от холода. Но это хорошее место, когда хочется побыть одному.

Если после долгого затишья выбраться из каморки и резко хлопнуть ладонями, звук прозвучит, как выстрел, и будет слышно, как вверху, под самым потолком, взлетают птицы. Стекол ни в коридоре, ни в пустом зале нет, только решетка, поэтому они забираются сюда на ночь, пытаясь скрыться от дождя или

морского ветра. Потолок такой высокий, что его нельзя рассмотреть, поэтому они остаются невидимками. Только звуки — шелест крыльев, легкий шорох отваливающейся от прутьев, на которых они сидели, ржавчины. Если играть на гитаре, каждая струна разрезает пласт холодного воздуха и оставляет серебристый след. Потом звук бродит между колоннами, поднимаясь в скопившийся под потолком мрак, — и склад выплевывает его прочь сквозь грязные прутья.

Однажды я закинулся чем-то, вернулся домой и начал играть. Мне привиделось, что каждая нота — это серебряная игла, которая втыкается мне в голову. Я смотрел в зеркало и видел подушечку для булавок, в которую превратилось лицо, — словно прически японок, только в плоть. Неплохо, но поверьте мне и никогда не покупайте наркотики у ушлого белобрысого малого в «Мезозое». Никогда.

— Отвратительно, — Гарри с трудом поднял голову, отвернулся, и его снова вытошнило.

Некоторое время он держался за меня, а потом отпустил, опершись на кирпичную стену и глубоко дыша.

— Но зато теперь мы сможем ловить код налету, сразу же, — кажется, он снова начал соображать.

— Мы еще не пробовали, — качнул головой я. — И на меня эта дрянь не действует.

— Да? — Гарри искренне удивился, уставившись покрасневшими глазами. — Ну, зато на меня она действует просто отлично.

Некоторое время мы помолчали, доковыляли до сваленных перед складом в незапамятные времена толстых труб, сели на них и смотрели на то, как дождь взбивает лужи в пену. Дорогу давно не ремонтировали, кое-где выросла невысокая травка. Гарри вытянул ноги в мокрых джинсах, облокотившись на сваленные в груду трубы, вынул сигарету, зажигалку и долго пытался прикурить. Сигарета промокла, он скомкал ее и выбросил. Вода стекала по волосам, носу, даже с ушей капала, попадая за ворот, но мы все равно промокли до нитки, поэтому торопиться смысла не было. Табак вывалился из разлома и рассыпался, сразу же темнея от дождя.

— Ты только погляди… — в голосе Гарри послышался привычный сарказм.

Я поднял глаза, прекратив созерцать потертые и поцарапанные носы ботинок, по которым струилась вода, и увидел девицу. Она прошла мимо нас, укрывшись за хлипким зонтиком, и я поразился, какие мускулистые у нее ноги. Юбка еле держалась на бедрах, крупная грудь выпирала из черного

лифчика, на который была наброшена куртка; она немного задержалась, обдав нас взглядом усталых глаз, а потом припустила дальше, кажется, решив, что толку от нас никакого. В общем-то, она была права. Лет около сорока, не меньше, жидкие волосы собраны в хвост, глаза из-за дождя размазались. Мне она напомнила высохшее насекомое с ношей, роль которой выполняли чересчур большие груди.

Гарри о чем-то задумался, достал еще сигарету, но засунул ее обратно, чтобы не мочить. Пальцы плохо работали, с координацией движений у него так все и не наладилось, но ливень сосредоточивал, приводил в чувство.

— Как ты думаешь, мы сможем улететь на Марс или за пояс планет? — почему-то спросил я.

Гарри взглянул вслед уходящей женщине. Девица шагала размашисто, словно солдат.

— Для этого нужно слишком много кредитов и связи, чтобы выпустили из космопорта.

— Это не ответ. Можно сбежать нелегально.

Священник прищурился, вертя зажигалку в замерзших пальцах.

— Мне кажется, я все уже здесь видел. Возможно, познакомился не с каждой из стадий разложения, но представление составить успел. Я сыт этим, — я начал говорить из противоречия, но в процессе понял, что действительно был бы не прочь улететь.

Гарри потер лицо руками, стряхивая воду, натянул капюшон.

— По-моему, ты — жертва мифа об идеальной стране, которая находится где-то и когда-то. А опыт человеческой цивилизации показывает, что все места, где оставил свой след человек, стремительно становятся одинаковыми. Стоит только ему опуститься на землю какой-нибудь занюханной планеты, как вместе с вырвавшимся из шлюза воздухом атмосферу заражают высадившиеся с ним стереотипы. К тому же в других местах нам придется крутиться в десятки раз сильнее, чтобы потом оказаться в шахтах на астероидах.

Он уставился на меня щелочками глаз, ожидая ответа.

— Тогда мы могли бы отправиться туда, где людей еще нет, — не спешил соглашаться я.

— Ты забываешь, что как только мы вылезем из звездолета, люди там появятся.

Дождь постепенно утихал, но небо оставалось таким же серым. Со стороны верфи доносился отдаленный стук, девица уже скрылась.

— Проклятые спидеры, — Гарри встал, держась за трубу.

Я хотел только одного — выспаться. Добраться до своего матраса, содрать мокрые, прилипшие к телу штаны, воняющие грязью и химией, натянуть одеяло до самого подбородка и вырубиться. Лифт скрипел, медленно подползая к последнему этажу. Гарри сел на пол, облокотился на стену; вокруг него сразу же натекла лужа воды.

— Как-то нужно будет к этому привыкнуть, — пожаловался священник сам себе.

Снять мокрые шмотки он уже не мог, поэтому просто рухнул в углу, около батареи, подложив под голову комок нестиранной одежды. Я пнул его, но Гарри только ворчал, отпихиваясь, когда я предлагал поднапрячься и переодеться. За порядок я не волновался — все равно в каморке не было ничего кроме нескольких старых матрасов, рабочей станции, ящика с электроникой, гитары и пакетов с синтетической едой. Глотнув выдохшегося пива, я стащил ботинки, в которых хлюпала жижа, штаны, куртку, налипший ком рубашки и упал на матрас.

Когда я проснулся, Гарри спал в той же самой позе, только вытянул ногу, с которой сполз ботинок. Балахон упал на лицо, из-под темной ткани раздавался храп. Я отключил будильник на рабочей станции, посмотрев на время. По часам выходило, что я проспал весь день, так что стоило поторопиться, — Мэй не любила, когда я опаздывал, всегда устраивала скандал. Оставлять Гарри одного мне не хотелось, но он никак не реагировал на попытки его разбудить, сворачиваясь в клубок и злобно мыча.

— Свинья, — тряхнул головой я и вытащил кейс с электроникой, переступая через развалившегося священника.

После этого я оделся, зашнуровал ботинки, засунул за высокое голенище шокер, за пазуху куртки — пистолет и сразу почувствовал себя намного лучше. Хотя в этом районе редко можно встретить людей, мне не хотелось попасть в руки каким-нибудь торчкам. Мало ли, решили сменить маршрут. Я набросил на Гарри одеяло и вышел прочь.

Нездоровое розоватое небо посветлело, дождь прекратился, но складывалось ощущение, что его кто-то сдерживает из последних сил, а потом ливень вырвется на волю и хлынет вниз. Напряжение, жаждущее прорвать клетку облаков. Из порта доносились гудки и стук: роботы продолжали строить грандиозное судно, ползая по остову. Я пошел к ближайшей станции подземки, стараясь не особенно светиться, по переулкам и известным только местному народу переходам. Скоро появились инфоэкраны, на которых изящно зависала в воздухе Реи и фирменным жестом проклинал врагов D-Jesus. По всему Тиа-сити стоят камеры, так что, выбираясь ближе к цивилизации,

я чувствовал, как мне в спину таращатся невидимые глаза, хотя, конечно, ничего конкретного, что я мог бы назвать оком, не замечал. Солнце собралось исчезнуть в тягучих, темных облаках, скопившихся у самого горизонта, и я припустил, огибая бронированные тачки.

— Эй, чувак! Устали глаза? Иди сюда, импланты не болят и не портятся, никаких проблем, даже если кто-нибудь засадит в тебя нож. Всего лишь небольшой ремонт — и ты снова можешь таращиться на сиськи Реи, сколько влезет, — мелкий, похоже, меня не узнал, пытаясь всучить товар. — А, это ты, Грайнд. Что-то ты на себя не похож. Никакой катаракты, никаких трат на дорогостоящие фильтры! Вы продадите свои несовершенные гляделки за круглую сумму, а взамен получите вечность!

Мелкий торговал тут с незапамятных времен. Еще с тех, когда искусственные глаза казались диковинкой. Он был прав: Тиа-сити загнивал, пытаясь спорить с природой и проигрывая, а уж для геймеров, которые часто теряли глаза из-за постоянного погружения в Сеть, неудачного удара на дуэли или сотни других причин, имплантанты были отличным выходом. Но юркий Мартин продавал собранную на коленках поделку, и это сразу выяснялось на визите к хирургу, который должен был их поставить. Я видел обанкротившихся дураков с дырами вместо глаз, которые бродили и пытались восстановить справедливость, пока не успокаивались в заброшенном переулке.

Около подземки накидывалась реклама — экраны, строки, голографические образы, каждый из которых манил что-нибудь купить. Большая часть звала подключиться к Среде, раскошелиться на лицензионный ключ, усовершенствованные датчики и, конечно, новую вилку для геймеров, выпущенную корпорацией. Сложная электроника, работающая с импульсами в мозгу. Я не доверял таким штучкам — наверняка умники из корпорации вставили туда гипнокод, как это уже было с несколькими играми. Рядом с колоннами, поддерживающими козырек станции, крутилась шушера, торгующая с рук. Неформалы собирали на крэк, гордо демонстрируя хитро шрамированные тела или проколотые железными штырями руки туристам, которые выходили из провала подземки, желая потаращиться на жизнь трущоб. Их сразу можно было отличать от других, как бы те не одевались.

Ларьки с жирными сосисками, кабинки доступа в Сеть, проститутки, дилеры, несколько охранников с ног до головы в броне. Здесь же сновали вездесущие сектанты всех мастей — члены церкви Реи, несколько худощавых шэо — пророков сетевых событий, Дети Икара, блестящие металлом психи из

Кибернетического Единства, сидящие на игле последователи «Дороги в нирвану», а еще — байкеры и просто издыхающие нищие, пришедшие сюда в надежде на чье-то милосердие. Байкеры наряду с ретро-движением презирали все, что давала Среда, но поступали более радикально и селились за городом, в развалинах. Правительство часто совершало на них рейды, но байкеры все равно не переводились, красуясь шипастыми мотоциклами, мало чем отличавшимися от аналогов в «Motorhead: Steel Demons»; среди них было много талантливых техников, поэтому они умели скрываться от правосудия. Раньше здесь же ошивались клоуны-поджигатели, но после последнего происшествия около центра, когда они пытались сжечь самый крупный гипермаркет, чтобы заставить жителей «питаться пищей духовной», по их следам пустили Гончих. Кровь и кишки на ровных улицах центра вытерли, а от банды осталось одно название.

Официально станция подземки называлась «Тарео», последняя на этой ветке, но стоило бы проявить побольше честности и назвать ее «Дыра». Местные восстановили справедливость, называя ее только так и не иначе. Я спустился в «Дыру», погружаясь глубже и глубже в рекламный звук, в мелькание коллажей, предлагающих мне не одно, так другое, в голоса — звонкие, убедительные, увесистые, будто шлепки, и с каждой секундой у меня портилось настроение. Депрессия от эспи усугублялась мельканием картин с турнира, бородкой D-Jesus'a, которую мне хотелось выдернуть под корень, и неспешным движением эскалатора, превращающим поездку в туннеле, облицованном рекламными инфо-экранами, в пытку. У меня не было денег на фильтры, которые носили с собой преуспевающие шишки из центра, поэтому все это дерьмо заливали и заливали мне в уши.

Я опустился на сиденье, держа кейс поближе, и прикрыл веки, чтобы хотя бы не видеть мелькание. На стеклах танцевали гибкие девицы, зазывающие в заведение «Мягкий рот», эффектно улыбался Рейдер, предлагая сыграть за меня, если я сделаю на него хорошую ставку (игроки получали 10 % от общего выигрыша по ставке), размахивала руками счастливая семья, высаживающаяся на неведомой планете [«Хочешь открытий? Хочешь настоящих путешествий и новых горизонтов?»], разваливалась на более мелкие баннеры бездарная рекламная масса.

«Лучше сдохну, чем буду крутым»

Я вытянул ноги, пытаясь влиться в мерное покачивание стремительно несущегося вагона. Поезд опускался все ниже и

ниже, чтобы пробраться под уходящими в глубину этажами промышленных районов, а потом резко вынырнуть над рекой и промчаться по жесткой дуге железнодорожного моста. Вагон тряхнуло, я открыл глаза и увидел закат. Днем Тиа-сити напоминал железный скелет, живущий однообразной механической жизнью, ночью — смертельную язву, но в такие часы, как сейчас, он мне нравился. Небо серое, словно поверхность жемчужины, будто отрихтованное умелым художником, который добавил серебра, убрал лишнее. Матовое, похожее на пепел или теплый асфальт. Провода сплетались в небе, порождая новый ярус. Кибернетическая мечта. Искусственный рай. Бесконечные возможности для эскапизма. Сюда съезжались отовсюду, чтобы погрузиться в мир технократов, выбравших жизнь в Сети.

Девчонка в углу вагона уже подключилась, натянув очки и улыбаясь чему-то. Стандартный комплект для наблюдения, ничего особенного. Ногти на ее пальцах выглядели нелепо — словно кто-то воткнул в резиновые муляжи по осколку ярко-фиолетового пластика. Я вышел сразу за мостом, преодолев очередной приступ депрессии, прошипел ругательство, увидев время, и побежал. Слабость после эс-пи двукратно увеличила вес кейса, так что это была не самая приятная пробежка.

— Где ты шлялся? — Мэй ткнула тонким пальцем в инфоэкран, в углу которого мерцали цифры, недвусмысленно показывающие, что я опоздал. — Если выступление задержится хотя бы на минуту, ты уволен.

Я промычал что-то, протиснулся в заднюю дверь клуба «Хайвэй», кинул куртку в подсобке и пошел к пульту. Бесконтрольный танцевальный бит с басами, от которых тряслись стены, уже нес публику на своих волнах. Всюду извивались тоненькие японки с футуристическими прическами, полуголые гомо, куча психованных фетишистов, другие поклонники синтетической музыки. Между ними сновали дилеры, предлагая «кислоту», ллир, возбуждающие порошки. «Хайвэй» был одним из самых модных заведений этого района, в котором крутились японцы, делавшие под прикрытием танцевального клуба множество других дел.

— Хочешь инъекцию в мозг?

— Пошел ты, — я отпихнул узкоглазого, оставив отпечаток потной ладони на его виниловом костюме.

Все японцы — психопаты, у них что-то повернуто в мозгах. Они одержимы идеей создать бога из микросхем и сетевых соединений, усовершенствовать усовершенствованное, создать синтетические заменители для всего, что попадается им под руку,

как будто само существование натурального — вызов для них. Именно японцы организовали Кибернетическое Единство: ты платил, садился в кресло, они вскрывали тебе череп, пихали туда сенсоры, передатчики, миниатюрные, едва ли с одну десятую зерна, антенны, что-то еще, а потом ты был подключен к Сети постоянно. Всегда. Картинка города проецировалась прямо на сетчатку, копия настоящей. Люди из Кибернетического Единства видели не тебя, а переданную через видеокамеры, многократно обработанную копию. Они работали с потоками информации круглосуточно, жили в вирте, периодически делая питательные инъекции, чтобы не сдохнуть. Есть, как обычные люди, они считали недостойным существ, сливающихся с Сетью. Если у них был лицензионный ключ, они могли и в Среду выходить, блуждая в созданных тысячами программистов мирах. На этом члены Кибернетического Единства не останавливались — они жили с роботами, женились на виртуальных образах, раздражая центры удовольствий, заменяли органы на искусственные, ставили себе имплантанты, стремясь к механическому совершенству. Думаю, их идеалом была микросхема. Если бы они могли, они бы превратились в набор микросхем, пахнущих подгоревшей пылью.

Не могу сказать, что я их осуждал. Периодически я сам думал скопить денег и подключиться навечно, но это была одна и та же тягомотина, вытягивание последнего на одно усовершенствование, на доступ туда, доступ сюда… Возможность для богатых, а я еле собирал на оплату квартиры. Танцоры беспечно агонизировали в лучах софитов, двигаясь так, как в обычном состоянии даже не придет в голову. Всем в зале транслировались фирменные заставки «Хайвэя» — видеоклипы в вирте, с полным эффектом присутствия. Секс, насилие, извращения, погони нон-стоп, падения, взлеты, какофония шизофренических видений. Басы рвали помещение на части, волны низких частот были ощутимы, подталкивали, щекотали, заставляя сердце гулко гнать кровь по венам. «Хайвэй» больше напоминал огромный цех по производству какого-нибудь допотопного барахла, громоздких железных корыт или мясорубок, по черным, мерцающим искрами стенам которого неслись превосходно оцифрованные машины.

Около похожего на пыточное кресло аппарата пританцовывал Кейс; свет то превращал его в черное изваяние, то окрашивал в алый. Еще одно изобретение японцев — нч-инъектор, подведение вибраций прямо к черепной коробке. Что уж они там наколдовали, я не знаю, да и название мне не нравилось, но смысл в следующем: специальная контактная игла вставлялась в приготовленный предварительно разъем прямо на черепе, потом

начинался беспредел. Это сложно описать — вибрация заполняет тебя до предела, все эмоции, которые может внушить или вызвать музыка, становятся такими сильными, что ты просто взрываешься. После голова разламывается, но хочется еще и еще, а затем человек становится овощем — мозг выжигает. Некоторые, правда, считают, что оно того стоит. Один раз я попробовал; отверстие, окантованное специальной сталью, осталось до сих пор, присоединившись к двум разъемам для вилки. Многих женщин это заводит.

— Мэй очень зла, — одними губами сказал Кейс, потому что звука все равно не было бы слышно, а потом отвернулся к клиенту, который пускал слюни от секса с низкими частотами.

Около пульта копошились Дейт и Масахико, контролируя мощность, скорость передачи вирт-клипов и музыку.

«Попытай удачи, мертвец».

Огромный, на всю стену, инфоэкран расплылся, передавая буквы, собранные из картин разложения, грязного секса, раздирающего тела на части. Чернуха, нарушающая законодательство, возбуждала народ, именно этим «Хайвэй» и прославился. Шеренга голых андроидов с пятнами сажи вместо глаз неточно, но неизбежно приближалась к гигантскому бассейну с кислотой. Движения слепых, неотрепетированные и отрешенные, тем не менее безупречно вписывались в звукоряд.

Я перепрыгнул через увитый проводами пульт и открыл кейс.

— Давно пора, — Масахико отошел, краем глаза глядя на то, как кислота размывает заменяющее кожу покрытие.

«Попытай удачи, мертвец», — смеялся инфоэкран и стремительно падал с горы в выгребную яму, до краев заполненную трупами. Я подключал нужные мне устройства, настраивал пульт, пытаясь успеть за оставшиеся пару минут. Шепот вкрадчиво ввинчивался в подкорку. Уже пошли кадры с видами на старые заводы, — те самые, за которые на «Хайвэй» хотели подать в суд поборники морали, но, как это водится, проиграли. Связанная женщина без лица, лежащая на допотопном, заржавевшем станке, шелестела одну и ту же фразу, все громче и громче, требовательнее и требовательнее, а группа фриков разрезала ее на части.

«Играй в меня».

Кого-то в толпе вывернуло, но в «Хайвэе» такое случается. Несколько особенно внушаемых уже впились в друг друга ногтями; отдельные люди, пришедшие поглазеть на сумасшествие «Хайвэя», один за другим сливались, ловя капли пота, прижимаясь жесткими основами очков к чужой плоти, не переставая двигаться. Две туристки в ужасе содрали очки и

начали проталкиваться к выходу — зрелище пришлось им не по вкусу, но на входе висит предупреждение. Полиция сюда не совалась, потому что ответственность за посещение «Хайвэя» лежала на самих туристах. Не знаю, получится ли у них выбраться, если они не захватили с собой шокеры.

Я надел наладонники и очки, колдуя над виртуальной панелью, пот лился в глаза. У женщины появилось лицо. Это было очень красивое лицо — я собрал ее из того, что мне нравилось. Синтезированная из девушек мечты ведьма, по мертвенно бледному лбу которой сейчас медленно стекала струйка крови. Стоп-тайм в бите нагнетался виляющей вдали мелодией, она зловеще присвистывала, обещая скорый накат. Напряжение можно нагнетать до бесконечности, но многие тогда рехнутся прямо в зале, если не ослабят контакт с Сетью, а эти пижоны редко его ослабляли.

«Попытай удачи, мертвец…»

Успел! Губы раскрылись:

«Сдохни».

Я дернул ручку усилителя; нефильтрованный, бездонный гитарный бас ворвался в зал, наполняя его вибрирующим гулом. Черный латекс, впившийся в формы стократно убитой, живой-мертвой Некро хотелось содрать вместе с кожей. Она смеялась, откидываясь назад и зачерпывая руками острые звездочки. Смешанный с гитарным звуком голос заставлял покрываться мурашками, делать стойку, визжать от восторга и умолять о том, чтобы она приказала хоть что-нибудь. Дева «Хайвэя», созданная мной для того, чтобы не умереть без денег. Некро, сотканная из вожделения, кровавых фантазий, цитат давно умерших музыкантов и гитарного воя.

«Играй в меня».

Откуда-то нахлынула такая ненависть, что я дернул ручку до упора, желая, чтобы головы тех, кто стремился сюда, закипели и взорвались, как в микроволновой печи. Жужжащие сэмплы, стрекочущие удары, пучки опасных вибраций — полный контакт, full. Некро шептала, перевернувшись и кусая губы под очередным любовником, лица которого не было видно. Голос рвал мелкие сосуды, вокруг нее струились остатки вирт-клипа, в которых мертвецы выбирались из могилы и двигались на город плотной волной. Смерть, от которой невозможно отказаться, — засунутое в распахнутый рот дуло револьвера, секс до агонии. Стрелки зашкаливали, показывая критический уровень. Они дергались в ритме ударных — в том же, в котором сокращались сотни тел внутри «Хайвэя».

«Сдохни».

Длинные пальцы с черными ровными ногтями скребли землю крупным планом. По тому, как они слегка подергивались, можно было ощущать ритм фрикций.

«Сдохни».

Кто-то врезал мне по лицу, отодрав очки. Я увидел Масахико, у него из носа шла кровь, а глаза светились бешенством. Техник убавил мощность, развернулся — и ударил еще раз. В зале царила неразбериха, половина народа в бессилии попадала на пол, пытаясь выбраться из трансовой грезы, другая половина изнемогала, трахаясь и танцуя, танцуя и трахаясь, трахаясьитанцуя…

— Ты спятил, ты ненормальный! — Мэй бушевала, размахивая руками и борясь с желанием мне врезать. — Ты же едва не убил всех клиентов!

Она бы ударила, если бы не боялась. Не знаю, в чем тут дело, — в спидерах или в чем-нибудь еще, но я чувствовал, что если она поднимет руку или прикажет вышвырнуть меня своим громилам, я ее уничтожу. Мэй тоже это чувствовала, поэтому не подходила ближе. Мелкие колечки проволоки, из которой было сделано ее платье, тихо позванивали.

— Ты уволен! Уволен, мать твою! — взвизгнула она, бросила жиденькую пачку кредитов, которую я тут же подобрал, и указала на дверь. — Забирай кейс и катись к дьяволу!

— Дьявол с изобретением Сети потерял актуальность.

Я вышел из клуба, крепко сжимая в руках кейс с составляющими мертвой девы «Хайвэя», и зашагал к подземке. В голове стояло видение лысой инопланетянки, вырывающей из головы антенны, на основаниях которых оставались маленькие кусочки кожи; я никак не мог понять, откуда оно взялось и как выкинуть его из головы. Перемахнув через ограду, я поймал тачку и попросил отвезти прямо к «Дыре», нигде не останавливаясь. Сейчас Мэй придет в себя и пошлет за мной отряд япошек, чтобы вернуть ставшую их визитной карточкой кибернетическую Некро. Когда она сердится, плохо соображает. Я откинулся на сиденье и вдохнул воздух свободы, пялясь в затылок механического водителя. Думать о последствиях не хотелось.

«Сдохни».

Три.

Я мечтал работать в ретро-клубе, но снобы, которые открывали эти заведения, были слишком чувствительны к

образованию и социальному статусу; кроме этого они проверяли кандидатов на подверженность сетевым влияниям, и тут дыра для нч-инъектора не добавляла мне харизмы. Им нужен был стерильно чистый электроник, не похожий на панка, сектанта или хакера, — обычный парень, который мог настраивать старую аппаратуру. Ламповые усилители, древние примочки для гитар, простая ударная установка, настоящая еда и напитки. Последнее стоило бешеных денег, ведь в Тиа-сити днем с огнем не сыщешь еду, которая не высыпается из пакетика или не выдавливается из тюбика с кислотной надписью. В ретро-клубах собиралась публика из тех, кто панически боялся Сети и зависимости от нее, проклинал Игровую Среду и скучал по «старым добрым временам». По большей части здесь зависали отпрыски богатых семей, служащие корпорации, которые пытались отдохнуть от собственного детища, просто любители экзотики или туристы, изучающие прошлое Тиа-сити.

Хозяева обычных клубов были не столь щепетильны, поэтому периодически мне удавалось устраиваться на работу по настройке очередной системы, пичкающей людей коктейлем из синтетических звуков. Из-за того, что я занимался этим без лицензии, без образования, платили мало. Но электронная музыка, бесчисленные суррогаты изнасилованных компьютерными преобразователями частот никогда мне не нравились — еще один наркотик, который продавали так же, как таблетки. Я хотел работать в ретро-клубе не из-за денег, а чтобы вспомнить, как звучат гитары, как зарождается грохот в гулком брюхе настоящих барабанов, как четко слышен жесткий звук ерзающего по струнам медиатора, как щекочет тембр необработанного голоса, но каждый раз, когда я пробовал, передо мной хлопали дверью.

Когда это случилось последний раз, я создал Некро и продался «Хайвэю». Им нужно было что-то особенное, истеричное, жестокое, злое, полное насилия и изуродованной музыки. Именно это я им и дал, слегка даже переборщив, добавив в синтетику гипнотических ритмов сочное звучание гитары, пропитав вибрациями басовых струн. Отвратительная продажная девка, которая должна была для меня заработать. Да, если уж говорить правду, то это даже не я ее придумал, — я просто переделал образ, который описывал один парень из Сети. И вот теперь развратный символ «Хайвэя» лежал у меня на коленях упакованным и спрятанным в кейс. Чем дальше мы отъезжали от клуба, тем четче я понимал, что теперь в покое меня не оставят. Наверняка они уже запустили поиск, опрашивая доступные им камеры, так что нужно было быстрее скрыться в трущобах, пока

японцы не сделали из меня отбивную.

— Эй, остановись, мне нужно выйти.

Машина замерла где-то посередине моста, я открыл дверь, и в лицо пахнуло грязной водой. Мимо, визжа, проносились блестящие бока тачек — они двигались так быстро, что в темноте их было трудно заметить. Я достал кейс, вынул винт с записью основных параметров Некро, отложил его, потом достал капсулу-пульт, подключаемую к звуковой системе, некоторое время посмотрел на нее, кинул на асфальт и как следует припечатал тяжелым ботинком. Микросхемы рассыпались в пыль. Может, японцы и догонят меня, но больше никаких оргий и восстающих мертвецов. Хватит. Винт я сбросил с моста, забрался обратно в машину и дал знак ехать, пересчитывая данные мне Мэй кредиты. Их оказалось не так уж и мало — наверное, она настолько разозлилась, что не посмотрела, сколько дает.

Проехав мост, я осознал, что японцы из «Хайвэя» подключат к поискам всех сектантов из Кибернетического Единства, а это сулило жизнь в подполье. Машина, наконец, доехала до конца моста, ныряя в менее престижные районы, и я начал надеяться на удачный исход. Мимо проносились индустриальные пейзажи с молчаливыми, лишенными окон стенами, громыхающими цехами, вздымающимися вверх трубами и переплетением несущих конструкций. На инфоэкранах что-то мелькало, но я воспринимал происходящее с усилием, как-то туго. После кувалды клубных басов мир казался блеклым, мне страшно хотелось спать. Хорошо хоть, что японцы не подадут заявление в полицию, — все, что вытворяла Некро, было вне закона. Собственно, из-за этой атмосферы опасности и таинственности народ и ломился в «Хайвэй».

Я вылез около завода по производству питательных смесей, огляделся, похлопал по куртке в поисках пистолета, заплатил по счету и скрылся между фабричными зданиями. Тут было опасно, особенно с каким-нибудь скарбом, который бродяги могли посчитать интересным, но лучше местные банды, чем японцы. Старательно огибая «Дыру», пытаясь не попадаться никому на глаза и избегать крупных улиц, на которых стояли камеры, я все-таки едва не нарвался на кучку фриков из Кибернетического Единства, но вовремя успел спрятаться за угол. Когда я дошел до складов, была глубокая ночь. Все, чего мне хотелось, заключалось в прямоугольнике матраса.

Едва я открыл дверь, в глаза бросилась сидящая за моим компьютером фигура.

— Что-то ты задержался.

— Что ты здесь делаешь? — я с облегчением опустил

пистолет, узнав голос Гарри. — Ты должен был проснуться и отвалить, это тебе скажет любой гостеприимный хозяин.

— На новостных сайтах говорят о парне, который собирался убить посетителей «Хайвэя», а потом утащил с собой важное «железо», хотя япошки стараются заткнуть слухи, — затянулся дымом священник, показывая на монитор и никак не реагируя на мое недовольство. — Правда, фотографии трахающихся андроидов, обрывки вирт-клипов и лицо полумертвой королевы «Хайвэя» все равно уже растиражированы ребятами из KIDS по всей Сети.

— Проклятье… — я швырнул кейс в угол и упал на матрас. — Но меня-то это почему должно касаться? Я пришел после трудового дня, чтобы слушать сводки новостей?

Гарри поднял бровь, не веря мне ни на грош.

— Грайнд, — он отодвинулся от монитора, показывая картинку, — на сайтах висит и фотография этого парня.

Я с трудом повернул голову и встретился взглядом с оцифрованным собой. Сил на то, чтобы ругаться, у меня уже не осталось, так что я снова уткнулся в подушку. Единственный плюс заключался в том, что хакеры из KIDS вырезали неплохой кадр. Теперь обо мне будут грезить сетевые девочки.

— Что за железо ты спер? — в глазах Гарри искрилось неподдельное любопытство.

— Не твое дело, — прервал расспросы я. — Так почему ты не ушел? Тебя выгнали?

Священник хмыкнул, потянулся, посмотрел в потолок. Серый потолок с подтеками, несколькими сколотыми участками там, куда попали пули, и пятнами краски. Он задрал подбородок и выпустил череду колечек; рука безжизненно упала вдоль тела, не выпуская из пальцев сигарету.

— Помнишь того мужика, которого мы видели в туалете? Он сдох, как я и говорил.

— Ну и что?

Гарри усмехнулся потолку и выпустил еще череду колец. Не знаю, о чем он думает в такие моменты, — словно смотрит в окно, мысленно разговаривая с невидимым слушателем, который понимает его намного лучше, чем окружающие. Шутки в никуда. Дым вылетал изо рта плотной струей, будто вода из шланга поливальной машины. Я вздохнул, потер лоб, — донимали воспоминания о «Хайвэе». Меньше всего мне хотелось, чтобы Гарри об этом расспрашивал в своей легкой, неприятной манере свободного психоаналитика. Как раз тогда, когда я так подумал, священник отвел глаза от потолка и резко сел, окончив советоваться с невидимым альтер эго.

— Если говорить кратко, то придурок оказался родственником какой-то шишки. Пришел, чтобы развлечься, и не вернулся. Один из туристов, которые хотят получить море острых ощущений, записать их в книжку и нетронутыми вернуться домой, — Гарри сделал паузу, чтобы выдохнуть забившийся в легкие дым. — Теперь меня ищут. Судя по всему, у них достаточные связи, раз смогли просмотреть записи, вычислить меня и отыскать адрес, а ведь я не зарегистрирован напрямую. Так что я решил, что лучше будет свалить.

Только сейчас заметил, что он принес свою панель для доступа в Сеть, очки, коробку с датчиками, пакет, сквозь тонкий контур которого угадывались платы, переходники, еще какое-то «железо». Не густо, но могло пригодиться. Ни одежды, ни еды, ни денег, я уверен, у него нет.

— Прекрасно, — я запустил в стену вынутым из ботинка шокером. — За мной гонятся обезумевшие япошки…

— И Кибернетическое Единство, — уточнил Гарри, вставая и начиная ходить по комнате. — Они назначили неплохую награду за тебя. Я думаю даже, не стоит ли мне подзаработать.

— … а ты сообщаешь, что со дня на день сюда могут придти, чтобы нас выпотрошить, — странно, но у меня хватило самообладания, чтобы проигнорировать его последнюю реплику.

— Симметрия, — пожал плечами Гарри. — Обычная симметрия, чтобы ты не зацикливался на своих проблемах. Считай меня спасителем от одолевающих мыслей о собственной значимости.

Я только хрюкнул. Гарри затушил сигарету, затоптав сморщенным окурком каждую искру. Фотогеничная скотина. Из него надо было делать вирт-звезду. Он умел быть очень убедительным, хотя ни на грош не верил в то, что говорил. Может, именно это и производило такой эффект, потому-то обыватели и покупались на его трюки, ведь в глубине души многим нравится, когда их ставят на второе место, указывают, что нужно делать, не считая достойными думать самостоятельно.

— Нам придется сидеть здесь, пока все не успокоится, — нахмурился я.

Что он ответил, я не помню, потому что внезапно вырубился в беспокойный, нездоровый сон, даже не заметив, как это произошло. Иногда я выныривал из грязной лужи беспамятства и видел Гарри, который то сгибался за рабочей станцией, то что-то прилаживал, то просто сидел, попивая из бутылки последний оставшийся спирт и дымя, как фабричная труба, то рылся в моем кейсе с невозмутимым лицом. Я не понимал, сплю я или нет, но сказать что-нибудь, вырваться из оков дремы до конца и начать

протестовать мне не удавалось. Узкая комната, давящие мрачные стены, разбросанные вещи, запах мокрой ткани, грязных ботинок и дыма сигарет Гарри, который становился плотнее и плотнее. К горлу подкатывала тошнота; как бы я ни ложился, мне было неудобно, в какую бы сторону я ни поворачивался, я везде видел одно и то же. Вирт-клипы дрейфовали внутри, вбивая надоевшие до кровавых слез строки, кожа вокруг разъема для нч-инъектора чесалась, хотелось выдрать его с корнем.

— Мост, — сказал Гарри, поправляя очки.

Или мне показалось, что сказал. Мост мчался вперед, облепленный электрическими искрами… К утру я настолько измучился, что отключился. Когда я открыл глаза, первым, что я увидел, был бывший священник, выковыривающий что-то из железной чашки. Пахло горячей химической добавкой к макаронам, хотя на пакетике это обычно называлось «укроп, морковь, специи».

— Так ты не был кошмаром? — я натянул на лицо одеяло.

— Нет, — безжалостно отмел Гарри, отправив в рот еще одну ложку макарон. — Я узнал, что ты выкинул ту девку из «Хайвэя» в реку, так что ни продать, ни использовать мы ее не сможем. KIDS проследили весь твой путь и выложили кадры на мосту. Или ты сумеешь ее восстановить?

— Я не собираюсь ее восстанавливать.

Священник не стал задавать вопросов, выскребая чашку, потом отложил ложку в сторону. Она противно звякнула, отогнав остатки сна.

— Зря. За этот проект можно было бы выручить кучу денег. Знаешь, я думал о том, как мы можем провести внезапно образовавшееся время, — священник швырнул в меня свой балахон, ухмыляясь во весь рот. — Вставай.

Я встал, потянулся, потер слезящиеся глаза и почему-то обрадовался жизни. За окном плыли похожие на куски рваной марли облака, по прозрачному твердому пластику, который на складе заменял стекла, расплывались мутные капли дождя. Где-то там, далеко, копошились якудза, лоскутные фрики из Кибернетического Единства, а я сидел на верхнем этаже склада, смотрел на верфь, на резко перебирающихся по остову корабля роботов-строителей, почесывал затхлое после ночи в одежде тело и плевал на все их хитрости.

Я открыл дверь, выпустив в коридор облако дыма, потянулся, прошагал по гулко отвечающему на каждое движение проходу к допотопной раковине, отвернул заржавевший кран и наполнил ладони ледяной водой. Огрызок зеркала показал небритый подбородок, торчащие ежиком черные волосы, которые неплохо

было бы помыть, воспаленные глаза и ободок разъема за ухом, ближе к затылку. Не хватало только бутылки виски в руке и заспанной проститутки за плечом. Я повернулся в профиль, примеряя на себя личину сетевого хулигана и создателя самого громкого развлекательного проекта.

— Что у тебя за платы в кейсе? — крикнул Гарри.

— Барахло. Самое ценное я выкинул, а остались части: контроллеры, акселераторы, платы сопряжения для работы с разными стандартами передачи, дешифраторы, пара железок для видеосистемы. Ну, и программы для управления всем этим, конечно, — я сполоснул голову холодной водой и вылил на нее слизкий шампунь.

Ветер гудел в подъемнике, тихо шелестели крыльями невидимые птицы, а свет пробивался сквозь наполовину заколоченные железом окна склада, рисуя в воздухе наклонные линии. Зубы начало ломить от холодной воды, но я напористо ерошил волосы, втирая окоченевшими пальцами жидкие пузырьки просроченного шампуня. Он пах лимоном и мятой, как какой-нибудь леденец.

— Ну? — я стиснул зубы, подставив голову под струю.

Гарри кинул мне полотенце. Кажется, я впервые за долгое время начинал чувствовать себя живым. Полотенце приятно царапало кожу.

— Подразним KIDS?

Я закончил вытираться и повесил влажное полотенце на руку.

— Тебе поздно бояться, Грайнд, — прищурился священник. — Ты теперь хороший товар на нелегальном рынке.

У нас осталось два пакета макарон, бутылка спирта, которую я припас на черный день, полстакана заварки, несколько засохших булочек из фастфуда и невесть как оказавшийся у меня бумажный сверток с травой — фанаты марихуаны выращивали ее дома, потому что около Тиа-сити все равно ничего не росло. Еда заканчивалась, выходить на улицу опасно — если якудза взялись за дело, то легко вычислят, что я постоянно ошивался по району вместе со священником.

— Что мы можем сделать с KIDS?

Гарри приладил к пистолету глушитель и расхаживал по огромному залу, но птицы прятались в темноте потолка.

— Например, ограбить их. Я хочу в Среду, а сейчас полно времени, чтобы добыть ключи. Ты втянул меня, а я втянул тебя. Круговорот, закон сохранения энергии или даже возмездие, — трудно было понять, шутит он или нет. — А что касается хакеров, так они хотят, чтобы ты вышел на связь. Они всегда так делают — растрезвонят и ждут, что случится. Я думаю, они хотят, чтобы ты

дал им материалы по Некро…

Я отвернулся, вернулся в комнату, выбросил мусор, кинул грязную одежду в таз, смел ненужное барахло в угол и вывалил из кейса все, что там лежало. Мне было неприятно говорить о вещах, связанных с королевой «Хайвэя». Это происшествие из тех, когда ты решил ради шутки всех обмануть, а они приняли обман за правду и назвали тебя мастером, так и не обратив внимания на действительно стоящие вещи. Гарри оставил пистолет и вытряхнул свой пакет, начал распутывать провода.

— С япошками сражаться бесполезно, — продолжал он. — Они все равно найдут тебя и выпустят кишки. Вендетта, месть, гири или как там это у них называется… Так что ты должен предложить свои умения кому-то, кто сможет тебя защитить.

Кажется, я сошел со ступени конвейера, чтобы попасть на другой, где надо работать ногами быстрее.

«Grandma, take me home»

После нескольких затяжек стало проще. Мы растянулись на матрасе, Гарри рисовал схемы, подмахивая по ходу дела пошлые рисунки, горло приятно драло от конопляной крошки. Надорванный голос вокалиста со старых записей щекотал позвоночник. Музыке было неимоверное количество лет, а названия групп забылись, но именно поэтому они мне и нравились. В них чувствовалась то неимоверная усталость, то отчаяние, лишенное глянцевой истеричности синтетики. Звучание песен заставляло горло сжиматься — слишком откровенно для Тиа-сити. Аккорды сочились невероятной реальностью, которой не должно было быть. От песен веяло свободой.

Священник смочил слюной следующий «косяк». Запах травы наполнил комнатушку, теплые петли дымка стягивали спину и оседали внутри.

— Ты используешь старые трюки — и они работают. Почему ты раньше об этом не сказал? Одна твоя система подключения чего стоит, — он пытался что-то внушить, но я просто плыл.

Он наверняка жаждал спросить, почему я не ушел работать в корпорацию или на кого-нибудь еще, кто заплатил бы мне достаточно, чтобы не пришлось трястись над каждым счетом или покупкой пачки хлопьев. Я вдохнул белую струю конопляного дыма и осмотрел все «железо», которое у нас было.

Когда технологии идут вперед, азы зачастую остаются неизменными. Многие вещи, которые кажутся сложными, можно получить, скомбинировав хорошо тебе известные. Да, оно не будет выглядеть так стильно, но оно будет работать не хуже того, что лежит в герметичной упаковке со значком Корпорации.

Программисты Сети чаще всего не изобретали принципиально новые подходы, а просто укладывали в контейнеры старые, давая им другие названия и пользуясь быстродействием систем. Пара строк кода являлась всего лишь обращением к нескольким листам отвергнутого — людям лень реформировать все с нуля, поэтому результата все еще часто можно достичь с помощью старого-доброго ассемблера и правильной настройки «железа». Программисты старой закалки часто пытались надуть тех, кто не подозревал, что скрывается под тонкой пленкой внешнего кода. Иногда им это удавалось, иногда нет. Но я не был программистом, не был им и Гарри, хотя он разбирался в устройстве и политике Сети. Зато меня хорошо научили, что может дать машина, даже маломощная, если ее как следует настроить.

Говорят, можно действовать и с другого конца, не работая по правилам Сети, а подчиняя ее себе, но я думаю, это слухи. Психодизайн, управление с помощью мозговых импульсов, вмешательство в работу программы с помощью кодера эмоциональных всплесков, — слишком технологично для парня из трущоб. Конечно, иногда я представлял, как изменяю образы Среды по одному мановению руки, но на деле это наверняка оказывалось, словно куча глины, с которой не знаешь, что делать. Я взял барахло Гарри и начал настраивать станцию на параллельный режим выхода в Среду. Все тачки последних моделей работают с процессорной матрицей, потому что ориентированы на игры; на их базе можно построить выход на несколько человек с полностью распараллеленным потоком и возможностью автономно использовать Среду со всеми ее мощностями. Я сам не пробовал, но с теорией был знаком. Через некоторое время станция превратилась в двуглавого монстра, и священник сразу же вышел в Сеть, разыскивая контакты продающих ключи дилеров. На панели мигали огоньки, в голове сталкивались мягкие комья.

— Если бы это было так просто, все давно бы ломали KIDS, — я свалился на матрас, глядя в спину Гарри.

— Да они и не старались, слишком уж громкая слава, — пальцы священника бегали по панели, оставляя в Сети след из букв. — Дилеры — мелкие сошки, неудачники, которым вручили пачку ворованных ключей и сказали, что они воюют против системы. Не думаю, что члены KIDS так уж пекутся о каждом оборванце…

— Хакеры легко возьмут нас за задницу, — буркнул я. — К тому же мы все равно ни черта не знаем про сетевые атаки.

— Мы можем попросить кого-нибудь взломать защиту за нас.

Например, Мэда — он сделает это просто так, чтобы показать свое превосходство. А если нет, то в Сети полно лузеров, которых нужно только подтолкнуть, наобещав разной ерунды, — священник усмехнулся, перекладывая самокрутку в самый угол рта. — Время подергать за ниточки.

— Нам понадобится еда и датчики для Среды.

— И ускорители… — Гарри был очень доволен собой.

Он встал, некоторое время бродил туда-сюда, а потом остановился и добавил:

— Кстати, я придумал, как нам отсюда выбраться.

Спустя пару часов мы находились на станции «Северный сектор» (в простонародье называемой «Коса») со сделанными из изрисованной упаковки масками на лице и в хламидах, на которые пошли простыни. Обоих слегка вело от конопляного дымка и недосыпа, а может быть, от ощущения странной вседозволенности. Если я и Гарри и походили на последователей Церкви Всеобщего Равенства, то очень слабо, но настолько парадоксальный выход не мог не сработать.

Сработал.

Четыре.

Мэда мы никогда не видели. Он был «джокером».

J
O
K
E
R
.

Пять.

Один из Детей Икара замер на самом краю обвалившегося завода, встал на носки и протянул руки к небу, пружиня на пальцах ног. Крылья, сложенные за спиной, вряд ли его выдержат. Он отклонился назад, потом разбежался — и нырнул в воздух, пахнущий китайскими закусочными, раздавленными лепестками, пережаренным концентратом и мертвой рекой. Прежде, чем удариться об асфальт, самоубийца успел красиво перевернуться.

Раньше они пытались вживить себе механические крылья, потому что использовать простые планеры или антигравитаторы

считали ниже своего достоинства, потом перешли на биотехнологии, стараясь вырастить настоящие, но итог всегда был одинаковым. Собственно, он и должен был быть одним и тем же, потому что Дети Икара — это не конструкторское бюро и не лаборатория, а секта, проповедующая красивую смерть. «Ты бросишь вызов солнцу и почувствуешь то, что лишенный крыльев никогда не узнает». Мне трудно представить, что должно случиться, чтобы мне захотелось заплатить жизнью за пять минут полета вниз головой, когда можно включить симулятор, полностью моделирующий ощущение парения. Но желающие никогда не переводились. Думаю, им просто хотелось сдохнуть, и вот это я уже отлично могу понять.

Лысый парень в жеваном черном плаще вздрогнул, когда останки сектанта упали шагах в десяти от него, но почти сразу продолжил рассматривать электрический обрез. Спину парня пересекала надпись «Chaos» — один из банды, контролирующей торговлю Косы. Лавчонки, приземистые ангары, остатки старых фабрик, адаптированных под магазины и притоны или просто догнивающие свой срок, зевы подвалов и светящиеся призывы полулегальных храмов, — все это нанизывалось на узкую улицу пестрыми украшениями. Подсвеченные вывески предлагали совсем не то, что владельцы готовы были продать. Незаконная торговля маскировалась развалами обрезков зелени, выращенными в теплицах фруктами, сувенирными лавками, распродажами б/ушных комплектующих и, конечно, мастерскими по сбору роботов. Здесь же укрывались бывшие генные специалисты, по разным причинам не способные больше работать на Корпорацию. У них всегда были клиенты — в мире много желающих стать сверхчеловеком.

— Эй! — окликнул нас звонкий женский голос. — Снимайте маски и штаны, посмотрим, чем вас наделил ваш бог!

Девица была симпатичной. Она прислонилась к облупившейся двери закусочной, игриво и нетерпеливо притоптывая ногой, потом начала медленно расстегивать желтую с черным курточку. Молния разошлась и обнажила прозрачную кожу, через которую легко просматривались мышцы. Если кого-то это и привлекало, то точно не меня. Гарри хмыкнул и показал девице неприличный жест, та просто пожала плечами и отвернулась в другую сторону. Сверху сбросили целую пачку листовок с пророчествами шэо, они медленно планировали, словно бумажные самолетики, — наверное, сетевые пророки нашли нового игрока, на которого возлагали надежды по реформации общества.

Мы уже купили все, что было нужно (а священник еще и

выбил немного эс-пи из своего приятеля), поэтому теперь просто шатались по Косе. Я любил погружаться в выгнувшиеся серпом улицы Северного сектора — здесь можно раздобыть то, что искал годами, но никак не выходило, или совершенно случайно наткнуться на вещь, которую руки не хотят отпускать. Длинные ряды сувенирных лягушек, сделанных из раскрашенной пластмассы и пористого камня, прятали лавки, торгующие оружием, и любая ширма заключала в себя понятную только местным шутку. Туман заполнял вены улиц мутной сукровицей, в ней слабо сияли лозунги сект и разноцветные вывески.

— Смотри, — Гарри дернул меня за огрызок простыни.

Сухощавая женщина с глазами, похожими на колючки терновника, стояла на пороге небольшой лавчонки; из законопаченных окон несся горячий запах шерсти и экскрементов. «Животные со всей Вселенной!» Она только что захлопнула дверь и теперь натягивала скрипучие перчатки, плотно облегающие руки. Их материал будто высасывал свет из воздуха, узкие штаны и рубашка недвусмысленно напоминали ролики с Ангелом Печали, только взлохмаченные грязно-серые волосы были совсем не похожи на черные пряди Реи, а большегубое лицо выглядело бесцветным, усталым и бесчувственным. Незнакомка прошла мимо, обдала запахом запрещенных сигарет и исчезла в тумане, шагая стремительно, приподнимаясь при каждом шаге, словно на шарнирах. Хотя у нее не было телохранителя, я был уверен, что она уйдет отсюда невредимой.

— Ходит, как Реи, — присвистнул священник. — Словно за ней камера летит.

Гарри закурил, наверняка предвкушая будущие победы в Среде, я купил истекающую синтетическим кетчупом сосиску и уставился на витрину. «Роботы для дома. Роботы для офиса. Роботы для постели. Психопрофили ваших друзей в вашем роботе от Джо. Такого вы еще не видели!». С покрытого пылью ворса на меня таращилось старое лицо андроида. Стоило подойти поближе, как он открыл рот и начал увещевать меня что-нибудь приобрести. От неожиданности я перепачкал и без того грязную хламиду кетчупом.

«Робот Джо всегда будет с тобой, что бы ни случилось. Он поможет и вытащит твою задницу из беды».

— Пытаются отвоевать свой сектор у Корпорации… Нас в подземку не пустят, если будешь продолжать в том же духе, — покосился Гарри. — Кстати, япошки вполне могли отследить наши проездные карты. Стоило засветиться на станции, как они точно всполошились.

Сигарета торчала из прорези маски, как пластмассовая палочка для леденца, и подмахивала в такт словам.

— Я хочу зайти в Дом Хлама.

— Плохая идея, — Гарри вытащил застрявший во рту бумажной физиономии цилиндр, кинул окурок в лужу и похлопал по пакетам с электроникой.

Мы завернули чуть в сторону от основного направления Косы и пересекли задние дворы, где громоздились башни контейнеров, коробок, ящиков, не попавшие на платформы уничтожителя мусора, потом некоторое время поторчали у похожего на сарай храма Церкви Всеобщего Равенства. Свинарник был весь оклеен голографическими плакатами, которые упорно повторяли слоганы про то, что никто не должен унижать других своим превосходством, а потому следует прикрывать лицо маской. В эру техномании, когда у всех мешковатые серые лица, это актуально.

Несколько раз нас пытались остановить местные барыги. Наркодилеры Косы очень напоминают элегантных толкачей из центра, они вежливы, очень внимательны и не хватают тебя за рукав, как продавцы в трущобах. Весь товар аккуратно расфасован по небольшим пакетам и уложен в бесчисленные кармашки на широких комбинезонах, они не пытаются тебя обмануть, а если тебе что-то не понравилось, ты всегда можешь их найти и обсудить возникшую проблему. Но у всего есть обратная сторона — если ты задолжал торговцу из Косы, то лучше продумать заранее, как ты будешь платить. У этого сбоку болталась оранжевая косичка, плотно обвязанная кольцами металлической проволоки, на пальцах — такие же проволочные украшения.

— Ускорители? Крэк? Спидболл? Героин? Амфетамины? Ллир? Самый лучший, самый свежий, — предложил толкач. — Может, тогда старой-доброй травки? Или хотите DF? Немного «цепочки»? Чего-нибудь потяжелее?

— Мы не употребляем наркотики, — Гарри одарил торговца холодным взглядом.

На нас никто не напал, даже не попытался. Прикрепленный к мастерской по ремонту электроники инфоэкран вместо Рейтинга показывал запись выступления клоунов-поджигателей, на которой ныне покойный Трэй Робертс произносил знаменитую речь о необходимости сокращать потребление, раздать всем фильтры от рекламных строк и заменить пищу материальную пищей духовной. Трэй щеголял полным клоунским облачением; лицо, измазанное белым гримом, выглядело жутко, в руках он сжимал большой огнемет. У него был талант оратора и умение вести за собой, но при этом полное отсутствие самоконтроля. На заднем

фоне пленки кто-то совершал самосожжение, пламя закрывало весь обзор — это горел гипермаркет «Солярис», погребая в руинах материальные ценности, которые так ненавидели поджигатели. Пироманы и деструктивные личности, изнемогающие от желания раздолбать первым попавшимся ломом ровные углы корпоративных зданий, сразу встали под знамена Трэя. Как оказалось, в Тиа-сити множество тех, кто жаждет снести выстроившиеся один за другим лотки с долгохранящимися продуктами, растоптать хрупкие пачки крекеров и выломать инфоэкраны.

Мы притормозили, чтобы досмотреть запись.

— Давайте веселиться! — хохотал Трэй. — Давайте бросим все это дерьмо в огонь!

Мне было жаль, когда их поймали. На экране метались металлические громады Гончих, сминали бунтовщиков в грязную пасту из крови, кишок и тряпья. Камера упала на дорогу и еще долго снимала стену огня, пока передачу не прервали.

«Хочешь начать новую жизнь? Купи ключ для входа в Среду», — прогорланил инфоэкран, не давая паузу на размышление.

— Хакерская передача, — Гарри наморщил лоб. — Сейчас самое время для переворота. Хакеры обнаглели, скоро Корпорация снова возьмется за них, но пока волна на подъеме, и мы должны оказаться в этой пене. Пошли домой.

— Нет.

Если не сегодня, то я не решусь никогда. В переулке было спокойно, чисто, только на углу стояла куцая пирамидка из сваленных друг на друга пластиковых ящиков. Темное каменное здание, молчаливое и отрешенное, — из тех, по которым никогда не отгадаешь, что внутри. На тяжелой деревянной двери старыми железными гвоздями была прикреплена табличка:

ДОМ ХЛАМА
Следы старого мира в одном месте.
Концерты каждую среду.
Скупка и продажа антиквариата.

Фанера покоробилась, а краски выцвели. За занавешенными старыми флагами окнами теплился далекий свет. Двор перед Домом был занят пятью крупными байками, поставленными на автоматическую защиту, один пропел что-то предостерегающее, когда я оказался слишком близко. Священник скептически окинул взглядом уходящую вверх башню, засунул пакет с консервами и платами подмышку.

— Я подожду здесь. Не хочу смотреть, как тебя вышвырнут

прокуренные хиппи. Жаль, что клоуны не сожгли эту помойку вместо «Соляриса», — он прищурился, ожидая вспышки гнева, но я был слишком занят проблемой выбора, чтобы отвечать.

Нажатие на грязноватую ручку — и я оказался внутри.

— Чего хочешь, чувак? — дружелюбно поинтересовался голос.

Посреди скудно освещенного висящим на стене ночником коридора стояла табуретка, на ней расположился толстый парень. Он, видно, недавно приехал и теперь стаскивал сапоги, на куртке-косухе были прикреплены стальные полосы с эмблемой байкеров Тиа-сити. Когда глаза привыкли, я различил стоящую чуть дальше по коридору кучку спорящих над коробкой со старыми пластинками бродяг и плакаты, не приклеенные к стенам, а крепившиеся за стеклом. Разглядеть я смог только один, самый первый, да и то не очень четко — женщина с мечом, крупные надписи.

Потолок был такой же высокий, как на складе, длинные двери, идущие друг за другом, казались похожими на отпечатки тощих ладошек, оставленных там и тут. Пахло теплой пылью и ветошью, лежалыми микросхемами и джином, доносился слабый аромат мяты, чеснока, бумаги, масляной пленки, слегка подгоревшей в проекторе пленки, дерева, миллионы других разных запахов.

— Видел объявление Кара в Сети. Хочу с ним встретиться и сыграть, — сказал я, и тут услышал звук гитары.

Никогда не думал, что это так больно, — видеть, как кто-то совершает то, что всегда хотелось сделать тебе.

— Во что играть? Покер? Шахматы? Домино? Чертовски хочу партию в покер, но никто этим уже лет двести не интересуется, — пожаловался байкер, справившись с узким сапогом. — Эй, ты чего?

Струны словно вцепились в горло. Чистый, нефильтрованный, искренний звук вырывался из зева двери — неумолимый, словно люди, приколотившие своего мессию. Эта музыка стреляла, заставляла сжимать зубы, чтобы не заплакать. Она убивала, но не так, как бьет ненависть и похоть синтетического бита.

Она убивала, потому что была слишком хороша.

Я свернул на лестницу, столкнулся с кем-то, поскользнулся на залысине ковровой дорожки и полетел по ступеням, тщетно пытаясь схватиться за отполированные перила. Ударов не было — только надрезающие вены аккорды. Ноги запутались в простыне, я просто покатился по лестнице.

— Ты цел? Эй, ты цел?

Струны свистнули через квадратный усилитель, отвечая вместо меня. Я подогнул ноги, не замечая бросившихся мне на помощь «старьевщиков», и смотрел на гитариста. Пыль и деревянная крошка от ударных летели в разные стороны. Их было трое — две гитары и барабанщик. Как на той записи, каждое слово из которой проросло сквозь меня. Светлые волосы ударника падали ему на лицо, дребезжание хэта и грохот большого барабана наполняли зал. Он жарил, не жалея ни рук, ни натянутого брюха инструмента, ошпаривал самозабвенной игрой. Одна гитара передавала мелодию другой, гудящей плотной стеной ритма, а потом они сливались, увеличивая мощь. Маска порвалась и съехала на бок, но мне было все равно.

«Выбей, выбей меня из меня»

— Парень, ну ты даешь, — девчонка в цветастом платье помогла мне подняться. — Фанат «Джирз»? Кстати, под бумагой ты не такой уж и страшный.

Я с трудом встал, голова кружилась. Похоже, я вывихнул ногу.

— Хочешь тоже попробовать? — догадалась она. — Сейчас мало кто умеет играть, так что если у тебя получится, Кар тебя возьмет. Недавно он раскопал скрипача, представляешь? Вон Кар, иди к нему. Эй, ты нормально себя чувствуешь?

Личико, похожее на круг, и волнистые пряди.

Над ней висела картина, изображающая растекшиеся часы. Время плавилось на сковороде гитарного драйва.

— Я… Я тебя знаю.

Почти ультразвуковой визг — и я уже в центре внимания, хотя так и не сыграл ни строчки. Они таращатся на меня, и лицо оказывается смутно припоминаемым. Иногда меня не могли узнать собственные друзья, но сегодня день икс, и в каждой черепной коробке налаживаются связи, загорается лампочка узнавания. Почти для каждого из них мое лицо становится знакомым. Здесь собрались люди, с трепетом хранящие прошлое, в котором никто не заставлял их целый день потреблять гипнокоды и работать ради того, чтобы создавать виртуальность, а я — напичканный электронными видениями психопат. Я — создатель королевы «Хайвэя». Большое яркое пятно блевотины на постиранной простыне ретро-народа.

По мнению любого из них мне нечего здесь делать.

— Зачем ты пришел?

Кар похож на стареющего акробата. Он все еще в хорошей форме, но поседевшие волосы и морщинистое лицо выдают возраст. И все-таки в нем есть какое-то величие, чрезмерная серьезность, концентрация. Может, потому, что Кар сейчас решает

мою судьбу.

— Я видел объявление о концертах в Доме Хлама, Кар. У меня есть инструмент, и я умею с ним управляться. Не знаю, насколько хорошо, но это можно проверить. Я мечтал об этом с того времени, как взял гитару в руки.

— Нет.

Звучит достаточно внушительно.

— Дело только в том, что KIDS раззвонили обо мне на весь город? Ты ведь не знаешь, как все было на самом деле. И не знаешь, почему я бросил. В религии раскаявшиеся грешники — самые любимые герои.

— Я не религиозен, — Кар повернулся, разминая морщинистые, но сильные пальцы. — Я понимаю — это была твоя месть, плевок в лицо миру. Многие думают о подобном, но редко кто доводит до конца. Слишком много усилий.

Если бы он хотел, то мог бы прочитать ответ на одеревеневшем лице, но Кар наблюдал за гитаристами. Соло металось и пело, оно рвалось вверх, куда-то в темноту, в испещренный ледяными звездами космос.

— Ты хорош, я не сомневаюсь, но я тебя не возьму. Слишком уж большую мерзость ты создал, — продолжил мужчина, некоторое время помолчав. — Твой выбор в прошлом, стриги купоны с нынешней популярности синтет-музыканта. Можешь считать, что ты мне просто не нравишься. Возможно, ты хороший гитарист, но никчемный человек, не умеющий ждать. Если это была твоя мечта, ты мог придти раньше.

Флажолеты срываются из-под чужих пальцев звуком битого стекла. Наверное, с таким звуком разбиваюсь я.

— Ни один ретро-клуб не захочет иметь с тобой дела, так что ищи работу в другом месте, — добавил он.

Уверенные движения байкеров, напирающих на меня и подталкивающих к лестнице, — последний штрих, который разваливает собранное из фрагментов изображение на кучу бесполезных стекол.

— Не трогайте меня.

Я не узнаю свой голос. Вокалист шепчет шершавые слова реквиема. «Старьевщики» потеряли ко мне интерес, вычеркнули меня из своих книг, стерли со всех дисков, я даже не отражаюсь в их влажных глазах, устремленных на сцену.

— Не трогайте меня…

Я отдираю пахнущую плохо выделанной кожей косухи руку, воздуха не хватает.

— Тебе пора, синтет.

Кулак сталкивается с чьим-то лицом, лицо соединяется с

чужим кулаком, и этот взаимообмен достигает кульминации. Треск разрываемой ткани и сочное хлюпанье от ударов. Музыканты продолжают играть, для них все, что происходит в зале, не имеет никакого значения, а меня выволакивают за воротник в коридор и роняют у табуретки.

— Слушай, из-за таких, как ты, исчезло все, что мы стараемся сохранить, — объясняет мне бородатый детина в тот момент, когда я харкаю кровью. — Человеку, который делает трахающихся с андроидами вирт-баб, тут не место. Нечего вынюхивать, козел.

Я не способен найти слова, который его вразумят. Стиснутые до синевы пальцы погружаются байкеру под дых. Я бью, бью, бью, пока встречный удар не размазывает меня о дверь. Челюсть выворачивает, гений синтетической музыки припечатывается лицом к стене. С вешалки градом валится одежда, обрывки простыни давно стали буро-красными, а теперь на них оседает труха Дома Хлама — последний подарок перед тем, как я вылетаю за дверь и распластываюсь прямо у порога. Терка асфальта ровняет мои руки по собственной мерке, а в голове все еще гудят «Джирз», укравшие песню у давно мертвого гранджера. По крайней мере, боль заглушает обиду.

Священник сидит на перевернутом ящике и курит, стянув маску на затылок. Он ничего не говорит, затягивается и следит за медленно дрейфующим рекламным дирижаблем, запущенным космопортом для рекламы межзвездных перевозок. Дирижабль похож на увеличившийся в размерах мяч для американского футбола, только вместо белой полоски — скромный логотип «Ассоциации МП». С него вниз, в туманный Тиа-сити, спускаются рассеянные лучи разноцветных прожекторов, а иногда — мелко нарезанные блестки, усеивающие наутро мостовые города.

— Ты слишком романтичен, Грайнд, — Гарри не смотрит в мою сторону. — Но зато теперь у тебя есть стимул поиметь и KIDS, и корпорацию.

«Стань профессиональным игроком — и тебя поддержат лучшие фирмы Вселенной» — прожурчал инфоэкран. Корпорация словно поджидала за дверью. Я ободрал колени и руки, из носа и разбитой губы хлестала кровь, глаз начал заплывать.

— Пошли, — Гарри помог мне встать, протянул один из пакетов и указал на экран. — Если ты чего-то хочешь достичь, то это можно делать только через Среду. Тиа-сити такой город, тут ничего не поделаешь. Это единственное место, в котором реальность ничего не значит.

Не помню, как мы вернулись домой.

Вполне возможно, я до сих пор не вернулся.

Шесть.

Девочка идет по покрытому снегом тротуару и тащит на веревке мертвого котенка. Закостеневшие лапы, тощие, как ветки, оставляют за собой неглубокие полосы. Вокруг никого нет. Мимо проезжают машины. Даже если кто-то появляется, то никогда не оказывается на ее пути. Надо просто следовать за бесконечно разматывающимися километрами следа из четырех слабых линий. Это транспортер, везущий между запретными территориями. Ты не можешь сойти, только смотришь на все, следуя за черноволосой девочкой, которая никогда не разговаривает, не оборачивается и не меняет руку.

«Тебе холодно?»

Снежинки кажутся безжизненными. Это не замерзший лед, а обман. Они похожи на вырезанные из немнущейся бумаги узоры, которые опустили в клей, а потом скинули сверху. Но для этого они слишком медленно планируют.

«Тебе холодно?»

Не знаю, чей это голос, но он мне нравится. Он возникает ниоткуда, без причины, задает вопросы, на которые часто невозможно дать ответы, да он их и не ждет, а просто существует в параллельном пласте происходящего. Больше звуков нет, если не считать тихий шорох от соприкосновения ног и занесенного снегом тротуара. Дорога и девочка остаются постоянными, это как вечный путь для странника. Все места, в которые он заходит, — всего лишь остановки, сменные декорации, а путь, как бы не выглядел, один. Я смотрю, как беззвучно крадутся герои очередных игр Рейтинга, вижу разыгрывающиеся трагедии или куски сюжетов, которые никогда не соединятся. Переключение камеры наобум. По бокам разворачиваются кадры-секреты, можно протянуть руку — и потрогать, но делать этого не хочется.

Хочется идти.

«Из твоей груди выползают змеи?»

Механические действия помогают не думать, поэтому так популярны. Заставка к «Тьме на троих» с постоянно шагающей девочкой мне нравилась. Голос шуршал в ушах — слишком много тоски, слишком много отстраненного равнодушного самоубийства. Так могла разговаривать женщина, сидящая на краю небоскреба и осознавшая, что это так же бессмысленно, как и все остальное.

«Что со мной не так?

О чем, как ты думаешь, я думаю?»

Через пару дней после того, как мы вернулись с Косы, я заметил на улице двух парней. Под плащами у незваных гостей

могло оказаться что угодно, движения рук и поворот тела тяжелый и неестественный — уверен, какие-то импланты с оружием. Пока они еще не знали, в какой именно из облупившихся многоэтажек мы спрятались, но все-таки подобрались достаточно близко, чтобы это действовало на нервы.

Я переключился в режим код-хантера, и девочка превратилась в строки кода. Ее можно было выделить из текстового массива сразу — центр координат, неизменная величина в окружающем хаосе. Режим код-хантера — это что-то вроде гибрида расширенной консоли, редактора-отладчика и надстройки, которая дает возможность регулировать Среду под себя. В разумных пределах, конечно. Инструмент оказался таким популярным, что убирать его корпорация не собиралась, хотя хакеры часто устраивали шоу в турнирной таблице, пользуясь найденными лазейками. Я не чувствовал никакой разницы — видеть образы или код. Достаточно следить за тем, как перемещаются объекты, как черная пустота экрана заполняется буквами. Чем дольше смотришь, тем быстрее они теряют смысл, становясь потоком бессмысленных закорючек, теряющихся в нечеловеческом безразличии.

«Я чувствую, что тебе холодно».

Пожалуй, мне было холодно. Я переключился обратно, вышел из заставки и только теперь услышал, что станция жужжит, словно маленький самолет. Гарри спал, не обращая внимания на шум. Он бродил целый вечер, но потом вдруг потерял ко всему интерес и вырубился. Щелканье клавиш. Случайный выбор.

Кроме игровой составляющей в Среде существует сектор альтернативной архитектуры — целые города виртуальных зданий, в которых потолок может быть полом, а стены исчезают или раскладываются, как колода карт; сектор исторического воссоздания, в котором ради развлечения моделируют былые эпохи или делают миры-тренинги для космонавтов и инопланетников; различные вирт-бордели, психодизайнерские изыски по воскрешению умерших людей в Сети и много других направлений, которые сложно объять. Есть имитаторы реальной жизни для богатых инвалидов, ощущающих с помощью импульсов в мозг то, чего так никогда не смогли бы, есть и просто тусовочные 3-d пространства по интересам. Но большинство людей, конечно, интересует секс, Рейтинг и Игровая Среда, потому что в ней в перспективе можно не только тратить, но и зарабатывать. В Среде всех, как им кажется, ждет слава и свобода. В Среде нет вони полуразложившегося города, там говорят револьверы. Спектр миров на выбор, возможность завоевать друзей и встать на пьедестале рядом с По, Реи и Рейдером.

Лишние мысли только мешают, положись на инстинкты. Нажимай на кнопки. Маршируй за белым кроликом.

«Что делать, если тебе выпал джокер?»

Диалоговое окошко шустро проглотило запрос и опустело. Информационный мусоропровод в действии. Я не ожидал, что Мэд быстро мне ответит — чаще всего в это время он погружался в исследования, поэтому игнорировал попытки выйти на контакт, но в этот раз мне повезло. Кажется, я становлюсь очень популярным парнем.

«В наше время никто не играет в карты».

Другие массу времени тратили на то, чтобы подобрать себе впечатляющие аватары, платили дизайнерским студиям, общались только на трехмерных каналах «чистилища», где отдыхали после игр геймеры или толпились страдающие бездельем фанаты. Мэду было на это наплевать. Он всегда выглядел как маленький зеленый куб. Ни одного намека на собственное лицо, безликая геометрия. Джокер не любил голосовой режим, мне ни разу не удавалось услышать его реальный или синтезированный голос. Только буквы. По непонятной причине это вызывало симпатию.

«Поможешь нам?» — немного подумав, набрал я.

«Смотря что ты хочешь предложить».

Я следил за мерцанием курсора. Иногда нравится просто быть подключенным к Сети, чтобы чувствовать присутствие других, но не разговаривать с ними. Зеленый кубик насмешливо смотрел на меня, он хотел, чтобы я продолжал.

«Долго думаешь. Переходи в Ре»

Ре — это место, в котором программеры вроде Мэда должны чувствовать себя, как дома, меня же от него скручивает морская болезнь. Не самое подходящее место для парня из трущоб. Скопище математических моделей, изометрический этюд в пространстве, составленный из светящихся контуров на непроницаемой тьме. Никаких текстур. Ре построен из отсвечивающих, словно наполненные газом трубки, линий, он насквозь прозрачен и висит в темноте, около невидимого начала отсчета. Чистая графика, конструктор. Висишь в черной пустоте, а вокруг острыми углами вздымается геометрическая какофония.

Если верить ходящим в Сети легендам, Ре создал Нед Гейман, один из разработчиков Среды, гениальный программист и любитель математики. Поражающие гармонией пропорций здания Ре можно увидеть, только обнаружив правильные координаты, со всех других углов кривые города-изнанки выглядят клубком изломов и напоминают угольно-черный лист, сердито исчирканный ребенком. Если читать код, решая загадки-

уравнения, хаотически разбросанные кривые складываются в стены, сплетенные из линий, цветами напоминающих графики из программ счетоводов. Развлечение для немногих, лишенное избыточности реала. Мэд вручил нам с Гарри пароли (сам он часто пропадал в Ре, собираясь выковырять из живущего по внутренним законам города тайну), но ни я, ни бывший священник энтузиазмом не загорелись.

Зачем Гейман сделал Ре, никто толком не знал, потому что когда руководство корпорации узнало про проект программиста и заинтересовалось, что это за гигантская структура, прилипшая к официальной игровой Вселенной, Нед не стал ничего объяснять. Он написал город на языке, использующем синтаксис и принципы, отличные от тех, что обычно применялись в Сети и Среде. Дело в том, что существующие в Тиа-сити языки программирования являются либо надстройками друг над другом, либо модификациями в зависимости от того, для чего язык предназначен; это вопрос уровня — ближе к железу или дальше. Гейман не стал делать реверансы перед сложившейся системой и создал собственные объекты, которыми оперировал его язык, другой набор операций, другой взгляд на мир, если хотите. Такие попытки предпринимались неоднократно, но популярностью результат не пользовался — зачем осваивать непонятные принципы, если то же самое можно сделать давно известным способом? Но Нед вышел за границы теоретических разработок и успел построить целый город, в котором не было места ни одному из трех китов Среды — ни живописного и правдоподобного изображения, ни звуков, ни ощущений. Кристаллизованная математика. Разгадать алгоритм, по которому изменялся вращающийся в темном пространстве Ре, стало забавой вроде изобретения вечного двигателя.

Я появился в начальной точке и некоторое время разглядывал бледно-желтую автостраду, похожую на проволочную модель с тем отличием, что на этой не было ни одного дефекта или неровности. Дуги, точно состыкованные углы, бегущие вверх лестницы, высоченные изометрические изображения небоскребов с заостренными шпилями. Строительный чертеж, торжество основы.

Куб Мэда стал прозрачным, растеряв свой цвет. Только зеленоватые грани, похожие на части букв для ночных вывесок, слабо помигивали.

«Я уже второй месяц тут торчу. Ре — это маршрутизатор, он неразрывно связан со Средой, его изменения спровоцированы не только прихотью Геймана, но и этой связью. Такое ощущение, что Ре — это иллюстрация сетки, которая поддерживает на плаву всю

громаду игровых вселенных, а прямые, загадки, вся эта геометрия — всего лишь оболочка. Гейман пытался сделать идеальный и быстрый инструмент администрирования…» — джокер увлеченно рассказывал, приводя в пример какой-то древний веб-браузер, призванный демонстрировать происходящие в Сети процессы, но я пропускал сказанное мимо.

Двигаться за Мэдом было просто, если привыкнуть к тому, что никакого «низа» в Ре нет. Модель позволяла настраивать движение относительно координатной плоскости, цепляться за направление, указанное в коде, и пересекать город по спирали, по нормальному закону или вообще, как угодно. Глубина Ре поражала. Стоило поменять угол — и все перетасовывалось совсем в другом порядке. То, что с одной стороны выглядело нелепым пучком произвольно расставленных в пространстве прямых, с другого края подтягивалось и издевательски превращалось в графический рисунок улицы Тиа-сити или викторианского Лондона. Я двигался за Мэдом, наблюдая, как разваливается такая, казалось бы, прочная картинка, как рассыпаются тускло горящие линии, чтобы встретиться снова.

Джокер растекался про единую плоскость сечения, которая позволила бы видеть правильно нарисованный город, про то, что Ре вращается, что сам Мэд собственноручно перебрал все очевидные уравнения, но ни одно не подошло. По его версии Гейман стал революционером, соединившим все лучшее из геометрии и программирования и создавшим движение целого города без необходимости организовывать процесс перемещения каждого компонента.

«Взять хотя бы куб Некера, — Мэд остановился. — Все зависит от того, как ты на него смотришь. Стоит вглядеться, как фигура выворачивается. Гейман соткал Ре из такого количества загадок, что чтение кодов с этими дурацкими уравнениями — всего лишь сотая часть того, что он сюда вложил. Когда ты движешься вдоль ленты Мебиуса, кажется, будто она вращается. То же самое с трибаром. Можно стоять на месте, но в статичной фигуре все равно присутствует движение. Поэтому достаточно сместиться на шаг — и картина уже кардинально поменяется. Нед Гейман учел максимальное количество визуальных эффектов геометрических фигур…»

Что бы там Гейман ни учел, Корпорация не пришла в восторг от подпольного города, который разработчик не хотел использовать под уровень Среды, поэтому Неду промыли мозги, а Ре объявили заповедной зоной. Доступ для разработчиков only.

«Эй, подожди! Основа игровой системы — последовательное движение. На этом держится и Рейтинг, и оплата, и черт знает

еще что, — вклинился я. — Если Ре позволит прыгать к конечному уровню любой игры, не проходя предыдущие, это будет удар под дых для Корпорации».

«Ты мыслишь деструктивно, — в такие моменты внутренним зрением я видел, как улыбается Мэд. — Гейман рассматривал свое детище с точки зрения разработчика. Ему нужно было сделать унифицированный ключ, который подойдет ко всем дверям, чтобы тестировать уровни».

«Ну-ну. Разработчик положил тучу времени, чтобы закодировать все эти линии, кубы Некера или что ты там еще упомянул, просто для того, чтобы лучше пахать на благо корпорации. Это типично?» — хмыкнул я.

«Хотя вам с Гарри этого не понять, некоторые люди любят свою работу», — продолжал издеваться кубик.

Мы с Мэдом ввинчивались в город, растеряв понятия об обычной ориентации, словно пилоты входящего в петлю шаттла. Меня слегка тошнило. Но при всех недостатках у Ре есть несомненное достоинство — город работает намного быстрее любого другого 3d-пространства. Джокер увлекся, бомбардируя меня вопросами и ответами и углубляясь в Ре. Пустые улицы, выскакивающие из хаоса светящихся линий объекты, бесконечные вариации фигур Пенроуза, лестницы Шредера, интегральные кубики, архитектурные эскизы, зависшие в черноте, недоделанные проекты, в миг рассыпающиеся на разрозненные штрихи, — стоило приноровиться, и ты начинал получать удовольствие.

«Разве корпорация, имея хоть десятую долю угрозы Рейтингу, стала бы сохранять город Геймана? Выглядит слишком рисковым».

«Это уже более интересный вопрос, — похвалил меня Мэд, от чего сразу захотелось ему навешать. — Все дело в том, что мои догадки пока — только догадки. Как и гипотезы целой орды программистов. К тому же Ре слишком масштабен, чтобы просто его стереть. Корпорация не станет удалять его, если существует вероятность использовать. Ты видел маркетинговые кривые?»

«Чего?» — не понял я.

«Инопланетники. После войны в Тиа-сити собралось большинство оставшегося на Земле технолюда, особенно япошки, и концентрация программистов, психодизайнеров, геймеров на квадратный сантиметр земли превышает допустимый в несколько раз. Все нормальные люди улетели в колонии, даже столица теперь там. Факт в том, что у нас нет ни людей, ни ресурсов, а вот вирт — это да, лупоглазые авгулы, сейры и еще пара видов гуманоидов уже заключили контракт с Корпорацией. Мы продаем

вирт людям и инопланетникам, а все остальное покупаем. Даже кристаллы для станций производятся, если мне память не изменяет, на Марсе. Поэтому уничтожить огромный трехмерный уровень, который можно видоизменить и заполнить контентом, неумно»

Тут джокер был прав — обугленный, изрытый воронками шар теперь населяли только инфофрики да те, кому было некуда податься, так что у Ре оставались шансы. Жалкие остатки народов собрались в одном месте и всеми силами старались сохранить суверенность. Город представлял собой насмешку над идеей космополитизма — набор маленьких, но никак не желающих объединиться групп, сект, банд, синдикатов со своими специфическими привычками. К беспределу добавлялись дрейфующие по информационному раю инопланетники, а в итоге всем было наплевать, кто рядом, — робот, скрежещущий членистым телом делириец или собственная мамаша. Мутантов и уродов выселили на задворки, остальные работали на корпорацию. «Все, что осталось от Италии», теперь находилось только в Сети. Город Геймана замер брошенными вверху и внизу графитовыми стержнями. Словно кто-то подкинул маленькие разноцветные палочки, а потом остановил время. Нечеловеческая красота, доступная разве что сетевым богам вроде Мэда.

«Мы с Гарри решили проучить KIDS».

Пауза. Джокер сдвинулся вправо, я повернул за ним — и застыл перед аркой из дуг и измельчавшихся пересечений целой сотни разных прямых. Она выдвигалась из монолита полой стены, как объектив камеры, внутри зияла пустота. Черное пятно. Постоянно наблюдая перед собой беспорядочное скопление линий Ре, трудно представить хаос, сложившийся так, что ни один из нарисованных контуров не появится в проеме, но вот он, передо мной, — пустой зев из разноцветных трубок.

«Сильно. А план есть?».

План Гарри был прост и нес в себе зерна самого черного юмора. Члены KIDS презирали дилеров, которые едва-едва вышли за рамки обычных сетевых парней и торговали пиратскими ключами для входа в Среду. При этом большую часть заработка небольшой группы составлял именно навар за продажу сворованных у корпорации ключей. Естественно, KIDS выполняли и заказы по взлому от представителей разных компаний и частных лиц, вполне возможно, они и на инопланетников работали, но типичным и надежным методом получения дохода являлись именно ключи. К тому же именно распространение ключей делало KIDS уважаемой массами хакерской группировкой. Гарри хотел нанести удар ниже пояса, отправив месяцы работы

чересчур любопытных «детишек» в мусорную корзину. Одновременный хук всем известным базам распространителей.

— Уже обрабатываешь джокера? — сонный голос бывшего священника заставил меня вернуться в реальный мир.

Гарри сел рядом, сдул слой пыли с панели и выбрал аватару. В Ре переключаться он не собирался — в царство абстракций его не затащить. Он мог сесть, положить ногу на ногу, закурить сигарету с добавками любого из разрешенных или запрещенных наркотиков, а потом долго рассуждать о загадке Ре, но разбираться в вычислениях на практике считал нудным, бесполезным занятием для тех, кто тащится от голых чисел. Гарри голые числа не привлекали.

«Похоже, вы считаете меня идиотом, — отметил джокер. — Честно говоря, никто раньше не просил меня поработать мальчиком на побегушках».

Гарри выглядел недовольным, хмурый вид усугублялся дешевизной модели, схватывающей мимику по нескольким контрольным точкам. Он нарисовал скин для игр, и священнику не терпелось опробовать персонажа на деле, а джокер дразнил, оттягивая заветный момент. Мы собрались в приватном коридоре «чистилища», но обсудить ничего так и не успели.

«Ключи…» — только начал Гарри, как куб потускнел, оставив за собой тонкую ниточку.

Мы со священником переглянулись — внезапный уход по-английски был одним из любимых трюков Мэда, однако в этот раз исчезновение оказалось неполным: нить мелькнула, словно чей-то истончившийся хвост, дернулась несколько раз, прочертив зеленоватые штрихи в темноте. Линии расползались спреем из пикселов, пропадали, но сама нить, будто привязь воздушного шара, моталась то туда, то сюда. Она никак не могла скрыться, скакала, как сумасшедшая. Абсурдная траектория нити напоминала хаотичные прыжки комика-психопата.

Я завис, наблюдая за бестолковыми рывками. У джокера можно найти кучу недостатков. Например, он так прямолинеен, что это выглядит грубо, а иногда к тому же очень обидчив, но за чем Мэд следит как следует, так это за своей безопасностью. Он никому не позволял не то что выследить его, но и просто сделать робкую попытку сесть на хвост. Джокер не защищался, а остервенело уничтожал любого, кто посягал на неприкосновенность его личного пространства. Если ты хотел вычислить хоть что-то о Мэде, ты встречал не глухую защиту и недосказанность, а смертоносный бросок чудовища, которое отгрызало тебе голову и чмокало кишками. Наверное, если бы на Мэда села муха, он бы растоптал ее до безликого мокрого пятна

просто потому, что та осмелилась приземлиться на рукав. Зеленая дрянь -- «жучок» извивалась, как змея, которой наступили на голову.

— Уматывай оттуда, Грайнд, — почуял неладное Гарри и сложил руки, активизируя механизм выхода из коридора.

Нить тем временем вспухла с одного конца, поменяла цвет и засияла, сияние начало продвигаться, словно заразная болезнь, с каждым мигом все быстрее и быстрее. Это напоминало ускоренную перемотку жизни микроорганизмов. За считанные секунды изумрудную черту раздуло так, что она заняла почти все поле зрения. Зелень кипела и плавилась, будто ее поджаривали, и я уверен, что такое определение недалеко от истины; куски нити разлетались в разные стороны. Я впервые видел, как работает защита Мэда, и, надо сказать, это внушало уважение.

«Уходи».

Я едва успел прочитать, как изображение расплылось, а потом я вылетел из «чистилища» под аккомпанемент сообщений о падении системы. Через миг картинка совсем пропала. Запах расплавившейся изоляции, сизовато-черный дымок, — все в лучших традициях тренировки по сбору техники. Мы опять зря потратили последние деньги.

— Впечатляет, — поднял бровь бывший священник и потер глаза, а я только ругался.

В закуренной комнате теперь стало вонять еще сильнее. Станция издохла и смердела, как чумной город. Мне приходилось слышать легенды про скачки напряжения и прочую чушь, но поверить в это мог только придурок. На деле все, естественно, выглядело не так: программа Мэда прошибала защиту, передавая себя в формате ответа из приватного коридора, находила настройки периферии и ставила их в такое положение, что «железо» убивало напрочь. Именно поэтому мне и досталось — в спешке джокер просто бахнул по всем соединениям коридора. Критические показатели были заблокированы не только операционной системой, но и производителями комплектующих, и вот этот момент оставался для меня загадкой. Чтобы преодолеть стандартную блокировку, разработанную после бума такого рода вирусов, нужно потрудиться. Быстрая и маленькая программка, которой сильно помогала универсальность операционной системы Корпорации. Некоторые женщины влюбляются в тексты или образ, но если бы я был женщиной, я бы влюбился в Мэда за одну эту атаку. В ней не было ничего лишнего.

Бывший священник смотрел в открытый на мониторе файл и барабанил пальцами по столу.

— Теперь он согласится, — Гарри хлопнул ладонью и посмотрел на меня. — Надо только подождать.

— Мэд должен мне компенсацию за испорченную тачку, — сказал я, потеряв интерес к мести. — А еще интересно, чей это был «жучок». Наверняка виноваты KIDS и их новостные доски, на которых ты постоянно торчишь.

— Должен же я как-то узнавать новости, — буркнул он.

Я разобрал комп и начал искать микросхемы на замену. Работа предстояла нешуточная, так что Мэд мог достаточное время побыть наедине со своей совестью, если Гарри достоверно представил его психологический портрет, а в таких вещах священник ошибался редко.

Познакомиться с Мэдом нам банально повезло. Джокер никогда ничего о себе не рассказывал — ни одной, даже самой маленькой истории, только цитаты и чужие байки. Он старомоден, совершенно оторван от реальной жизни, но при этом прекрасно подкован в теории, — знаете, из тех парней, ум которых иногда раздражает, методичных и дотошных. Мы звали его встретиться где-нибудь в городе, но он всегда отказывался. Наверное, у него была на это причина, а может, он подозревал, что вне Среды мы вряд ли найдем общий язык.

— Эй, что это? — толкнул меня Гарри — я так погрузился в починку, что ничего не слышал.

Пищал закинутый в угол телефон — на пересадку информационного чипа, соединяющего в себе массу «нужных функций», я так и не согласился, чтобы не обрасти железом, как члены КЕ. Священник напрягся, но потом поднял пыльное устройство и кинул мне; АОН вместо номера выдавал нечитаемую строку, подрагивающую на потускневшем дисплее.

— Да?.. — с опаской ответил я.

— Грайнд?..

— Кто это?

— Мэд.

Мы оба замолчали. Голос Мэда оказался слишком серьезным для его проделок, такими обычно разговаривают ученые шишки. Я постарался прикинуть, сколько ему лет, но голосу могло быть как двадцать, так и все сорок. Воцарилась тишина. Ничего добавить я не мог. Знаете, это один из тех исторических моментов, когда двое суровых мужчин стоят друг напротив друга и не понимают, как проявлять чувства. Мои чувства к джокеру были прозаическими, но слава лучшего свободного программиста Сети щекотала нервы. Гарри тоже замер, спрашивая жестами, что происходит. Я ждал, что в трубке раздадутся короткие гудки, но джокер меня не разочаровал — похоже, он действительно

привязался к нам за то время, как мы валяли дурака в «чистилище».

— Все нормально?

— Ты быстро нас нашел, — хмыкнул я.

— Я создал счет, реквизиты которого сейчас скажу, и перевел туда деньги. Должно хватить на оплату испорченного оборудования.

Священник попытался отобрать у меня трубку и нажал на кнопку громкой связи. Расхлябанный, бледный, похожий на остроухого лысого мутанта, но при этом намертво уверенный в благополучном исходе дела. Наглая шакалья морда готова была затащить попавшегося на крючок джокера прямиком в ад, а если тот даст слабину, то и обобрать до нитки.

— Ты аннигилировал нашу станцию. Единственную станцию, — подчеркнул он. — Не говоря уже о том, что ты мог выжечь мозги Грайнду, если бы тот сидел с «вилкой». Так что оказать небольшую помощь в борьбе с хакерами — твое предназначение.

— Да вы же ничего не умеете, — изумился такому нахальству джокер.

— Поэтому нам и нужен ты, — продолжал Гарри. — С тобой KIDS тоже поступили не лучшим образом — повесили «жучка», причем не особенно старались его спрятать. Я бы сказал, что они тебя не уважают.

Мэд заржал и спросил, не проходил ли священник курсы нейро-лингвистического программирования для домохозяек, а потом согласился.

Гарри расхаживал туда-сюда, прижав трубку к уху, и живописал открывающиеся горизонты. Он показывал приманку, а потом делал так, что тебе всего-то и оставалось, что сказать «Да». После того, как ты согласишься, Гарри убирает свои инструменты в ящик и уходит, довольно насвистывая.

— Пустим слух на форумах «Грайнд поимел KIDS», новость сразу же подхватят, геймеры начнут долбить дилеров, те перепугаются, разозлятся, взовьются — и начнут плакаться хакерам эшелоном повыше. Аут, — закончил он.

— Почему это Грайнд? — одновременно спросили мы с Мэдом.

— И к тому же они должны хранить ключи в инфокапсулах, а не на станциях, — добавил джокер. — По крайней мере, я бы так поступать не стал.

— Но они не ты, Мэдди, — сказал Гарри так, как будто это все объясняло. — Дилеры — игроки. Зачем им отвлекаться от Среды, тащиться за отключенным устройством, каждый раз

подключать его только потому, что очередному придурку понадобился ключ? Они слишком уверены в себе, никто никогда не мог сломать машины членов KIDS. Стороннее хранилище полученной через Сеть информации — фантастика. А Грайнд — всего лишь раскрученный лейбл, — он пожал плечами. — Чтобы создать альтернативу существующим хак-группам, нужно продолжать продвигать имя, которое эта сетевая протоплазма уже знает. Законы маркетинга и обычной логики. Да любой мог так назваться, чтобы срубить немного популярности!

Я начал возражать, но священник размахивал руками и скалился жутковатой усмешкой. Последняя означала, что он точно знает, куда идти и что делать, и, в конце концов, изложил дело так, что если я не соглашался, идея теряла смысл. Хотел ли я насолить KIDS после того, как они испортили мне жизнь? Да я мечтал торпедировать каждого из них, и человеку в черном мое желание было известно.

— Представь их лица, когда одно за одним начнут приходить письма от дилеров о том, что базы потеряны, — Гарри зажал трубку между плечом и ухом, отыскивая сигареты. — Ну, шутки ради можно написать «GRIND поимел KIDS», чтобы все поняли, что за этим именем скрывается команда. Или подписаться Мэдом.

— Нет, я не хочу иметь ничего общего с этой затеей, — отмел джокер. — Я вам помогу, но светиться не стану.

— Значит, дело за Грайндом. Что скажешь?

— Они вас разорвут, — усмехнулся Мэд. — Когда они поймут, что к чему, от вас не останется даже мокрого места.

— Проверим, — священник был неумолим.

— Ладно, — кивнул я.

Мэд не стал прощаться, просто исчез. Гудки монотонно долбились в барабанную перепонку, и я выключил телефон. Гарри облокотился на стену:

— По-моему, он рад, что на него напали. Ты хоть понимаешь, как нам повезло? Вряд ли мы сами смогли бы придумать достаточно убедительный повод, — священник щелкнул зажигалкой и посмотрел на пламя. — Мне кажется, он чертовски одинокий сукин сын.

Семь.

Выложенное кислотными палочками время прилипало к сетчатке. Ожидание превратилось в неравномерную цепочку капель, которые то скатывались, то замирали. Мы маялись бездельем несколько часов, священник метал ножи в почерневшее

лицо на рекламе «Треугольника Сета» и рассуждал о том, что у Мэда не может не быть досье на всех членов KIDS, ведь джокеры находятся под угрозой и со стороны Корпорации, и со стороны вольных группировок Сети. Хотя я отговаривал его, Гарри принял эс-пи и теперь сжирал информацию с быстротой, которая мне и не снилась; он словно превратился в шланг, засасывающий вселенную, в черную дыру. «Я не Санта. Я — Бог».

Скучная и долгая подготовка, адреса, базы, пароли, поиск нужных программ, нащупывание дыр в защите дилеров, разъяснения, мануалы, — вся эта предварительная бодяга под руководством Мэда нас высосала. Чтобы достичь одного результата, приходится произвести бездну неинтересных операций. Разнюхиваешь и отступаешь. Но теперь все было готово, и на панели мигал маленький значок — посылка джокера достигла адресата. Надпись светилась, соблазняя легкомысленным крашем десятка чужих систем. Два пальца надавили «ввод», но Гарри — и это начинало становиться привычным — успел быстрее. Выброс адреналина в кровь, потом только строки со служебными сообщениями… Два… Три… Пять… Лифт заскрежетал. Стон разнесся по каждому этажу, достиг всех уголков, прополз на брюхе по бетонному полу, ударился о балки, холодные и ржавые, потом старая коробка лениво двинулась вниз. Мы забыли, как дышать, в тот самый миг, как услышали скрежет.

Фрики стреляют или в ноги, или в голову. Другому их не учат. Автоматическая система наведения, фильтрация помех, высокая скорость реагирования — все это в комплексе с образом мыслей параноидального робота. Полный боекомплект. Говоря проще, полные придурки, с которыми невозможно договориться. Чтобы отыскать жертву, стараться не приходится, — доступ к спутникам и камерам слежения позволяет определить местонахождение с редкостной точностью. Единственное средство для регулировки их опасности — их же собственная жадность, не позволяющая выходить за наградой большими группами. Я ни разу не слышал, чтобы они кого-нибудь взяли составом больше двух. Делить награду на большее количество частей боевики КЕ позволить себе не могут: все-таки поддерживать боеспособность и шагать в ногу с апгрейдами корпорации — дело дорогостоящее.

— Запри дверь.

Гарри соображал гораздо быстрее, чем я, — священник накачался спидерами так, что вполне мог лопнуть. В глазах у него светились фракталы, нули, единицы, бои быков и сатанинский крест. Он ударил ногой в обклеенное толстыми картоном окошко, прошил его насквозь, стряхнул сипящие о стену куски

прессованной бумаги и пролез сквозь дыру на крытый эскалатор для грузов. Ржавая гипотенуза затряслась, проеденные дождем края прогнулись внутрь. Труха, грязь и рыжие хлопья. Я прыгнул за священником, по экрану бежали последние проценты. Птицы брызнули в разные стороны, ошалевшие и еще сонные.

Натянутая между складами полоса эскалатора яростно завизжала, она истерила и изгибалась, угрожая развалиться еще до тех пор, как мы доберемся до соседнего склада. Ноги проваливались в корявые и гнилые листы покрытия, но значение это приобрело только тогда, когда мы спрыгнули во двор, а сзади раздался выстрел. Натянутая между складами труба грохотнула, развалилась надвое, осела, а потом вверх взвились облака пыли, ржавой крошки, застарелой грязи. Старое железо разбивалось о такой же древний асфальт, и этот локальный армагеддон еще продолжался за нашей спиной, когда мы с Гарри запрыгнули в пустое окно полуразрушенного склада и понеслись по бетонным полам, срезая угол. Думаю, именно из-за пыльной завесы мы и не схлопотали пулю.

Боевики опомнились быстро. Громкий звук от прыжка, легко возможного для синтетических мышц, раздался почти сразу же, как мы скрылись под крышей соседнего здания. Я слышал их быстрые, короткие шаги, жужжание моторов, хруст перезаряжаемых обойм и чувствовал себя, словно тряпочный кролик перед рвущимися с поводка собаками. Гарри прокладывал путь, я за ним не успевал. Мы петляли по лабиринту комнат, ныряя в разрушенные подвалы, проносясь по сыплющимся ступеням, перепрыгивая через свалившиеся балки и оставленные бомжами перевернутые бачки.

— Нам хана!

Мы выпрыгнули на Трэм, прямо перед окошком выдачи корма, и врезались в обмякшую и вонючую толпу осоловевших геймеров. Священник раскидал их, пересек улицу и нырнул в тощий переулок, я не отставал. Среди покрытых плесенью и грязью стен мы почувствовали себя более уверенно и затихли, ожидая хода боевиков. От ночей бодрствования мы порядком одурели, поэтому это еще не самый удивительный поступок из всех.

Гарри подмигнул, я осторожно заглянул за угол. В этот момент инертная и тупая масса загалдела, окошко раздачи открылось, и голодные панки, в голове которых находились только цифры Рейтинга и ощущение, что они без толку теряют время, поперли вперед прямо перед вырулившими из-за остова склада боевиками. У фриков не было ни единого шанса. Конечно, они могли попытаться прорваться через бурлящую жижу

лишенных инстинкта самосохранения геймеров силой, но это было совершенно бесполезно. Ликующая толпа зачарованных Средой и торчащих на спидерах обсосов навалилась на окошко так, что будка затрещала. У многих на одежде и на лбах сияли рекламные строки компаний-производителей комплектующих, месиво было раскрашено всеми цветами радуги, реклама танцевала и извивалась, нищие игроки сшибались друг с другом, а вопль стоял такой, что весь Трэм ходил ходуном.

— Эй, это же Триша Стайер! Мочи! — завопил кто-то, а потом месиво превратилось в настоящую свалку.

Глядя на глистообразных подонков, представляющих собой самые низы геймерской армии, нельзя было и предположить, что в них столько энергии. Бурлящее озеро тощих, бледных юнцов с вытекающими от постоянного ношения вирт-очков глазами и дырами по периметру черепа штурмовало киоск с кормом, словно варварский отряд, почуявший близкую победу. Они толкались, орали и бесились, желая получить порцию как можно скорее и опять отвалить к своим станциям, где ждал нормальный мир, а не этот ржавый, воняющий тухлятиной каркас. Им нужна была привычная клаустрофобия и брикет полуфабриката. Игроки находятся под вечным кайфом иллюзорности опасности и смерти, а если ты им врежешь, будут искать кнопку перезагрузки. Ко всему, они настолько обдолбаны, что любое принуждение сталкивается с безразличием, — они даже не понимают, чего ты от них хочешь.

Сеть для раздачи брикетов геймерам придумал де Морган, сын бывшего вице-президента Корпорации, но никакой благотворительности или заботы о быте игроков в его поступке не было. Все как раз наоборот: когда де Морган понял, что быть прогеймером ему не светит, он запатентовал две вещи — будки с «кормом» и цифровые табло, вшитые в лоб. Вначале ларьки выдачи корма рекламировались как средство сэкономить, хотя экономия была минимальной, ведь купить паек на месяц за смешные деньги мог каждый. Сразу мало кто повелся на провокацию. Настоящие прогеймеры — народ гордый, у них в запасе множество высоколобых мечтаний, представлений о чести и запас заносчивости, которого хватит на отряд. Но время шло, многие оказывались в долгах, и им приходилось жевать собственную подошву, потому что станция сгорела или закончился запас эс-пи, а турнир они проиграли. И постепенно ларьки с кормом начали приобретать своих поклонников, которые пробовали «только один раз», а потом так привыкали тратить отложенные на еду кредиты, что приходили сюда снова и снова. Скоро к ларькам де Моргана выстроились очереди, а он потирал

руки и посмеивался. Правда, геймерская психология не подразумевает стыда, понятие «стыдный поступок» в преддверии турнира теряет смысл, так что месть де Моргана им была по барабану, но он об этом, очевидно, не догадывался.

А вот задумка с цифровыми табло действительно стала настоящим бичом. За рекламу хорошо платили, поэтому геймеры помчались продаваться и приобретать рекламные футболки и табло. Тот, кто хоть раз просиял в Среде, никогда не сможет спокойно жить в реале, это факт. А платить надо за все — за ключи выхода в Среду, за оборудование, за ускорители, за взносы за турнир. Они себя делирийцам готовы были продать, и на этом фоне жалкая рекламная табличка кажется допустимым компромиссом. Популярность рекламы, украсившей лбы геймеров, быстро зашкалила. От них было никуда не деться. Мало того, что рекламные фильтры были доступны только для шишек из центра, так теперь еще, куда ни бросишь взгляд, ты натыкался на людей с развеселым анимированным табло на месте третьего глаза. Они были еще хуже фанатов синтет-музыки, которые предлагали залить тебе в мозг гигабайты новых композиций.

Сейчас геймеры дубасили друг друга, словно люмпены из старых документов, бывший сатанинский священник посылал застрявших боевиков простым жестом, выставляя руку за угол, и это было весело до тех пор, пока синеволосая девка-фрик не отстрелила ему средний палец.

Настоящий трип.

Восемь.

Стар появилась как раз тогда, когда нам с Гарри было нечего терять. Ни у меня, ни у священника не осталось ни дома, ни денег, ни приятелей, ни места, куда можно пойти. После долгой бессонницы я впал в ступор, а у Гарри начиналась ломка. Мы вышли из трущоб к притону шэо и приблизились к разноцветному зданию, будто слепленному из жеваной бумаги. Это последнее место, которое могло придти мне в голову, но я подумал, что мы с Гарри неплохие фигуры для иконостаса.

Шэо странные. Они знают о Сети много, но эти знания трудноприменимы. Любое событие, произошедшее внутри переплетающихся информационных потоков, все сколько-нибудь влиятельные фигуры, изменяющие структуру и объем перемещающейся информации, им знакомы, но шэо окружают их ореолом мифологии, через который трудно продраться. Сетевые пророки находятся в поиске мессий, способных совершить переворот, любые перемены им нравятся, даже если повлекут за собой гибель Сети. Они за тех, кто может разрушать, и за тех, кто может восстановить, они за движение, хотя сами ничего не делают. Ни одной полезной программы шэо создано не было, им наплевать на протоколы и железо, — их интересуют только те, кто вращают ось IT-мира. Но если в корпорации знают ведущих инженеров, программистов, разработчиков, изменяющих лик Среды, упорядочивающих Сеть, то шэо интересуются далеко не всеми людьми из корпорации, зато их пантеон обогащен физиономиями известных хакеров, людей из Кибернетического Единства, производящими эксперименты по единению с сетью, и другими то ли шарлатанами, то ли гениями вроде Тристана Дирка, сделавшего операцию на мозге, чтобы лучше понять, чего хотят инопланетники, или Сида, легендарного игрока, обвиненного в хакинге за то, что он побеждал там, где накачанные спидерами противники пасовали.

Например, именно они выложили в Сети историю про Лиану Махабхар, синтезировавшую прообраз ускорителей после многократных опытов с наркотиками. Все получилось случайно, когда экспериментируя в домашних условиях, окончательно обторчавшаяся арабская полукровка смешала все, что у нее на тот момент оставалось, и заметила, насколько медленно работает привычная игра. Когда она сообразила, что это может принести ей деньги, ее забрала полиция и казнила за то, что потом стало легальным источником дохода лабораторий корпорации. Шэо не

считали, что в тот момент, когда Лиана трясущейся рукой творила безбашенный драг-коктейль, ей управляло нечто особое; они просто благодарили ее за толчок замедлившегося сердца Сети.

Шэо следили за всеми выходящими из ряда вон вещами, но никогда не вмешивались в происходящее, предоставляя эксперименту течь так, как он идет. Чистые наблюдатели. Паноптикум множества мертвых или живых пророков, жизни которых изучают шэо, должен был привести их к дао. Мы рассудили, что они должны предоставить нам убежище, чтобы Сеть не охватила стагнация.

— Кажется, я сдохну сейчас, — Гарри поднял руку и посмотрел на дыру, оставшуюся после выстрела.

Ни разу не слышал новости про нападение на штаб-квартиру шэо, хотя их философия и буддистское мировоззрение должны были раздражать. На инфоэкранах запрыгали сводки последних новостей и перестановки в Рейтинге ИС. Когда кто-нибудь двигается под музыку, кажется, будто он пританцовывает, и ощущение, что происходящее — всего лишь один из вирт-треков, не оставляет. Даже если идешь под музыку сам, сразу непроизвольно пытаешься освободиться от навязываемого ритма, но это непросто.

Фрики появились на площади под саундтрэк из «Motorhead: Steel Demons». Изуверский, мощный звук ударял по плоскостям стен и дороги, расшибая себе лоб. Мы притихли и ждали, когда проклятые сетевые пророки откроют дверь, с каждым мигом теряя надежду. О синеволосой и ее спутнике я слышал — по Тиа-сити ходили байки еще со времен охоты на доктора-генетика. Взгляды боевиков остановились красными точками оптического прицела, потускнели, потухли, потеряли интерес. Неповоротливые, на первый взгляд, тела постепенно растворились в переулке, оставив меня наедине с воспаленной психикой Гарри и холодным ветром Тиа-сити.

— Слушай, а ты мог бы писать музыку к играм Среды, — очнулся священник. — Нефиговые деньги и…

— Почему они ушли?

— Наверное, мы слишком воняем, — пожал плечами Гарри.

— Я не понимаю… Надо валить отсюда.

Я замешкался, глядя, как Рейдер обещает нанести удар по самолюбию Мертвого Иисуса. Он, Реи, D-Jesus, Seeker, По, — первая пятерка редко менялась. Некоторые говорили, что игровая мафия не дает протиснуться молодым игрокам, а тех, кто все-таки лез наверх, аккуратно убирали, но высокий класс, показываемый прогеймерами, опровергал сплетни. Они казались

не людьми — машинами с необыкновенно высокой реакцией, существами другого уровня. Я бы скорее поверил в то, что они — спроектированные Корпорацией ИИ, чем в слухи, распускаемые неудачниками. Реальные личности за ширмой известности были недосягаемы, но нескольких записей игровых турниров достаточно, чтобы отметить шик игры каждого. Кто они? Как они выглядят? Каково реальное лицо мрачной, неразговорчивой Реи?

Инфоэкран осветился, затем глумливый голос робота-ведущего начал сводку: «Ага, сегодняшняя новость затмевает даже историю о позорно продувшем турнир Рейдере! Девчонки, вытрите слезы, ведь пока черноволосый пижон старается реабилитироваться, произошло нечто действительно интересное. Сегодня день разбитых надежд для тех, кто считал себя вне конкуренции, — KIDS ограбили! Хакеров обманул музыкант-электроник, до этого наколовший японцев в садомазоклубе „Хайвэй“. Какой удар для элиты! Почти все денежки KIDS, незаконно распространяющей ключи выхода в любимую нами Среду, достались какому-то бродяге!»

Гарри забыл и о руке, и о шэо, глядя на сверкающий инфоэкран. Робот размахивал руками в солянке кадров, на одном из которых был виден форум с надписью «GRIND поимел KIDS».

«Трудяге определенно везет — сегодня утром в Сети состоялись торги желающих выкупить беглеца у японцев, и теперь паренек по гроб жизни обязан какому-то богатому анониму, — продолжал ведущий, приблизив металлическое рыло к камере. — Как видите, в этом городе еще полно людей, которым некуда девать деньги! Чувак, твоя добродетель достойна награды! Свобода Грайнда обошлась в 200 000 кредитов, но не успев ее толком получить и избавиться от фриков КЕ, неугомонный перец обул наших „детишек“! Похоже, в анналах истории Тиа-сити появляется еще один псих вроде Трэя Робертса. Похлопаем Грайнду и его безбашенной команде, которую члены KIDS пообещали зарыть заживо!..» — робот загоготал.

— Тогда все понятно, — расслабился Гарри. — Фрики долго обновляли базы по заказам.

— Кто аноним?

— Вряд ли этот неизвестный хуже япошек, — священник потер голову. — Надо подумать, как еще можно использовать Мэда…

— Мне надо забрать гитару.

Гарри невнимательно мотнул головой и пошевелил оставшимися пальцами, на одном из которых, выделяясь из наплывов никак не желающей засохнуть крови, было надето черное кольцо. Пустая площадь кричала плоскими рупорами

инфоэкранов, но он их не видел и не слышал, посмеиваясь куда-то в небо цвета асфальта. Шэо так и не открыли. Очень на них похоже — они не пытаются убедить других в добродетели и отзывчивости, помощь ближнему для них — пустая блажь. Никаких миссий, больниц для инвалидов и прочей шелухи, широко распространенной на Земле до войны, — сетевые пророки восхищаются явлением, действием, а не личностями как таковыми. Им все равно, что с нами случится, — это часть легенды.

Я подошел к кабинке входа в Сеть, набрал номер счета и задумался. Первым делом нужно было сделать что-то с рукой священника, а затем спрятаться. Гарри и я долгое время жили в трущобах Тиа-сити, поэтому я хотел вернуться именно туда, в портовый район, где знал любой закоулок. Но в следующий раз искать нас начнут с порта, а другие места города выглядели одинаково непривлекательно. Просить совета у Мэда или кого бы то ни было с помощью публичной кабинки не стоило — он не ответит, все запросы записываются. Если кто-нибудь захочет быстро на нас выйти, не стоит упрощать ему задачу.

— Пошли, — я потянул Гарри за плечо и показал средний палец камере шэо.

В отдалении от центра больше любили наличные, и мы поковыляли в Трэм, чтобы превратить средства на счету в кредиты, — я знал пункт, где геймеры обычно отоваривали выигрыши.

— Гео-датчик есть? — я пошарил по карманам.

Священник достал нож здоровой рукой и ухмыльнулся — это все, что он постоянно носил с собой.

Район назвали так же, как игру, в которой игрок вычищал покинутый город от зараженных чумой людей. Заброшенные дома, отблески костров в разбитых окнах, темные лица, появляющиеся за спиной, и ощущение постоянного страха, которое давило и заставляло исступленно жать на манипуляторы, — все это позволило игре войти в список лучших хоррор-шутеров. Сейчас такие не редкость, но в «Трэме» было зерно, какой-то шарм, который так и не удалось повторить. Похожие на зомби больные неотвратимо следовали за тобой, пачкая миазмами разложения пустые и зловещие улицы под аккомпанемент удачно подобранных урбанистических звуков.

Один из фанатов игры, Стэнли Рой, выкупил землю и построил ангар, как две капли воды похожий на тот, в котором герой оказывался в финале. Он заставил строителей скрупулезно следовать распечаткам, которые сделал по мере прохождения, и сам проверял детали. Среди прогеймеров такие странности —

привычное дело; слишком уж привязываешься к игре, она не отпускает. «Трэм» оказался большим постапокалиптическим реквиемом всему человечеству. Из-за сильной напряженности геймплея, выматывающей нервы, и чрезмерно жесткой настройки датчиков «Трэм» сразу стал культовым явлением. Играть начинали все, до середины доходило процентов 40, а пройти игру сумели считанные единицы, сразу же образовавшие элитный клуб. Спустя некоторое время Стэнли Рой стал играть все хуже, он обанкротился, а потом фаната «Трэма» и вовсе отправили в дурдом. Ангар остался без хозяина, и тогда его постепенно заселили геймеры третьего и ниже эшелона, которым не хватало денег на нормальное жилье. Шутили, что в район пришли-таки настоящие зомби.

Трэм изначально был плохо заселен. Раньше на его территории располагалась большая железнодорожная развязка и депо, но после войны осталась лишь унылая, поросшая серо-желтыми кустами зона. Въевшиеся в землю ржавые рельсы, выглядывающие из тумана цеха с неповоротливыми, смятыми вагонами и покинутые шлагбаумы, потерявшие изначальный цвет. Старые пути и оседающие вагоны в ветреные дни скрипели и подвывали, из тумана размытыми чудовищами выныривали потемневшие подъемные краны. Чтобы достигнуть аутентичности, фанаты «Трэма» во времена популярности игры напичкали район механическими чучелами, отпиленными конечностями и глупыми ловушками. Но если в центре Трэма, около ангара, кипела жизнь, окраины оставались безлюдными и молчаливыми. Позднее, когда ангар целиком забили, игроки начали приспосабливать под жилье вагоны и промозглые будки, но далеко от жилища Роя не забирались. Туман, ползущий по Трэму, скрывает ямы, куски рельсов, обшивки поездов, штыри, трубы, остатки знаков и прочий хлам. В каком-то смысле район можно считать памятником. Единственный удобный для Трэма транспорт — флаеры, но их можно засечь по звуку и попытаться бежать, поэтому лучше места для того, чтобы переждать ажиотаж, найти нельзя.

Еще одной достопримечательностью Трэма является геймерская психушка. Это место пользуется дурной славой, и по своей воле ни один из жителей Тиа-сити к зданию не подойдет. Психологическая лечебница, находящаяся в ведении Корпорации, находится недалеко от побережья, с самого края района, и выглядит как невнятный серый куб. Изначально предполагалось, что отклонения психики у геймеров должны быть изучены, а потому туда отправляли игроков с нестабильным поведением и людей, спятивших на почве игр, чтобы сделать выводы и

оптимизировать продукты игровой индустрии. Местные неуважительно называли психушку Кааба. Ее основали после того, как команда SpIce, участвовавшая в турнире rpg «Город некромантов», совершила ритуальное жертвоприношение на пустошах Трэма. До этого увлечение Средой не выходило за рамки обычной подростковой нервозности, аутизма и подражания любимым героям, а тут ребята повторили ритуал вызова демона, раскрошив какую-то горожанку. У нас в городе никто не дрожит от подобных историй, но из Каабы не возвратился ни один из тех, кого туда упекли. Билет в один конец, скажи «до свидания». Говорили, что на них проводили эксперименты или продавали психов инопланетникам в качестве свежего мяса, но такие слухи ходят о любом закрытом здании в Тиа-сити.

Мы с Гарри пока что находились на окраине Трэма, где он граничил с более спокойными районами. Обналичив деньги, священник первым делом залепил руку медклеем и разжевал несколько капсул обезболивающего, а потом начал приглядываться к каталогу оружия. Продавец оживился, увидев кредиты, обратил внимание на лица, узнал. У меня жутко чесалась подмышка.

— Мне нужен медик. Хирург, — к Гарри вернулось дьявольское спокойствие. — Чтобы привинтить палец.

Он покрутил грязной рукой перед мужиком, словно тот должен был тут же к ней приложиться. К парню на глазах возвращались наглость и обаяние; даже его рваный и убогий балахон на расправившихся плечах превращался в одеяние уважаемого странника. Продавец несколько удивился такой быстрой метаморфозе, покосился на деньги и произнес:

— Это Трэм, тут нет спецов, способных качественно сделать имплантацию. Если только в Каабе. Или отправляйтесь на Косу.

Гарри смахнул оставшиеся капсулы в карман, и мы углубились в Трэм. Даже в названии района чувствовалось нечто, похожее на эхо от рухнувшего в бесконечную бездну механизма. Лениво освещенные окна, мелкие офисы, вывески мелких, увязших в долгах гейм-клубов. У улиц Тиа-сити (кроме нескольких центральных) нет названий — их бы все равно никто не запомнил, так что жители ориентируются районами. Если нужно указать точное назначение, используют маячки на сетевой карте или одну из многих систем позиционирования. Практически у всех есть такая «выносная память», и вещи, которыми не желают захламлять голову, держатся в Сети или микроустройствах. Это вызывает так называемый синдром «выносной памяти», когда человек без вспомогательных устройств абсолютно беспомощен. Серферы Сети похожи на рыб, а

реальность — на берег, где они только хлопают жабрами. Если ломается приемник или отключается доступ в Сеть, у человека случается истерический припадок. Мы достраивали свой организм, дополняли его, докручивали, забывая, что можем потерять эти устройства. Меня подобным вряд ли проймешь — слишком много приходится носиться по городу во плоти, но для Трэма моих знаний не хватает.

Безымянные улицы постепенно становились все более кривыми, ветшали, пока мы не вышли к рельсам. Они появились из тумана, потом потускнели, уходя вдаль желто-серым приглашением вступить в запретную зону. Я в районе не ориентировался, приемник указал направление к ангару и Каабе двумя разными стрелками. Все-таки Корпорации придется серьезно постараться, чтобы заставить меня покупать навороченное барахло, когда старые вещи работают.

— Предлагаю пожить в какой-нибудь конуре в глубине депо, — сказал я. — Ты сходишь к ангару и купишь у геймеров хотя бы матрас. В лицо тебя никто из них не знает, подумают, что еще один игрок. А я заберу гитару.

Гарри уклончиво хмыкнул, но противоречить не стал.

Мы разделились. Священник уверенно направился к ангару Роя, будто до сегодняшнего дня только и делал, что навещал геймеров, а я побрел вдоль границы Трэма, заодно надеясь отыскать что-нибудь похожее на жилье.

Горожанин, лишенный ориентации с помощью улиц и знакомых домов, попадает во власть паранойи. Дымка Трэма поглотила меня с головой, показывая то развороченные внутренности вагонов, то пустые, уходящие в никуда рельсы, то одинокие деревца, наступающие на наши следы. Ноги проваливались в заполненные травой и грязью ямы, в одной из которых я обнаружил чучело зомби. Испугать меня он не сумел — речевой центр робота заело, он сучил ногами и жужжал, стараясь выбраться из размытой дождями ямы. Не знаю, зачем, но я его вытащил и прислонил к ковшу навеки замершего и уже вросшего в землю подъемника. Мы с устаревшим роботом-зомби стали союзниками — два существа, попавшие на уровень «Трэм».

— Я за тобой вернусь, приятель, — пообещал я бездумно роющему землю зомби и отметил место.

В Трэме кажется, что кто-то заглядывает тебе через плечо, но когда оборачиваешься, неведомый преследователь тоже чуть перемещается, оставляя в дураках. Через некоторое время я набрел на вытянутое здание, по полу которого тянулись вездесущие рельсы. Они перекрещивались, вели в далекое и близкое никуда, бесцельно ползли в сумеречной зоне Трэма и

всегда были рядом. Здание напоминало ремонтный цех или что-то вроде. Большие окна пропускали изломанный туманом свет, в углах трупным пятном притаилась темнота, сырость проникла всюду, разъев станки, инструменты, стены. Хотя крыша не была пробита, жить тут я не собирался. Ветер гонял жухлые листья и клочковатый полиэтилен. Воздух, казалось, тоже движется — его то становилось слишком много, а то нечем было дышать.

Несколько будок, встретившихся по пути, прохудились; в перерабатывающем заводе не нашлось ни одного помещения, от которого не бежали бы по телу мурашки. Мокрые кострища расползлись как кляксы. Трэм выглядел покинутым и агрессивным, словно за время, на которое его оставили в покое, слишком привык быть один.

Когда вдалеке показался серый пористый куб Каабы, я свернул налево, прополз под дырявой оградой и некоторое время шел по недостроенным складам, натыкаясь на оставленные упаковки от синтетической еды. Бледный силуэт слабо освещенной больницы действовал даже на расстоянии. Свет едва заметно подрагивал, совпадая с периодом сканирования местности охранной системой, — это выглядело так, будто Кааба передает по зоне Трэма вибрации сумасшествия. Если так, я облучился по полной.

В путешествии в одиночку есть свои плюсы — после того, как я уселся на подоконник, покрытый пятнышками рыжеватого мха, в голове начали состыковываться разбросанные прежде куски. Когда события происходят слишком быстро, не успеваешь осознать опасность. На это нет времени. Один механик из трущоб говорил, что философствование свойственно лишь тем, кому нечем заняться. Мы с Гарри как будто сели в вагончик и понеслись вперед, набирая скорость. Если рискованному делу сопутствует успех, поневоле начинаешь задумываться о том, что это либо твое предназначение, либо гигантская подстава. Пока же нам просто безбожно везло.

Практика выкупа преступников, за которых назначали награду, в Тиа-сити процветала. Таким образом конкурирующие группы или фирмы добывали себе необходимый персонал — тот, кто насолил в одном месте, мог легко пригодиться в другом. Если человек не нарушал законы Тиа-сити, а только разъярил какую-либо из диаспор, банд или холдингов и эта ярость имела денежный эквивалент, его приговор не был окончательно подписан. Вот только с японцами такая система чаще всего результата не давала. Месть, долг чести, — эти понятия не разрешают якудза просто так отказаться от преследования, а сводка новостей и поведение фриков говорили о том, что они

просто кивнули и отозвали собак. Это меня тревожило — сумма, за которую меня выкупили, была высока, а условий освобождения от погони я до сих пор не знал. Никто не мешал мне проигнорировать этот широкий жест, спрятаться в глубине Трэма и переждать, но Тиа-сити не из тех мест, где можно долго скрываться.

Подобравшись к месту, бывшему для меня домом, я лишний раз осознал невозможность обратного пути. Дверь склада разворотило, словно в нее угодило космической пушкой, и я побоялся, что туда понабежали портовые бродяги. Торчки продадут все, что попадется под руку, даже лестничные перила. Внутри висела давящая тишина. Я поднялся по лестнице, чтобы не поднимать лишнего шума, но боевики, очевидно, потеряли интерес к складу сразу же, как узнали об отмене вознаграждения. Не было слышно только шелеста птиц, перепуганных пальбой и грохотом. В комнате все в беспорядке валялось на полу, рабочую станцию взорвали, часть железа забрали с собой. Электрогитару я нашел посреди комнаты, корпус раздавил какой-то фрик, но это можно исправить. Я пробежал пальцами по инструменту, определяя повреждения, и услышал чужой голос.

«Завтра в 20.00 в „Парсеке“. Захвати с собой священника. Это неопасно. Стар».

Рекламная электронка старого образца сидела на окне и тщательно проговаривала слова. Я раздраженно поймал малявку, осторожно положил гитару в чехол и покинул склад.

Десять.

Если находиться около входа в «Парсек» дольше обычного, начинаешь чувствовать, как тебя сжевывает резиновый рот. Все подчинено особому ритму, которого нет за дверью, — идиотски жизнерадостный звон нескольких десятков касс сыплется в воздух, искрятся анимированные плакаты, роскошные мулатки глотают пилюли для улучшения памяти, попадая в такт всеобъемлющему дыханию магазина-монстра. Белым шумом разговаривают покупатели, раздаются тихие чпоканья автоматов для упаковки, едва слышное шуршание тканей и раздающееся невпопад «Возвращайтесь!». Ровные рядки белесых полок, заваленные неисчислимым количеством пакетиков и пакетов, — это лабиринт игры, в которой по прорезанным дорожкам катают железный шар; они взмывают так высоко, что приходится задирать голову, чтобы разглядеть, где они заканчиваются. Этажи выше заняты бесконечными костюмами, куртками, платьями и

комбинезонами, плитами, ваннами, усилителями, панелями, шлемами, комплектами проводов, волосатыми, поющими, прыгающими и даже иногда имитирующими секс игрушками для маленьких и больших мудаков. Легион манекенов-андроидов двигается по заранее определенной территории, танцует нескончаемый танец продвижения барахла в массы. «„Парсек“ — БЕСКРАЙНЕЕ ПРОСТРАНСТВО ТОВАРОВ» синхронно проплыло по всем инфоэкранам. Гарри покривился.

Примерочные кабинки, аппараты с липкой лентой, улыбающиеся во весь рот менеджеры, — целый мир в мире, тут можно заблудиться и никогда не найти выход, зависнув между небом и землей в рае для тех, у кого на кредитной карте круглая сумма. Здесь можно найти все, что легально разрешено, есть отделы для инопланетников, где они могут купить привычную пищу или другие экзотические штуковины. Тут находятся развалы пряностей, алкогольные прерии и тускло поблескивающее великолепие витрин с электроникой; плюшевые и меховые поля сменяются островками острых соусов и листопадом отделов нижнего белья, а над всем этим — око корпорации. Можно днями пропадать в «Парсеке», переходя из одного зала в другой, он занимает квадратные километры над и под поверхностью Тиа-сити, а некоторые живут здесь.

Я нервничал, отыскивая взглядом фриков из КЕ. С недавних пор людные места меня раздражали, поэтому настроение портилось с каждой лишней минутой ожидания. Хотя посетители магазина были слишком заняты реализацией потребительского зуда, некоторые смотрели на меня. Биоклей прятал лицо, но не мог спрятать страх. Мы с Гарри оба были немного взвинчены, а вызывающее добродушие гипермаркета подавляло. Гарри не был одет, как священник, он избавился от балахона, хотя и остался верен черному; трудно сказать, волновался ли он, но рука напряженно играла с сигаретой. Пока я ходил за гитарой, он нашел в ангаре подпольного хирурга и все-таки вживил себе синтетический палец цвета «металлик». Воздух пах паранойей. Кассы продолжали звенеть, получая очередную порцию денег.

— Это ты?

Она замолчала, потопталась немного, а потом вытащила ладонь и протянула мне.

— Я Стар.

Мы с Гарри смотрели на фигурку врага и непричесанную гриву грязно-рыжих волос. Последние торчали в разные стороны, словно пряди дергали или начинали расчесывать и бросали на полпути; посередине спутанной копны светились глаза. Мне казалось, что их нарисовали, потому у человека не может быть

таких здоровенных глаз, но вот они, прямо передо мной, а вокруг зрачка — зеленоватые кружки. Священник с нейтральной полуулыбкой пожал ей руку, представился и отступил, ничего не добавив.

У Стар было усталое лицо с четко обозначившимися складками и губы ребенка. Она переминалась, снова запихнув кулаки в карманы пальто сочного цвета хвои и оттягивая ткань.

— Что дальше? — произнес Гарри, нарушая молчание, на протяжение которого Стар дергала пальто и крутила головой.

Пальто так контрастировало с волосами, что хотелось переключить программу. У горла торчал черный платок, на шее алел длинный штрих. Старая царапина, которая выглядела, словно шов; казалось, что часть женщины пришита к пальто, будто лоскут.

«Aah, if she ever comes now now…

Aah, she looks so good…»

— Надо промочить горло, — сообщила Стар, уставившись глазами-монстрами. — У меня боязнь гипермаркетов — все время думаю, что потеряюсь и никогда не выйду. Что буду бродить между полками, пока не умру.

Тут она направилась к выходу, ссутулившись и поджав плечи. Ботинки оставляли мокрые следы, и на них сразу же рванул автоуборщик. Он старательно слизывал за ней грязь.

— Тогда почему в «Парсеке»?

На улице мне наконец-то удалось избавиться от звона в ушах.

— Здесь никто со стороны вас не достал бы. Территория Корпорации, с этим приходится считаться, — Стар разговаривала хрипло, как негритянская певица, и я узнал этот голос.

«Тебе холодно?».

Реальность рванула цифровой бомбой, слепив в ком вещи, которые никогда не должны были соединяться.

— Откуда у тебя столько денег? — поинтересовался Гарри. — Или где твой хозяин? Я ожидал увидеть кого-нибудь повнушительней.

— Она работает в Корпорации.

Священник отодвинулся:

— И чего хочет Корпорация?

Стар остановилась, посмотрела на дорогу. Мимо струилась разношерстная толпа, но они обтекали ее, разбивались, как о волнорез. Ночь и туманные обрывки уже сгустили воздух — даже здесь, где в него одна за другой впивались информационные ленты. Рядом проходили люди, сейры, однажды проползло неизвестное мне чудовище с суетящимся рядом переводчиком, и все они спешили не в одну, так в другую дверь, за которой

таились кибернетические удовольствия. В черное нёбо разинутого над Тиа-сити рта впивались светящиеся стеклянные трубки зданий. Словно шприцы, впрыскивающие в распухшие вены раствор, после которого небеса сдадутся и упадут вниз, сдуются, заполнив зловонием весь город. Я давно не бывал в центре просто так, не зная конечной точки, в которой остановлюсь.

— Я за тебя не платила, — поставила точку рыжая.

— А кто же тогда?

— За тебя заплатили KIDS. Хакеры уверены, что ты вернешься в Сеть. Они тебя ждут, потому и спасли от японцев.

— Вранье, — Гарри ухмыльнулся, остановив взгляд на губах Стар. — Они не такие идиоты.

— Но вы же считали их идиотами, когда решили ограбить.

Рыжая развернулась, пересекла улицу, вставила карточку в автомат и достала три бутылки «Зеда». «Зед» очень популярен у ребят из Кибернетического Единства, в него добавляют стимуляторы и DF — наркотик, дающий странный визуальный эффект. После приема все раскладывается на мелкие полосы, на миниатюрные части, из которых собирается целое. Цифровая картинка. Она вручила нам по бутылке, скользнув рукой по ладони каждого, но без эротизма — словно прилаживала контакты на шлеме.

— Почему нас не взяли?

Она глотнула «Зеда», продолжая уходить вглубь города:

— Вычислить хакера нетрудно, это никому не нужно. Неинтересно. Но простые хулиганы могут наладить серьезные связи, поэтому их вносят в список до того момента, как они совершат что-нибудь действительно опасное. Иногда, если дело громкое, их приглашают в KIDS и смотрят, на что они способны, а потом приводят в исполнение приговор.

— В KIDS? — бутылка притормозила у моего рта, Гарри тоже опешил.

— В Тиа-сити никакой оппозиции не существует. Есть только джокеры и вы.

Рыжая покружила около Гарри, но тот на нее не смотрел — взгляд терялся там, где возвышалась острые иглы посольств. Башни слегка расплывались в окружающем их смоге, слабо окрашивались в цвета, отбрасываемые рекламными строками.

— Ты недоверчивый, священник, — заметила Стар. — Могу рассказать, кем ты работал до того, как заинтересовался религией.

Гарри мрачно уставился на бледное лицо женщины. Стар улыбалась. Гарри — нет.

«Aah, she's made out of wood…

She says so.»

— Чего ты хочешь?

Она выкинула недопитый «Зед», дернув плечами.

— Я хочу прожечь в вас кислотные дорожки.

В этот момент мы распались на миллион тоненьких полосок, остался только сиплый голос, и он вел между изрезанной разноцветной соломкой поверхностью стен. Я захотел спросить, откуда у нее эта алая царапина, но не мог себя заставить. Гарри бросил бутылку «Зеда» в стену. Осколки, состоящие из пикселов, упали на мостовую. Все ощущалось ненастоящим настолько, насколько это вообще возможно. Она могла завести нас в ловушку, как равнодушная девочка из заставки «Тьмы на троих», но на опасения не хотелось отвлекаться.

— Я могу сделать вас невидимыми для Корпорации.

Ее глаза появлялись и исчезали, они стали фасеточными, как у насекомого. Гарри расстегнул пальто, хлопнул ее по плечу — и развалился на части, осыпался прямо на асфальт.

— Отличное пойло, — бывший священник поднялся, снова оказавшись фигуркой из невнятных символов. — Зачем тебе нас прятать? Ты ведь у них работаешь, получаешь свое бабло.

Я зажмурился, но все оставалось таким же нереальным. Волосы Стар горели, сквозь них пробивался свет от вывески «Купи билет — в подарок обед!», делая шевелюру еще более живописной, почти алой. Она оперлась на очередной автомат и снова купила выпивки; я глотал холодную жидкость, не задаваясь вопросом, что там, — мне было совершенно все равно. Город раскладывался на миллион квадратов, а хриплые слова женщины пронизывали его широкими прямыми.

— Ты нас отравила… — почему-то сказал я.

— Я собиралась тебе понравиться.

Гарри очнулся. После выпивки он ожил, перестал смотреть на мир с позиции конструктора неудачного полигона и теперь пружинисто вышагивал мимо магазинов, витрин с записями лучших игр, татуировочных салонов, студий по художественной имплантации, лавок, в которых можно было заказать себе электрического друга, и других ловушек для туристов. Стар затянулась, потом вдруг передумала, резко выдохнув дым, и с какой-то опаской и робостью дернула священника за рукав, чтобы он подождал. Мимо тек поток разноцветных точек, а мы замерли тремя столбами, вокруг которых вихрился воздух.

— Я хочу, чтобы вы взяли меня с собой.

Это прозвучало как молитва или заклинание.

Стар сжала сигарету губами. Белый цилиндр выглядел непомерно большим для маленького рта, глаза попеременно

смотрели то на меня, то на Гарри. Она замялась, дернула волосы, потом разозлилась. Гарри опустил веки, рассматривая ее как-то слишком снисходительно, слишком мягко. Сигарета полетела прочь, красный кончик, послав сноп искр, несколько раз перевернулся в воздухе.

— Ты программист? Спец по сетевой безопасности?

— Нет. Я психодизайнер Среды. Я отвечаю за то, чтобы Среда была такой влекущей, как она есть, — она не хотела об этом рассказывать, делала над собой усилие.

Темная фигура Гарри изменялась, перетекая из искрящегося облака пикселов в угольное пятно. Я знал, что корпорация проводит разные эксперименты над сотрудниками, но впервые столкнулся с подобным в жизни. Стар вела себя странно.

— Я живой сканер Сети, — она зашагала дальше, сворачивая на узкую улицу, освещенную бледными шарами светильников. — Прямолинейный страх никого не трогает, нужны изломы. И эти изломы нахожу я.

Она притормозила у изрезанного андроида. Швы раскроили лицо синтетического раба на несколько частей, он шевелился, но никуда не уходил, прикованный ограничениями программы. Я вспомнил про неуклюжего зомби, которого пообещал забрать с ржавой пустыни Трэма, и решил, что обязательно починю его. Это несложно. Стар повернулась боком, наступая одной ногой на небольшую лестницу; царапина на шее стала более рельефной, казалось, что она сейчас отделится от кожи и поползет тонким алым червем.

— Я слышал про таких, как ты, — Гарри встал в тени и почти слился со стеной, у него это получалось инстинктивно. — Наркотики, гипнокоды, стимуляторы для обострения ощущений. Ты ведь и сейчас в это играешь, да?

— Думаю, если три дилетанта разберут Корпорацию по частям, это будет остроумно.

Внутри пахло пылью и алкоголем. Полутьма и красные надписи, вдали — стойка, а по всему залу — рабочие станции с черными панелями, на которых танцевали огоньки, черные шлемы, платные инъекторы. За многими из машин виднелись фигуры погруженных в свои дела посетителей. Стар махнула рукой, заводя нас в самый темный угол заведения. Появился бармен, смешал выпивку, принял оплату — и скрылся. Дорогое заведение. Дорогие наркотики.

— Здесь нет камер, нет «жучков», — объяснила Стар. — «Unser» — один из «чистых» клубов, камеры показывают видеопетлю, записанную сто лет назад. Но обычные посетители этого не знают. Есть еще такой же вирт-бар, как и здесь, — «Пять

кинжалов Ашеров», около моста. Вам это еще пригодится. Естественно, при необходимости вас проследят до клуба, но разговаривать внутри можно свободно.

Я глотнул из стакана и закашлялся — похоже, Стар себе ни в чем не отказывала. Она дымила, не прекращая, сзади нее опирался на локоть Гарри. Священник пообмяк, но все еще был внимателен, хитрые глаза превратились в нанесенные на череп штрихи. Волосы Стар агрессивно торчали по сторонам треугольного лица и тянулись к Гарри.

— Как ты нас вычислила? — священник распрямился и толкнул длинноногий муляж.

— Я слежу за многими молодыми преступниками в Среде и Сети. Меня это заводит. Да и, если говорить честно, вы не прятались.

По лицу бегали красноватые отблески. Я слышал, как она дышит. С ней было что-то не так. Дело даже не в том, как она перескакивала с настроения на настроение, с предмета на предмет, с любопытства и интереса на безразличие, а в том, как она вдруг поджималась, словно ее хотят ударить. Теперь она молчала, глядя в коктейль.

— Зачем тебе мы? — спросил я.

— Потому что все вокруг меня ненастоящее.

DF отпускал быстро, и в этот момент частицы вдруг соединились, слепив из чешуек цельные зрачки. Она ждала ответа.

— Вам надо избавиться от метки.

— Что это?

— Я психодизайнер, а не хакер. Но неужели ты не думал, почему Гончие находят преступников так быстро?

Она посмотрела на меня как женщина, которая давно ни с кем не разговаривала и разучилась что-либо скрывать. Быть может, просто ход, с которым я раньше не встречался. Так или иначе, это действовало, — я следил за длинными пальцами, за тем, как она поворачивает голову, кидая отрывистые хриплые фразы, или вдруг начинает объяснять что-то, низко и неэмоционально. Танец ладоней-лодочек: она то приближала стакан, неслышно прокатив его по столу, то играючи отталкивала, и это не давало возможности отвлечься. Гарри опьянел, перейдя в непредсказуемую фазу.

— Охотники все вам расскажут. Гарри знает, куда идти, — легкий проблеск насмешки.

— Я не собираюсь вести туда Грайнда.

— Тогда считай, что каждый раз перед очередной проделкой вы звоните и предупреждаете, где остановились…

— Смени тон. Я вижу тебя впервые, а ты уже пытаешься сыграть в мою мамочку.

Стар развернулась, потушила сигарету. Табак вывалился из сломанного цилиндра и рассыпался коричневой дорожкой. В этот момент я удивился, как они похожи, — два психа, о которых я ничего толком не знал. Священник сидел, расставив ноги, и презрительно смотрел на не, словно спрашивая «Ну и что ты теперь сделаешь?», а она сжалась, чтобы нанести ответный удар. Мрачное лицо постарело на несколько лет разом, и я подумал, что она точно старше, чем мы.

Женщина достала из кармана складной нож, разогнула его и скинула пальто. Под зеленой тканью прятались худые плечи, прикрытые тонкой и не то, чтобы очень свежей майкой. Гарри медленно курил. Он оперся локтями о колени, наклонил голову и ждал ее хода. Стар закатала рукав, не глядя ни на меня, ни на священника, повернула нож немного вбок и всадила тонкое лезвие чуть ниже локтя, с внешней стороны руки.

— Любишь боль?

Молчание. Пальцы слегка придерживали почти игрушечный нож и подрагивали. Мы втроем смотрели на тощую руку рыжей, в которую был воткнут плоский кусок железа. Нож словно делал стежок, входя с одной стороны и выходя чуть дальше, но находился не прямо под кожей, а глубже, в верхнем слое мяса. Бармен звякнул чем-то за стойкой, потом ушел в заднюю дверь, словно ничего и не происходило. Стар осторожно расправила ладонь раненой руки. Волосы упали ей на лицо, покрывая сетью из рыжих изогнутых прядей.

— Люблю.

И тут под кожей что-то дернулось. Что-то живое.

Некоторое время мы смотрели, как капли крови на столе сливаются в неровную кляксу. Она немного надавила на нож, раскачивая его, кожа опять вспучилась, будто под ней засел паразит. Стар вскрикнула, потом налегла на лезвие, резанула криво, вбок. Из-за крови было трудно что-нибудь разглядеть, но она точно знала, что делает.

— Что это? — Гарри недоверчиво наклонил голову.

Женщина снова ткнула ножом в рану, но теперь уколола, будто насаживая мясо на острие. Пахнуло потом, я прижал дрожащую руку Стар к столу. В ране металась, пытаясь скрыться в тканях, тонкая окровавленная полоса.

— Метка.

Стар выскабливала дрянь, словно перед ней была не собственная рука, а макет, манекен. На лице блестела россыпь мелких алых капель. Священник выхватил свой нож и поддел

вертлявую полосу, выкинув ее на стол и пригвоздив к дереву, но даже тут она не перестала двигаться.

— У нас такие же? — Гарри уставился на свой локоть, мы оба вспотели. — Я надеялся на стерильный чип.

— Не знаю. Скорее всего, меры безопасности для сотрудников Корпорации иные, чем для остальных. Но что-то есть у всех — чип или биотехнология, совмещение электроники и тканей, «пыль». А эту вещицу я обнаружила случайно, когда резала себе руки.

— Зачем?

— Захотелось.

Гарри дернул бровью, взял ком салфеток и протянул ей, не говоря больше ни слова. Бумага в один миг стала красной.

— Я не собиралась тебя поддевать, — добавила она. — Я не могу удалять метки, это подозрительно. А вы — можете.

— Но ты только что это сделала!

Мы вышли из бара. Я пожалел, что у меня нет платка, чтобы замотать рану рыжей. Ветер несся между серыми стенами, он пах влагой, пах свободой. Стар прижала руку к груди, а пальто так и не застегнула. Некоторое время мы просто брели, куда глаза глядят, все углубляясь в район, оставляя позади крупные улицы. Казалось, что в желудке шевелится червь, постороннее тело, которое разорвет меня, стоит свернуть не в ту сторону. Сюрпризом метки не стали, и я до сих пор не был уверен, что они есть у жителей трущоб, но зрелище чужеродной имплантации вызвало отторжение.

— Тебе нужно возвращаться, — я остановился перед Стар, она ткнулась мне в грудь, едва доставая головой до подбородка, потом отстранилась. — А то подхватишь какую-нибудь заразу.

Гарри направился к автомату на углу за бутылками шипучей синтетики — пойло для бродяг, рекламируемое как отличный напиток. Женщина из корпорации, похоже, не боялась вирусов и грязи в воздухе Тиа-сити. Она посмотрела исподлобья, наклонив треугольное лицо, словно недоверчивая птица.

— Вы же хотели серьезную игру, правда?

Здесь было тихо, воняло мусором. Фонари высоко вверху неохотно поливали нас лучами. Честно говоря, не знаю, хотел ли я настолько серьезную игру. Одно дело — веселиться, ломая программную защиту, другое — противопоставить себя Корпорации по-настоящему.

— Больно? — священник отхлебнул синтетической бурды, поморщился, крякнул.

Пойло отдавало бензином. При взгляде на бутылку мне представлялась длинная труба, по которой течет расцвеченная

разноцветными химическими пятнами вода, а под ней стоит шеренга роботов и наполняет емкости. Вполне возможно, что производство как раз так и выглядело. Нормального алкоголя я давно не встречал, одна дешевая подделка.

— Не особенно. Слишком много наркотиков.

Она достала из кармана небольшой пузырек с белым аптечным клеем, выпростала покрытую подтеками крови руку и выдавила массу на распухшую рану. Через несколько секунд рука покрылась эластичной коркой. Рыжая хорошо подготовилась.

— Но когда они успевают их вставить? — размахивал бутылкой Гарри. — Это ты тоже знаешь?

— После рождения. В момент медицинской проверки. Когда забирают в полицейский участок. Да когда угодно, — она развела руками. — Чипы позволяют с точностью определять ваше местоположение, а потому мешают. Избыточная информация не передается, только идентификационная, потому что город напичкан камерами и сканерами. Достаточно узнать, где ты, и синхронизировать изображение. Но в Центре без чипов вас никуда не пустят, кое-где еще тоже, даже поднимут тревогу.

— Тогда в трущобах должно быть полно людей без чипов. Неужели так трудно подделать чип и стать другим человеком? На Косе могут сымитировать все, что угодно, — отмахнулся я.

— Все возможно, если есть соответствующие люди. Но повтор информации исключен, система проверяет дубликаты и, если находит, оповещает об этом, — Стар нас откровенно дразнила. — Так что для начала стоит избавиться от тех, что стоят сейчас.

Священник достал нож, потер его о штаны, но потом спрятал обратно. Стар говорила дальше, а я отключился, попал в другое ответвление. Мы были нужны ей настолько же, насколько она — нам, и это делало происходящее незавершенным, словно кто-то нажал на паузу в игре. Сейчас мы допьем спирт, зайдем еще в несколько баров, чтобы напиться, как сволочи, или просто будем бродить, рассказывая вещи, о которых давно забыли, а потом она поцелует меня влажными маленькими губами, и от нее будет пахнуть сигаретами и свежей кровью, которая едва успела свернуться. Я не хотел ласкать ее, кидать на постель. Эта стадия всегда наступает, когда встретившиеся достаточно пьяны, чтобы возникла нужда прижаться к чужому телу. «Держись, держись от меня подальше».

В Стар чувствовалась первобытная женская уверенность, которая заставляет ощущать себя должником. Глаза и низкий голос говорили одно, а угловатое тело под широким зеленым пальто боялось и меня, и священника, и всего этого мира.

— Я покажу вам мост.

— Мост? Я сто раз видел чертов мост, — заворчал Гарри.

— Нет. Ты его не видел.

Стар отвечала ему, но мне казалось, что она разговаривает со мной, каждое слово осторожно, но твердо прикладывая железной лопаткой к спине. Глазища раскрылись, уткнулись в небо острыми ресницами, и нам ничего не оставалось, как петлять, повинуясь ее желанию и допивая по дороге синтетику. Рыжая взяла меня за запястье — очень пугливо, будто спрашивая. Казалось, еще немного — и она умчится в ночь от своей смелости, но стоит сказать об этом, наверняка выстрелит фразой, после которой придется собирать себя по кусочкам.

Она была права — мы не видели моста. По крайней мере, таким, как в тот вечер. Паучьи опоры намертво вцепились в пленку реки, он был несгибаем. Растянутые треугольники, составленные из упирающихся в туманное небо стальных столбов, убегали вдаль, а поверху, между гигантскими решетками, неслись глазастые машины. Синеватая сталь, искусно подсвеченная снизу, мокрый асфальт, на котором дробились огни города. Туман пытался опутать его дыханием протухшей речной воды, но мост все равно стоял, разрывая белесые жгуты ко всем чертям. Странно, но это было очень красиво.

Стар так и не вытерла брызнувшую на лицо кровь. Гарри молча курил, порой пытаясь надеть отсутствующий капюшон. Мы сидели там половину ночи. Просто сидели, глядя на этот долбанный мост.

Одиннадцать.

Стар знает всех: дилеров, торговцев оружием, программистов, владельцев баров, ген-миксеров, мутантов, инженеров, прогеймеров, ученых, шлюх, руководство Корпорации, шэо, Детей Икара, просто колоритных торчков с улицы, которые могут ей пригодиться в работе. Она употребляет все наркотики, которые мне известны, и кое-какие из новых и говорит, что из нас троих получится отличный диктатор. Внутри меня что-то рухнуло, обнажив обрыв, о котором я не подозревал. Она появляется, рассказывает новости корпорации, дымит длинными сигаретами, потом впивается ногтями в руку, будто хочет что-то открыть, но не может, а потому только терзает пальцы. Иногда она смотрит, будто умоляет о чем-то, но я не могу расшифровать эти коды. Я сжимаю маленькие кисти, хочу забрать с собой. Она оставляет лунки от ногтей, растрепывает волосы, смотрит на тела модифицированных девок, толкающихся около подземки,

облизывает губы, тут же все забывает.

Мы превратились в трехзвенную систему, нечто неразделимое. Мы мигрируем из одного конца бездушного города в другой, цепляемся к инопланетникам, падаем у блестящих дверей клубов, случайно касаясь друг друга плечами. Весь мир осыпан белым снегом дури. Сигарета проваливается в отверстие между губ Стар, касается кончика языка. Рыжеволосая женщина из Корпорации всегда обманывает, хотя сама этого не знает.

— Мне нужно немного порошка, чтобы не разговаривать с самой собой, — она смотрит в зеркало и молчит, пока молчание не начинает резать слух.

Я оттаскиваю ее от раковины, Гарри застыл, словно через мои действия ему открывается психоделическое знание. На плечах, руках и спине рыжей ветвятся узкие царапины — кожа слишком тонкая и не выдерживает прикосновения неровных ногтей, когда она, сама того не замечая, задумчиво впивается в нее пальцами или попросту почесывает спину. У нее запредельно тощее тело, его хочется сжать обеими руками, тянет выгнуть лопатки. И вот Стар снова весело, всем нам весело, но в этой веселости есть что-то от болезни. Мы оседаем в каждом баре, что попадается на пути, кажется, мы даже танцуем, прокладывая дорогу через тела, усеянные имплантами и блестящие модным железом. Входим в клубы и незаметно оказываемся на улице, этот процесс не прекращается и не дает себя осознать, пока Стар не начинает говорить. Ее будто пробивает, слова льются, выходят изо рта длинным пузырем текста.

— У каждого есть свой информационный предел. Чем больше данных оседает в памяти, тем сложнее извлечь то, что тебе необходимо. Это словно конечное количество ячеек, которые ты не можешь очищать. Люди способны лишь с удивлением следить за тем, каким мусором заполняется их память, — стоимостью тура на Делирию, Рейтингом, реакциями на нарисованное отравление, множеством ненужных аватар, бесконечными картами придуманными мной или другими психодизайнерами уровнями, строками кода, которые оседают в подсознании, гипнотическими установками, своими собственными переживаниями. Дело даже не в непрерывном потоке, а в том, что игрок постоянно переключается, он никогда не задерживает внимание на объекте дольше пары секунд.

Серфинг в Сети — это переключение между окнами, прыжки между одним куском информации и другим. Люди редко углубляются в одно, и эта привычка не останавливаться усугубилась с поколениями. Цельность, иерархическое, постепенное познание ушли в небытие, а потому человеческое

сознание просто мечется от одного маяка к другому, оставляя внутри лишь обрывки. Это касается всех, кто находится в Среде, и особенно — любителей эс-пи. Ускорители позволяют забивать ячейки в десятки раз быстрее. В какой-то момент предел превышается, что-то невосстановимое ломается внутри людей. Новые знания хранятся не больше нескольких дней, а старые становится трудно вспомнить, забываются даже простые слова. Каждый из нас когда-нибудь терял в памяти слово, никак не мог его подобрать, но в случае с превышением предела эта ситуация намного сложнее. База остается, какие-то основные знания о мире, но способность углублять эту базу теряется. Даже в ней ориентироваться бывает трудно. Это фрагментация памяти.

В этот момент ее освещает нервным светом отдаленного карнавала подсевших на синтетическую музыку. Рыжие волосы загораются.

— Шкаф с данными разламывается, полки летят в бездну, и ты уже больше не знаешь, где находится то, что тебе нужно. На какой улице ты живешь. Как пройти в другой конец города. Какая пища безопасна, а какая убьет тебя. В какой коридор Среды зайти и в какую дверь постучаться. Такие люди безвредны, у них отсутствует терпение и мотивация к каким-либо действиям. Они счастливы, если найдут кого-то, кто будет им помогать и скажет, куда направиться. Множество таких пар уже сформировалось, это добровольные соглашения, дружеская помощь или же незаметное рабовладение. Люди с фрагментацией памяти либо убивают себя, либо остаются жить с такими серьезными ограничениями, которые делают любое самосовершенствование помимо физического невозможным.

Факт в том, что скоро большинство людей Тиа-сити достигнет своего информационного предела. Что разложение внимания, дестабилизация памяти — неотъемлемая часть нашей жизни.

Потом она добавляет, что ее работа — генерировать сумасшествие, и смотрит мне прямо в глаза. Она мастурбирует взглядом, проникает во внутренности. Да, Стар действительно генерирует безумие, изливает на нас с Гарри, топит в нечеловеческой харизме, курит прямо мне в рот, шевелит острыми плечами, которые хочется сжать до хруста. Я бы сыграл ей — прямо сейчас, подключив напрямую, позволив вибрации довести ее до предела, нажав на педаль, выкрутив ручки. Это желание исторгнуть себя в миллионе децибел, пальцами разрывая сетку струн в клочья, чувствовать на коже живота тяжелый корпус электрогитары постепенно перестает в желание немедленно взорвать весь мир. Но потом мы вдруг снова оказываемся на

улице, мы куда-то бежим, мы втроем установили контакт, кажется, мы нашли что-то общее, и это настолько бредово, что я чувствую себя счастливым.

Мы заходим в мотель, валимся на кровать, спим, потом снова встаем. По логике событий мы должны отключиться на несколько дней, но дни превращаются в один, в новую форму отсчета времени, где обитаем только мы. Стар достает еще одну пачку таблеток, еще один пакетик, еще какой-нибудь алхимический компонент, чтобы поднять на ноги труп. Ее нужно вылечить от наркотиков, Среды, немного от себя самой, — вот что она мне говорит и сжимается в маленький комок. Ее настроения хаотически скачут. Рыжая настраивается на нашу волну — и сразу оживает, изменяя форму, как оборотень.

Но дело даже не в этом. Что-то щелкнуло в нас с Гарри, мы готовы не спать целыми днями, мы хватаем «вилки» и смотрим турнир Рейтинга, мы уже отыскиваем игру, которую хотим сломать, потому что Стар похожа на сверхпроводник. Майка со слоганом Корпорации становится все более грязной и мятой, но бледное лицо женщины ничуть не меняется. Рыжая раскидывается на диване и рассказывает про нанохакеров, к которым мы обязательно должны сходить, чтобы поискать в себе «пыль» и получить первую степень свободы. Она так выделяет это слово, что в ушах начинает завывать. Это вечный двигатель, зацикленный оборот пластинки абсурдного удовольствия. Мы теряем пол и становимся придатками друг друга, сливаемся, находим столько знакомых вещей, что это кажется невозможным.

— А зачем ты следила за нами? — Гарри хочет ее расколоть.

Она прикрывает глаза. Сигарета торчит как дуло.

— В Тиа-сити ничего не приходится ждать. Можно сразу получить все, что приспичило, — достаточно нажать пару кнопок и открыть дверь, чтобы принять заказ. Нет ожидания, нет тайн. Я хотела найти что-то, что непросто выбросить.

Она переворачивается на бок и становится совсем маленькой. На лице Гарри — неподдельное любопытство.

— Я видела твою работу, — говорит Стар, и я понимаю, что она обращается уже ко мне, что речь о Некро. — Думал, почему она так популярна?

— Запах разлагающейся плоти и секс, — хмыкнул Гарри. — Это модно. Грайнд поймал волну в полном объеме.

Честно говоря, я не думал. Мне некогда было думать об этой чуши, сидеть, рефлексировать, задаваться вопросами.

— Нет, — рыжая качнула головой, избавляя от напряжения. — Дело в ненависти. Он был так зол, собирая Некро из мусорной кучи, что это нельзя не почувствовать. А люди в этом

городе ненавидят себя ничуть не меньше. Они нашли чистое чувство без примеси фальши. Нечто реальное.

Стар одевается. Когда она вжимает живот, будто переламывается пополам. Мы покидаем мотель, бредем по направлению к космопорту, купив по дороге несколько пакетов с синтетическими сосисками. Нельзя сказать, чтобы мы с Гарри умели общаться с людьми: он либо обманывал, либо хохотал, посылая все к дьяволу, я — молчал или огрызался. Но с рыжей это почему-то не мешает.

Вой взлетающих кораблей и громкие объявления рейсов смешиваются в один поток, который трудно разграничить. Я вижу звуки и слышу цвета, рыжие проволочные волосы Стар и ее наркотики пускают корни в плоть. Мимо проходят два высоких авгула в летной форме, не обращая на нас никакого внимания. В Тиа-сити ничего не осталось, он многократно использован, его улицы бесплотны, его районы пусты, но даже в эту вскрытую консервную банку нам удается вдохнуть жизнь. Все вокруг нравится, во всем появляется смысл.

— В Тиа-сити уважением пользуется только один тип людей — дилеры, — замечает Стар, глядя на торгующих в тупике. — Дилеры ключей, драгдилеры. Психодилеры.

— Ты, похоже, отовариваешься у них всех, — смеется Гарри.

Тем не менее, между ними возникает симпатия, похожая на вооруженный нейтралитет.

— Если бы не дурь, я бы взорвала себе голову.

Больше она ничего не добавляет. Стар одержима желанием стереть Среду в порошок, уничтожение в ее восприятии расцветает, вырывается из пошлой оболочки человеческого тела оргастическим гейзером, а ядерный гриб приобретает статус поэзии. Она окончательно, бесповоротно рехнулась, но ее рассудительность и что-то сексуальное, магическое, испорченное и искреннее срывает нам башню. Мы совершенно друга на друга не похожи, но у всех в голове крутится одна и та же идея.

— Почему тебя так тянет разрушать?

— От созидания меня тошнит, — пожимает плечами Стар. — Я всего лишь поддерживаю равновесие — на работе создаю клетки для геймеров, а после работы что-нибудь уничтожаю.

— А как же женская психология? — посмеивается Гарри. — Тенденция создавать? Тяга к материнству?

Стар фыркает.

— Материнство — это уродливая несмешная шутка. Если мне суждено стать матерью, я хочу родить атомную бомбу.

В голове играет бас-бочка. Кажется, я хочу еще таблеток. Кажется, я люблю тебя, Стар.

Двенадцать.

Залив давно умер, как и сам город, щеголяющий гримом посаженного на электрический стул Терца Драйвера. Каждый раз, когда я смотрел на холм Тиа-сити с окраины, то вспоминал электрический венец вокруг головы Терца в тот момент, когда безвкусная лента из железных шариков, похожая на модель ДНК, заставила синтет-волынщика умереть. Терцу не хватало цвета, поэтому он покупал краски и стихийно выливал их на руки, лицо, одежду, но внутри был мертв задолго до того, как покончил собой. Урбанистический нимб отправил его к праотцам, а волынка свалилась с колен и издала хрип подыхающего удава прямо в веб-камеру. Драйвер был одним из самых известных синтет-музыкантов — хотя бы потому, что вой его жуткого инструмента заставлял волосы шевелиться, а в подгнивающем Тиа-сити все хотят, чтобы их пробрало до самого нутра.

Мы с Гарри стояли на причале на внешнем круге города и слушали, как вода бьется об опоры. Она плескала и захлебывалась собственной пеной. Порт остался поодаль, а здесь теснились стальные коробки для катеров и снастей, гаражи для юрких «стеллсов» на воздушной подушке и нелегальные склады для отгрузки контрабанды. Священник натянул капюшон так, что лица не было видно, — только огонек от сигареты, зажатой во рту; руки он держал в карманах. Увидев проплывающую мимо требуху, я почувствовал себя неуютно. Дверь, покрытая ржавыми дорожками, напоминала разделочную доску. Она была намертво закрыта, между листами змеился сварочный шов.

— Воняет, — буркнул Гарри.

Священник повернулся и пнул дверь.

— Есть дело, открывайте.

Никто не выходил. Гарри нетерпеливо ударил железным носком ботинка о преграду, по причалу разнесся грохот.

— Какого хрена надо? — поинтересовался невидимый динамик.

Гарри задрал лицо вверх, высматривая источник звука в переплетении несущих конструкций крыши. Затем он оскалился, поднял руку и показал средний палец.

— А, блудный сын. Вот уж кого не ждали. Сейчас Сатори откроет.

Звук отключился, и некоторое время мы со священником стояли, глядя друг на друга. Гарри так и не надел свалившийся капюшон; мне даже казалось, что сейчас он стесняется своей одежды. Я уже все понял, но ни удивляться, ни спрашивать не было нужды. Дверь открылась бесшумно, за ней стоял худой

мужик в рабочем халате цвета хаки, на котором расползлись грязноватые пятна. Одной рукой «хирург» придерживал дверь, а другой подкидывал скальпель. Выражение невнятных серо-зеленых глаз ни о чем не говорило.

— Мы пришли узнать о метках и «пыли», — сухо сообщил Гарри.

Мужик нахмурился, одарил тяжелым взглядом, не переставая крутить между пальцами ручку скальпеля. Под глазами негостеприимного хозяина набрякли синеватые мешки, темные волосы были коротко и неаккуратно пострижены. Впускать нас он не спешил.

— Поздоровался бы. А это кто? — кивнул он на меня. — Хотя я узнал… Тот парень из Сети. Я — Сатори, местный мясник.

Сатори скрестил руки и придержал дверь ногой. С внутренней стороны рук шла мозаика старых надрезов, от плеча — и вниз, к запястью; шрамы перекрещивались, образуя бледно-розовую решетку. На японца он похож не был.

— Добро пожаловать в наш дом. Мы называем его Бойней.

Никаких прелюдий. Помещение, похожее на ванную — кафельный пол и ряд старых раковин у стенки, несколько каталок и бесконечное количество разных пузырьков и аптечных упаковок. К металлическому стеллажу, на котором лежали прямоугольные контейнеры, прислонился съехавший пакет, до краев наполненный тряпьем и скомканными одноразовыми простынями. Серое тело на одной из каталок, плохо прикрытое таким же серым чехлом, зияло мокрым провалом на месте живота. Острый дух лекарств вышибал слезу.

«Вы ведь хотели серьезную игру, правда?»

— Где все остальные? — Гарри остановился прикурить. — Я вижу одно дерьмо.

— Я тоже его вижу, — нагло уставился на священника Сатори и опять крутанул скальпель.

Он подошел к черному прямоугольнику лестничного проема, ведущего вниз, и начал медленно погружаться, пока над полом не осталась одна голова.

— Теперь мы все делаем в бункере, — бросил он священнику. — Так удобнее.

Широкие, покрытые выпуклостями ступени громыхали жестяными листами. Один из хирургов был в маске и оперировал темнокожую женщину, его руки, обтянутые длинными, почти до локтя, перчатками, ловко перемещались над развороченным торсом клиентки. Оборудование стоило внимания — электронные скальпели, зажимы, сканеры, инъекторы, контейнеры с самоохлаждением, в которых уже темнел товар, блестящие

операционные столы, справочные терминалы, похожее на тренажер для выхода в Среду кресло, настоящее назначение которого мне было неизвестно. Вмонтированные в потолок круглые лампы высвечивали каждую мелочь. О стенках никто не думал — бункер остался таким же, как его построили. Всюду виднелись длинные койки, множество небольших раковин, столики на колесах, заваленные лекарствами и врачебными инструментами.

Холод пробирал до костей, от потока воздуха из кондиционеров щипало нос и глотку — скорее всего, антибактериальные добавки. На одном из пустых столов устроился, подложив под голову валик, похожий на проповедника бородатый тип. Он наблюдал за скачками Рейтинга, загибая пальцы, пара других охотников и хирургов во что-то играли. Инфоэкран показывал смурное лицо По, который обещал, что квест «Тьма на троих» не похож ни на что из существующего ныне. Верилось с трудом, но подведенные глаза главного гота Сети выглядели убедительно; казалось, что ему незачем обманывать, что он такой же мертвый, как и все вокруг, а потому равнодушен к деньгам от агентов Корпорации.

Сатори тем временем вытер свободную руку о штаны, уселся на разболтанный стул и начал говорить. Что-то в нем привлекало — перешедшая в новое качество, сконцентрированная равнодушная самоуверенность Гарри, — но с каждым словом, которые сухо отделяли губы хирурга, становилось понятно, что он ничуть не солгал, когда представлялся. Мне доводилось встречаться с подонками всех мастей, но бесстыжий взгляд хирурга я мог вынести с трудом. Он как будто проецировал на нас карту надрезов. Сатори не выглядел живым — двигающаяся, расчетливая, уверенная в себе и желающая получать удовольствия мумия.

— Особенность жизни в том, что любой объект в мире содержит скрытую сторону. Тебе кажется, что ты видишь его насквозь, но это не так. Человек выглядит как обтянутый кожей каркас, одушевленная красота, но внутри у всех кровь, тромбы, ткани и разная дрянь, — лицо хирурга было покрыто мелкими морщинками. — И это не значит, что на изнаночной стороне плохо. Просто там действуют другие законы, другие степени приближения. Если же говорить о вашей проблеме, то в воздухе Тиа-сити, в еде, даже в некоторых видах наркоты можно обнаружить некую неожиданную внутреннюю жизнь. «Пыль» везде. В соединении с чипами она дает возможность держать жителей внутри города. Сделано довольно изящно.

— Как от всего этого избавиться? — я помрачнел. — И что на

счет биомеханики?

— У кого ты ее видел?

— У одного человека. Так как, может у нас быть биомеханика?

— Сомневаюсь. Это прерогатива крутых шишек. Тех, кто работает в Корпорации и знает вещи, за разглашение которых можно заработать промывку мозгов. Спектр задач, выполняемых таким «жучком», значительно шире, они даже не шпионы, а статусное украшение. Их устанавливают при переходе человека на важный пост. Затраты на производство и обработку передаваемых данных выше, так что тратиться на чересчур сложные приспособления для отребья вроде вас никто не станет, — Сатори ожидал возражений, но мы промолчали.

В хирурге что-то изменилось, хотя я пока не улавливал, что именно. Новая ипостась не нравилась мне точно так же, как и предыдущая, — худощавый шрамированный панк с глазами, мутно поблескивающими, как стертые и облапанные серебряные монеты. Я попытался представить, какой могла быть роль Гарри на Бойне. Охотники за органами, насколько мне было известно, делились на две группы: хирурги, которые оперировали бедолаг, желающих кредитов взамен почки или легкого, либо ставили импланты, и собственно охотники, подыскивающие легкую жертву, чтобы совершить операцию без ее ведома. Соваться к ним без причины не стоило. Я вспомнил нож Гарри и вообразил, как он подкарауливает какого-нибудь торчка в подворотне около «Гейта». Это было не то чтобы особенно далеко от Гарри, в Тиа-сити трудно быть разборчивым, но мне было непросто поверить, что он работал со сидящим напротив мужиком. Гарри почувствовал, о чем я думаю, и раздраженно взялся за следующую сигарету.

— У кого вы видели биомеханику? — сощурился Сатори. — Ставлю сотню, что этот человек собирается использовать вас в проектах Корпорации. Гарри, ты должен был бы почувствовать подвох. Вам пора валить из Тиа-сити, к байкерам или в…

— Не думаю, что избавиться от чипов сложно. А кто может удалить «пыль»? Что это такое? — Гарри подтянул к себе свободный стул и сел, не обращая внимания на копошение сзади и азартные крики бородатого. — Мы заплатим, сколько надо.

— Это уж точно, не сомневайся. С чего ты взял, что ее можно удалить?

— Много распинаешься.

Гарри был неприятен, но не перегибал. Мне показалось, что он опасается охотника. Тот вращал скальпель, не сбиваясь ни на одном круге, одновременно продолжая размазывать по мне

неприятный взгляд.

— Ну что ж, если у вас достаточно денег, чтобы возместить ущерб… — хирург намекал на что-то, о чем я не имел не малейшего понятия. — «Пыль» есть во всем, что ты видишь, что ты ешь, ты вдыхаешь ее день за днем… А кто вам рассказал про нее? Это-то я могу узнать?

— Психодизайнер.

Что-то меня дернуло. Несмотря на многозначительное выражение лица Гарри и обмолвку про гипнокоды, я подозревал, что ему известно о методиках психодизайнеров ненамного больше, чем бродягам в порту.

— Что? — мясник поднял бровь и впервые за время нашего визита усмехнулся, показав мелкие зубы. — Вот так удача для нищих. Психодизайнер вывернет вас наизнанку, сдерет шкуру, найдет болевые точки, а потом продаст психопрофиль покупателю вроде меня, чтобы тот мог развлекаться с вашей копией.

Гарри сделал приглашающий жест, демонстрируя, что это его совершенно не задевает.

— Это же те, кто делают Среду. Те, кто делают весь бизнес Тиа-сити. Они вас просканируют, выпотрошат, построят модели и начнут тиражировать в Сети. Они не люди даже, а кусок экспериментальной губки, из которого выдавливают пасту извращений, ситуаций, сюжетов и кислотных пейзажей. Вся их жизнь — это изучение, сканирование, поиск, отсеивание, мнемоники, психоделики, инъекции, информация, от которой у них рвется голова, а потом переработка найденного под прессом крепкой, забористой наркоты. Видели монстров из «Красного исхода»? Неужели вы думаете, что все это мог создать нормальный мозг? Они в последнее время и порно для инопланетников делают, стараются для гостей с других планет. Где же вы подцепили психодизайнера, а? Чего это он стал таким добрым? Готов спорить, они сами вас нашли, хи-хи-хи…

Изменение в лице не прошло даром, Сатори вцепился в меня как клещ.

— Им всегда мало материала, мало лабораторий, мало видений под пейотом и приходов «цепочки». Им нужны люди с их личными реакциями и жизнями, чтобы экспериментировать. Им нужны эмоции, которые можно смаковать, которые позволяют им рисовать Среду. Им нужны страхи из подкорки, которые у всех индивидуальны, чтобы потом вставить их в игры. Ваше лицо, чтобы получить продукт. Ваша любовь, ненависть, из которых они ткут миры. Любая, даже самая маленькая эмоция, которую они испытывают, может быть перенесена в игру. И кто знает, зачем

этот психодизайнер рассказал вам про «пыль»? Может, собирался грохнуть без проблем, а? А ощущеньица потом передать по толстому каналу, хи-хи-хи… Эй, — хирург позвал бородача, аннулирующего свои ставки. — Тут парням нужен нанохакер. Хотят стать чистыми, как младенцы. Стремятся к интересному будущему. Ну а после — на операционный стол, чтобы выковырять чипы из черепа.

— Чем платят? — бородатый оживился.

— Кредитами Земли платят, — Сатори похлопал по столешнице. — И весьма обильно.

Бородач приподнялся, сполз на землю, встал. Недалеко от него, рядом со стеллажом, сидели два похожих друг на друга пацана-мутанта. Они таращились обслюнявленными глазами, выпивали липкими блюдцами весь воздух и тихо попискивали. Гарри не обращал на них никакого внимания, он мерно покачивался на стуле со спокойствием и естественностью, которые как раз казались неестественными. Мне захотелось выйти на воздух, чтобы избавиться от запаха крови, прилипшего к коже.

— «Пыль» удаляется мелочью моей разработки. Как только «пыль» попадает к тебе в тело, моя мелочь выпускает антидот, — бородач так и говорил — «мелочь», но неразборчиво. — Вот только хреново будет вначале, когда они сцепятся. Да и потом мутить будет нефигово, это постоянный процесс.

— Ну что, доверите мне свои драгоценные мозги?

Сатори ждал, что мы уйдем. Сукин сын был уверен в этом на все сто десять процентов.

Я кивнул и направился к лестнице, священник пошел следом. Теплый, поднимающийся от залива пар казался воздухом рая. От солнца остался один только отблеск утонувшего в воде драгоценного камня, небо покраснело, а облака расползлись розоватыми нарывами. По усталому от вечного штиля морю в порт возвращался длинный, неповоротливый танкер, на борту трепетали разноцветные флажки, подвешенные неведомым матросом. Некрасивая громада судна бесшумно двигалась к пристани.

С правой стороны было видно, как огибает залив язва Тиасити. Ветер накинулся на пересохшие губы, принося с собой вкус погибшего моря. Можно было повернуться и уйти, забыв про планы, просто сделать вид, что ничего не происходило. Гарри наконец поджег сигарету и проследил за следом от танкера.

— Пусть режет, — он сплюнул через перила.

— Ты сбежал?

— Ага, — Гарри впервые за сегодняшний день выглядел

довольным. — Сбежал. И спер у них все деньги.

— Выпить бы, — я оглянулся, но рядом не было ни одного автомата, только безликие двери и уходящая вдаль платформа причала, окаймленная хлипкими перилами. — Ты хорошо знаешь Сатори?

— Да, знаю, — священник сел на платформу, свесил ноги к воде, рассматривая проплывающий разноцветный мусор. — Два года назад он тоже здесь работал. Может пересадить тебе щуп венерианского насекомого да так, что не придерешься.

— Отличная новость.

Мы вернулись в похожую на ванную комнату. Дверь захлопнулась, охранная система неразборчиво пискнула, затем раздался тихий щелчок внутреннего замка — больше мясник ждать не собирался. Когда мы спустились вниз, охотники уже приготовили два стола, подсоединили сканеры и многолапое металлическое тело медробота, приготовили спреи и маску. Столы были оснащены зажимами для конечностей, как доски для снафф-видео.

Охотники не только продавали органы, они брались за все, связанное с «мясом», от чего отказывались официальные лаборатории и медучреждения Тиа-сити. Они поставляли тела богатым некрофилам, осуществляли незаконные сделки с инопланетниками и корпорацией, которым с теми или иными целями были нужны кровь, мозг или живые люди для проектов, на которые чиновники не могли найти добровольцев, а кроме того занимались различного рода имплантациями. Я спросил себя, почему еще не убежал, потом вспомнил про заблокированную дверь.

— Я бы предпочел, чтобы нас оперировали по очереди, — заметил бывший священник. — Чтобы контролировать процесс.

— Время слишком дорого стоит. Ложись.

Паниковать было стыдно, поэтому я разделся и взгромоздился на стол, Гарри наморщился, но противоречить не стал. Усмешка намертво приклеилась к лицу. После укола я отключился, в последний момент услышав отстраненный голос Сатори.

— Дебилы. Нет в черепе никаких чипов.

«Мне все время снятся плохие сны. Они никогда не прекращаются, даже если я принимаю снотворное». Я поерзал, пытаясь утихомирить нытливый голос, раздающийся прямо над ухом. Руки болели, сильно не хватало подушки. «К потере памяти добавляется жуткое чувство постоянной тревоги, нескончаемого отходняка, я не могу вспомнить что-то важное, потому что слова

исчезают. Их никак не выловить из дырявой паутины. Ты стараешься, стараешься, а оно ускользает». Я перевернулся, скривился, когда в боку выстрелило, а потом все-таки открыл глаза. Мир встретил лицом тощей великомученицы: «Иногда хочется, чтобы меня стерли. Тогда мне перестанет сниться, как мать падает в канализацию, как я хватаю ее за руки и вытаскиваю их наружу. Без нее». В этот момент я осознал, где я.

— Гарри?.. — я сел на неудобном столе, услышав писк мутантов, но от резкого рывка все поплыло.

Спустя пару секунд я поднял голову. Сатори стоял напротив операционного стола, широко расставив ноги, прокручивал скальпель и ждал реакции. Гарри все еще валялся в отключке, его накрыли одноразовой простыней, на которой отпечатались причудливые следы. Я заморгал, чтобы настроить изображение, покрутил головой, хрустнул шейными позвонками. Спину ломило, словно меня пытались пробурить установкой для добычи ископаемых.

— Что уставился? — я сглотнул неприятный осадок, оставшийся во рту.

— Чип сидит вплотную к позвоночнику, трудно извлекать. Мало ли, что-нибудь повредили…

— А если повредили? — я машинально пошевелил плечами, охотники заржали.

— Отдали бы тебя делирийцам. Им это подходит — инвалиды живут, кормят их личинок и не могут убежать.

«Я не пригодна ни для чего в этом мире, у меня остались только игровые рефлексы. И так с каждым произойдет, мы должны что-то изменить, пока еще есть силы. Жители Тиа-сити разделились на два класса — чистые потребители и…», — продолжала преподобная Алиса Терезия. В семнадцать лет она была одной из первых прогеймеров, сидящих на спидерах, теперь ей стукнуло пятьдесят, и лучшая из гонщиц Среды превратилась в Кассандру, предсказывавшую то, на что всем было наплевать. Сморщенное личико, покрывшееся пятнами от пристрастия к «цепочке», обвиняло меня круглыми беличьими глазами.

— Делирийцы могли бы использовать животных, например.

— Ты видел где-нибудь в этом городе животных? — хирург насмешливо оперся кулаком о блестящий стол. — А вот людей всегда полно.

«С людьми делают то же самое, что с крысами, — вторила ему Алиса Терезия. — Целые кварталы, населенные добровольно модифицировавшими себя мутантами, не способными размножаться, дискредитируют человеческую расу. Стремление к искусственному улучшению жизни привело к тому, что на Земле

практически не осталось человека, не несущего в себе замедленную бомбу химического изменения генов». Меня тошнило и от бункера, и от Алисы.

— Когда очнется Гарри?

Сатори стащил простыню, словно с памятника на открытии. С левой подмышки и до правого бедра Гарри тянулась размашисто вырезанная надпись «Трикстер». Воспаленные края ран были подхвачены нитью и грубо притянуты друг к другу, отчего торс казался непропорциональным. Будь стежки хотя бы чуть более строгими, Сатори можно было бы обвинить в мелочности, но он, похоже, просто развлекся. Рук у священника больше не было.

Меня прошиб пот. Там, где должна была лежать ладонь, расслабленные пальцы, не осталось ничего кроме тряпки. Я молча пялился на разрезы, сделанные ультратонким лезвием машины, на обрывки вен, искусно залепленные прозрачной массой биоклея, на срез кости. Гарри тихо дышал, израненная кожа у швов слегка расходилась в стороны при каждом вздохе. Сбоку, в тазике, виднелись скорченные пальцы плавающей в растворе кисти, на одном из них было надето черное кольцо священника Церкви СК.

Моя куртка лежала сбоку, в ней же остался пистолет и нож, поэтому я схватил первый попавшийся острый инструмент из лежавших в металлической посудине. Охотники напряглись, достали пушки. Бородач целил мне прямо в голову. Теперь, когда я не видел Гарри, я мог реально оценить свои шансы.

Никаких.

— Я только начал. Так что для тебя наступило время свалить, Грайнд. Понимаешь, на Бойню никто просто так не заходит, — говорил мистер таксидермист. — Это разделочный стол — место, куда нельзя просто постучаться и получить то, что ты хочешь. Слишком уж это просто было бы, а? — он ухмыльнулся, плюнул на палец и затушил только что начатую сигарету.

Внезапно я вспомнил, что такое «сатори». Это не имя. Этим словом японцы, которые крутились в «Хайвэе», называли озарение, находившее на них и окрашивавшее обычные дела в мистические тона. Хирург приглядывал за мной, подначивал взглядом из-под куцых ресниц.

— Отпусти Гарри. Я заплачу за него.

— Проваливай.

Мое слово против его слова. Выеденное медроботом тело просило только одного — немедленно развернуться, поднять ворох одежды, подняться по лестнице, пересечь коридор и выйти прочь, прижимаясь спиной к стенам портовых складов. Дела Гарри меня не касались. Он сам сделал выбор, мог бы не

возвращаться, получил по заслугам…

— Нет.

Ухмылка Сатори стянулась в точку.

— Нет так нет. Деньги можешь не предлагать — мы вычистили счет, пока ты валялся на столе.

Безотказные биомеханические мышцы боевиков швырнули плохо повинующееся тело в угол — я даже не успел воспользоваться зажатым в кулак штырем. Хирург выбирал насадки для манипуляторов медробота, потом достал ящик и начал в нем рыться; находившиеся внутри предметы лязгали, сталкиваясь. Холодное звяканье встречающихся с твердыми стенками ящика зубцов.

— Зря ты за него впрягаешься, — сказал бородач. — Гарри не из таких парней.

Охотники связали меня и мгновенно потеряли интерес. Операция их тоже не интересовала — все привыкли к работе Сатори, только мутанты завозились, подползли поближе.

— У нас с Гарри личные счеты. Деньги — это ведь не главное.

Сатори взглянул на часы — террорист, сосредоточенно ждущий последней цифры на электронном табло. Священник пошевелился, приходя в себя: оперся на локоть, задел неровную, неуклюжую пленку биоклея, отдернул руку, потом разлепил распухшие веки и просипел что-то. На щеках и лбу выступили обычно скрытые под кожей сосуды. Гарри попытался привстать, взвыл, приложившись срезом к столу, увидел обрубки. Его перекосило, он поднялся на локтях, глядя на срезы, кожа на перекроенном животе сложилась, швы слегка разошлись, и священник упал обратно. Сатори склонился на ним так низко, что казалось, будто он запустит пальцы в изорванную грудь, раздвинет ребра и нырнет, исчезнув во вспоротом теле. Он почти касался губами подбородка Гарри.

— Я собираюсь кое-что изменить в твоей конструкции, чувак, — объяснил он растянутому, словно шкура для просушки, священнику. — После этого каждый раз, когда понадобишься, будешь под рукой.

— Пошел ты.

— Может быть, позже, — хмыкнул хирург.

Я брыкался и пытался крушить все, до чего получалось дотянуться, но это было бесполезно. У охотников гигантский опыт по подавлению сопротивления жертвы, поэтому первая же инъекция из рук механизированной девицы мгновенно меня успокоила. Все, что происходило дальше, я предпочитаю не вспоминать. Ни орудующего двумя руками Сатори, растягивающего, кромсающего, перекраивающего тело Гарри, ни

болтающийся между стальными стержнями медробота хребет, ни его крики, а затем апатичную безжизненность, ни биомеханику, вставляемую под такую тонкую и беззащитную кожу, ни сокращающиеся пальцы имплантов, ни то, как я в полубреду, насквозь пропахший человеческим мясом, вез залитого пленкой биоклея, нафаршированного нанодерьмом и исколотого стимуляторами Гарри по заполненным испарениями улицам портового района. Он был похож на труп уродливого инопланетника, обтянутый полиэтиленом и нашпигованный осколками и проводами. Тележка скрипела и пружинила на неровной дороге, а мокрый пистолет выпадал из скользких пальцев.

«Вы ведь хотели серьезную игру, правда?»

Тринадцать.

Огромная ванна, в которой я лежал и слушал падение капель воды, была черной. Толстые железные края упирались в подмышки, пальцы лежали на выложенном квадратами полу. Темно-желтая лампочка придавала телу странный насыщенный оттенок. Я смотрел на бледный живот и пытался совладать с дурнотой, которая не отпускала с тех пор, как бородач сделал нам инъекции. Она дрейфовала от легкой паранойи до клаустрофобии. Он честно предупредил, что тошнота так и не пройдет, потому что «пыль» проникает в тело, его машины ее нейтрализуют, и это продолжается день за днем. Мужик тут же вручил таблетки, которые должны были убрать слабость и муторное чувство легкого наркотического похмелья, и с тех пор каждое утро начиналось с пригоршни химии. Я так и не понял, что делает «пыль», а они не объяснили, и это усиливало напряжение.

Стояла тишина, непривычная для шумных и грязных мотелей Тиа-сити, но это был не самый худший номер — без инфоэкранов, без обязательной рекламы, периодически врывающихся трансвеститов, крупных девок и продавцов паленого ллира. В основном, тут жили инопланетники, для которых были оборудованы специальные номера, и туристы с Марса и Венеры. Сначала мы не знали, что делать с огромной площадью, занятой ненужными вещами, но после недели жизни номер превратился в свинарник. Пора было съезжать.

Гарри сидел в Среде — отточенная на noname-зоне «Гейта» реакция помогала, но несмотря на это, тягаться с геймерами Среды ему пока было не по силам. Он еще не привык к

имплантам, ему следовало бы лежать и ждать заживления, даже рана на животе не закрылась до конца. Сатори сделал его «куклой». Опробовать новую марионетку хирург не спешил, поэтому пока Гарри мог делать все, что ему хотелось. Как ни странно, священник воспринял происходящее гораздо проще, чем я, — на словах возможность в любой момент потерять контроль над телом его забавляла. Сейчас Гарри находился где-то на периферии концентрических кругов, складывающих титулы и достижения, метался среди учебных матчей, захваченный продвижением по самым низам лестницы. Непривычнее всего оказались RPG-турниры и мотогонки. В играх вроде Fire Driver XTC требовалось совершенство, слияние с машиной, виртуозность, которая мало чем отличалась от маниакальной зависимости.

Уже долгое время мы не получали никаких новостей ни от Мэда, ни от Стар. Мне хотелось, чтобы она пришла, придав движению смысл. Деньги за ключи заканчивались. Еще мне хотелось играть, безумно тянуло включить гитару, зудели пальцы. Этот зуд похож на одержимость, накатывающую из-за уничтожителей «пыли». Не хватало качественного усилителя, а комп в номере оккупировал бесноватый Гарри, находящийся в том приподнятом настроении, которое легко превращается в кровожадный джихад.

В отеле жил целый комплект разнообразных фриков. В соседнем номере, например, поселился сейр со своей охраной — громада, сюрреалистическая проекция. В ранней фантастике инопланетники были антропоморфны, но у сейра нет с нами ничего общего. Видел мужчину из КЕ, несущего в клетке маленький переливающийся шар с Цинтры V. Шар излучал отчаяние и шевелил щупальцами, но я тут ничего не мог поделать — подтянутый и одетый в защитный костюм владелец был хорошо вооружен. Конвенция защищала права всех инопланетных существ, но представителей слабых рас еще с начала космической экспансии продавали на сувениры. Я вспомнил про механического зомби, ржавеющего в Трэме, и встал. Пусковой крючок падающих капель заставлял воду наползать на тело стеклистыми языками. Или мне так казалось после всей той дряни, которую мы приняли за последнее время.

Я оделся, стукнул Гарри по плечу, закинул гитару за спину и вышел из номера, предварительно рассовав имеющееся оружие по карманам. Наша известность действовала мне на нервы, а повсеместная слежка делала желание скрыться весьма непростым. Можно было оставаться на свободе лишь до тех пор, пока действительно не насолишь кому-нибудь. KIDS пока никак не

реагировали на появление Гарри в Среде, а я был уверен, что до отеля они нас дистанционно «пасли». Наверное, Стар права, и им хочется отыграться на той же территории, где они потерпели поражение. Камеры, спутники, системы слежения в каждом месте кроме, разве что, Трэма и Катакомб, — при желании можно было сопровождать путь любого. Но теперь в нас не было чипов, облегчающих поиск, и раны на спине и руках чертовски болели. Мы с Гарри купили еще несколько порций рожеклея — биоклей для изменения внешности. Я скучал по своему лицу. Когда смотришь в зеркало, а тебя встречает пластилиновая ухмылка, трудно поверить, что ты не болен.

Нужно было купить платы для аппаратной шифрации данных, а такие вещи в магазинах Корпорации не приобретешь. Все, что не подходило к официальному курсу, таинственным образом исчезало из магазинов, будь то железо или ПО, а потом штриховалось последующими рекламными кампаниями других вещей. Я прошел по коридору отеля, кивнул обслуживающему персоналу, вопросительно посмотревшему в ожидании приказов. У всех них на лбу был знак — отпечаток в виде литеры «А». После долгих разбирательств лет двадцать назад был принят закон, запрещающий делать андроидов, не отличимых от человека. Думаю, люди просто боялись признать, что создали новую расу, которая, будь у нее мотивация, давно бы превзошла создателей. Клеймом подчеркивалась разница, хотя некоторые андроиды более умны, чем иные люди.

Рабство роботов не всем нравилось, фанаты механики с Косы делали себе на лбу такое же клеймо, чтобы вызвать путаницу. Сожительство с андроидами никого не шокировало, а заказывающие роботов по подобию умерших близких не желали натыкаться на литеру каждый раз, когда пытались представить, что никто не умирал. Психологи Корпорации публиковали в Сети, что даже минимума реакций хватает для «любовных отношений», современные же человекообразные механизмы выдавали гораздо более широкий спектр. Андроиды так и не захотели править миром. Искусственный интеллект способен анализировать окружающую среду, может даже развиваться с учетом этого анализа, но он лишен людской мотивации. Конечно, были мастера-шутники, которые вставляли в своих роботов скрытые функции, активирующиеся со временем, подобный риск всегда существует.

Самым интересным из изобретателей был Карл Трийер, изобретший Гончих. Отшельник, страдающий от болезненной ненависти к человечеству, но при этом на редкость талантливый робомастер — один из последних, кто подходил к творениям с

фантазией. Изначально Гончие разрабатывались им по эскизу художника-безумца и должны были стать исполнителями его воли по уничтожению людей — гибкими, цепкими, громадными. Мегаломания вообще была болезнью Трийера. Например, его последним проектом стала Пирамида. Судя по чертежам, которые можно найти в Сети, это должна была быть здоровенная и вызывающая ужас треугольная дура, превращающая в фарш все, что попадалось ей на пути.

Пока конструктор вынашивал план, в котором желал противопоставить монстров своего производства неаккуратному человечеству, началась война с сейрами. Для закаленных в звездных завоеваниях иноплнетников победа над людьми была нетрудной. Сейры разнесли в пух и прах земной космический флот, осадили Марс, а от Земли остались лишь зараженные и выжженные воронки. Требовались все возможные резервы, все оставшееся оружие, чтобы выжить, и тут история стала свидетелем настоящего перерождения — перед лицом уничтожения человеческой расы Триейр, похоже, осознал ее ценность и направил свой талант на помощь умирающей Земле. Сконструированные им корабли и капсулы с роботами, разрушающими защиту вражеского флота, изменили ход войны, дав возможность свести позорный окончательный фол человечества к перемирию. Это открыло людям звездные магистрали, а заодно заполнило Солнечную систему инопланетниками разных мастей. Гончие же стали полицейскими машинами, подключенными к системам слежения; они мгновенно находили убийц и исполняли приговор на месте. Длинные, высокие фигуры, безотказные и зловещие. Мне хватало роликов в Сети, встречаться с Гончими я не хотел.

Трэм остался все таким же туманным, медленным и покинутым. Время здесь становилось вязким, оседало на ботинках, как влага залива. Трупы вагонов продолжали гнить в грязном молоке тумана, провалы полуразрушенных зданий поглощали представления о городе и взамен излучали иррациональный страх потеряться здесь навсегда. Я порылся в координатах, потому что найти что-либо по памяти в Трэме было невозможно. Пахло теплой ржавчиной, мокрой землей, гниющей тканью. Я не торопился, чтобы не свалиться в кое-как прикрытую рассыпающимся железом ловушку. Чувствуя себя героем доисторической игры, я доковылял до ямы с механическим зомби и услышал скрежет.

— Здорово, приятель. Сейчас я тебя вытащу.

Я отложил гитару в сторону и спрыгнул вниз. Лицо зомби, сделанное из дешевого покрытия, сгнило, каркас проржавел, в

глазных прорезях пророс мох. Пальцы, которыми он скребся о яму, были уже наполовину стерты. Я хлопнул его по управляющему блоку, вспоминая описание работы таких моделей, и попробовал голосовые команды.

— Смерть, — в ответ на мои попытки не очень уверенно произнес зомби и отключился.

Стенки оказались настолько скользкими, что я уж было стал считать свой порыв серьезной ошибкой, но все-таки выбрался и срезал по направлению к Косе, толкая перед собой робота. Старая работа, надежные крепления, хоть и не столь подвижные, как делают сейчас, но очень неуклюжий и тяжелый корпус. В прогулке было мало приятного — дырявый, как решето, зомби цеплялся за каждый выступ, поэтому из Трэма я выбрался где-то часа через два, в самом запущенном районе Косы. Надо будет сменить покрытие, управляющий блок, достать подходящий программатор. По пути попалось два обдолбавшихся геймера из ангара, решивших, что у них ретро-приход.

Почему-то я не мог бросить зомби — это все любовь к «железу», которая доминировала во мне с детства и перекрывалась только страстью к музыке. В голове накладывались друг на друга голоса, звучал гитарный ревербератор, а остатки тумана Трэма слипались в карту нужного ритма. На окраине Косы торговали самые бедные, вороватые и неприятные люди и инопланетники, которым не хватало на плату за аренду. Некоторые раскладывали свой товар на самодельных лотках, другие ютились в раскладных домах, которые продавались в маркетах под лозунгом «Легко переехать на другую планету». Робот скрежетал по асфальтовому покрытию, на меня смотрели.

В том, чтобы ходить здесь, был определенный риск, но меня это не волновало. После недель безделья в отеле хотелось нарваться на засаду. Около одного из затрапезных зданий я увидел женщину из ген-миксеров. У нее было четыре руки, в каждой из которых находился свой инструмент, а когда я подошел поближе, то заметил огрызки крыльев насекомого в прорези спецовки. Она мотнула головой, спрашивая, не хочу ли я продать металлолом.

— Если у тебя есть программатор и управляющий блок для этой модели, я бы тебе заплатил.

Каморка, в которую она меня пригласила, выглядела как сарай. Несмотря на это, ген-миксерша мне понравилась — морщинистая, пахнущая старой кожей, чем-то похожая на фермершу со старых хроник. Вид портили только руки, будто у Шивы, которые мелькали, перебирая запчасти в ящике. Ее одежда была промаслена насквозь.

Я попытался посадить зомби, но тот закостенел. Здесь, вне тумана Трэма, он выглядел вырванным из своего мира и еще более одиноким.

— Нужна обмотка по новой, а потом еще отмачивать в масле, менять суставы, мозги… Туча работы. Проще выбросить.

— Сам справлюсь. Если дашь инструменты.

Я снял гитару и стащил куртку. Здесь, в маленькой и забитой железом каморке, я чувствовал себя, как дома. Раздался рев взлетающего в космопорте корабля, и сарай затрясся. Торговка поставила передо мной несколько ящиков, села на большой блок питания для неизвестного аппарата и достала из шкафа ампулу. Как я мог разглядеть теперь, на каждой из ее рук оставались дорожки от уколов. Это могло быть что угодно — от наркотиков до стимуляторов. Она встряхнула стекло и ушла в подсобку.

Сначала надо было вынуть управляющий блок, очистить зомби от веток, травы, мха и грязи, соскрести остатки гнилой оболочки, а затем погрузить его в котел с машинным маслом, чтобы суставы восстановили подвижность. За одно масло придется отдать пару сотен. Я даже не думал, что так соскучился по работе руками, обрывая ошметки зеленоватой и покрытой искусственными язвами кожи зомби. Женщина долгое время отсутствовала, и пару раз мне казалось, что я слышу стоны, но это меня не касалось. Я знал, что эксперименты с органикой далеко не всегда заканчивались удачно.

Мозг зомби был безнадежно испорчен, поэтому пришлось искать подходящую замену, а потом разбираться в несоответствиях. Я так погрузился в изучение низкоуровневой проги движений и реакций зомби, что не заметил, как наступил вечер. Не стоило здесь оставаться. Хозяйка легко могла находиться в сговоре с фриками, которым нужны доноры, этот бизнес сейчас процветает. Я чувствовал себя ненастоящим, когда решил никуда не уходить.

— У тебя неплохо выходит, — женщина снова появилась и махнула на мокнущего в масле зомби. — Мой сын подсел на Среду, поэтому не появляется здесь.

Слово «сын» прозвучало незнакомо.

— Почти весь Тиа-сити подсел на ИС, — пожал плечами я. — Что можно им предложить взамен?

Некоторое время она молча ела суп, потом ответила:

— Знаешь, иногда я думаю, что жить в Тиа-сити действительно незачем. Когда я была молодой, то думала, что будущее в том, чтобы стать кем-то сверх человека, поэтому присоединилась к биоинженерам и ген-миксерам, участвовала в нескольких опытах. Но оказалось, что ничего такого в этом нет, —

она показала мне руки. — Жизнь такая же дерьмовая. Потом мой сын подключился и нашел себе виртуальную девчонку, которая оказалась делирийцем-психологом. Он некоторое время думал, рвал и метал, а затем взял да и стер себе память, оставив воспоминания только до встречи. Как будто ничего и не произошло. Лузерский подход, как ты думаешь? И все люди, которые сидят в Среде, — они как мой сын. Стирают свою память, чтобы не знать, что трахаются с делирийцами.

Она встала и ушла, вернувшись с надувным матрасом и одеялом. В лавке стоял дух смазки, стали, электроники, меня это успокаивало. Я ожидал крадущихся шагов, чутко прислушиваясь к звукам и крепко сжимая пистолет, но никто так и не появился. Спустя где-то час я отрубился, а когда встал, торговка уже копалась в шкафах с обшивкой для старых роботов. Некоторое время я за ней понаблюдал, потом съел таблетку и вернулся к мокнущему в баке зомби.

Почти весь день прошел в попытках реанимировать живого мертвеца. Мне хотелось адаптировать более совершенный ИИ для управления неповоротливым телом зомби, но для этого нужно было измерить задержки, понизить чувствительность и забраться в такие дебри, что у меня пухла голова. Через некоторое время старый механизм начал делать первые движения, потом мы запустили автоматическую тестировку. Не знаю, чем занимался Гарри, но меня возвращаться к нему не тянуло. Проекты завоевания Среды были так далеко, что я даже не желал о них вспоминать.

Зомби получился смышленым. Выглядел он уродливо, но при этом носил в черепной коробке урезанный по возможностям мозг промышленного робота типа «А». На улицах города такой контраст между внешностью и функционалом мог пригодиться. Мы его слегка модифицировали, добавили программы анализа и саморазвития. Насколько он будет сообразителен, можно будет разобраться позже.

— Зачем тебе робот? Он бесполезен.

Я и сам не знал. Возможно, я ощущал себя таким же анахронизмом. Оставив хозяйку, я сверился с картой и свернул направо. Легко можно представить, в какой ярости окажется священник, но еще в тот момент, когда я лежал в ванне или когда выходил из отеля, я уже знал, что визит неизбежен. Зомби топал за мной, вызывая улюлюканье торговцев, ген-проститутки свистели, обещая обслужить на славу нас обоих, если мы зайдем.

— Я ищу один кабак. Называется «Greed». Там по четвергам собирается ретро-тусовка.

— Ничего не знаю, мужик, — пожала плечами девица, в

выгодном ракурсе выпячивая грудь.

Кабак действительно не из лучших. Дом Хлама считался элитным местом, где люди вспоминали старые добрые времена, а «Greed» был местом сбора для местных отбросов. Далеко не всем поклонникам культуры былого я симпатизировал. Ненависть к Сети зачастую носила не столько прагматический и строящийся на тривиальных размышлениях, сколько религиозный характер. Множество небольших сект, еще не уничтоженных Корпорацией, называли себя приверженцами ретро-искусства, не пытающегося поработить человека, но на деле это были просто истерики, гопники или неизобретательные экстремисты. «Greed» принадлежал семейной паре Стетсов, больше всего прославившейся тем, что они превозносили групповой секс как путь к слиянию человечества, которое на последней ступени эволюции должно было превратиться в один организм. По-моему, Корпорация со своими борделями и продавцы экстази преуспели в подобной деятельности гораздо больше, но прокламации Стетсов привлекали разную гопоту из ближлежащих районов, которой не хватало денег на полноценное подключение. Мне казалось, что они должны быть достаточно тупы, чтобы не следовать высокоморальным воззрениям Кара на синтета, играющего настоящую музыку.

«Greed» гордился своим полулегальным положением, постоянно переезжал из одного сарая в другой, а потому не был отмечен на моей старой карте, хотя гордиться им было нечем. Стетсы считали себя революционерами, но их не уничтожили потому, что ничего противозаконного они не делали. Если не считать противозаконным дурной вкус.

Бар притулился между магазином терийцев и лавкой с электрическим оружием. «Greed» можно было легко опознать по нескольким заросшим парням в клетчатых рубашках и некрасивой толстухе, дующей в деревянную свирель. Я сильно выделялся на их фоне — черная кожа куртки, короткие волосы, агрессивные ботинки, футляр гитары, словно какая-то ракетная установка. Но самое главное — блеск разъемов у уха и дальше по периметру. Хроника проб и ошибок. Метка. Робот следовал за мной шаг в шаг, еле слышно жужжа.

В этот раз я не собирался позволить себя вышвырнуть. Наверное, это чувствовалось, поэтому они пропустили меня внутрь, где за деревянными столиками развалилось несколько бритых. Остальные посетители — женщины в платьях из хлопка и шерстяных вязаных кофтах, вертлявые юнцы и убирающие ударную установку музыканты — выглядели невзрачно, теряясь внутри бара. На первый взгляд все они были чистыми — никаких

следов имплантов или подключений. Группу на пятачке сцены я знал. Далеко не такие талантливые, как «Джирз», парни с девицей на подпевках. Миролюбивая музыка легко могла быть фоном, она звучала слащаво, тогда так «Джирз» подчиняли себе, врываясь в самое нутро, чтобы перевернуть там все, переколотить стекла и зеркала.

— Не убирайте аппаратуру, — сказал я.

— Ты что за хрен? — черноволосый гитарист оперся на чехол с гитарой и уставился на зомби. — Старьевщик?

Дырки по периметру черепа горели. Я чувствовал их взгляды, но не думаю, что в такой дыре остались действительно опасные люди.

— Нет, — я достал гитару из чехла.

Черноволосый присвистнул.

— Что у синтета вроде тебя делает такая гитара? — девчонка откинула волосы назад и подошла поближе. — Это же Gibson! Черная. Прекрасная вещь.

— Не ваше дело, — я воткнул провод в усилитель.

Ударник расставил барабаны и прищурился, понимая без слов. Ему вряд ли стукнуло больше шестнадцати.

Пальцы извлекли из струн раздраженный звук. Я некоторое время привыкал к тому, как он исчезает в плотном воздухе. Струна за струной, уверенные вибратто, которые склеивали разные ощущения в одно — тревожное и сулящее одни неприятности. Подушечки впились в стальные волокна, а потом помчались по лестнице грифа. Их примочка оказалась гораздо лучше моей, и с каждым аккордом у меня сносило крышу. В электрогитаре скрывается столько ненормальной энергии, что трудно представить эту мощь принадлежащей одному человеку. Диссонансы жалили. Музыка впивалась в расплывшиеся пятна людских лиц. Левая рука металась вверх и вниз, правая дымилась, обдирая струны металлом медиатора.

Странно, но внутри с каждым движением воцарялось спокойствие. Как будто что-то отмирало и рассыпалось, как гнилое дерево. Ударник неистово колотил по хэту, поймав ритм, и я превратился в одержимого, — в одержимого звуком, гитарным воплем, вскриками, гудением примочки, покорностью грифа, но неприемлемо рассудочно. Я рвал пальцы до крови, провозглашая враждебную доктрину. Война — вот что было в каждом аккорде.

Когда я закончил, черноволосый даже не успел меня возненавидеть. Ударник опустил палочки и сорвал майку, предлагая сыграть еще. Я вспомнил о Стар и подумал, что она смогла бы оценить эту вещь, потом вырвал провод из разъема дисторшна и начал укладывать гитару в футляр.

— Кто ты такой? — черноволосый протянул руку. — Ты настоящий мастер, синтет. Чертовски технично.

— Еще давай! — бритые завелись. — Земля для землян!

— Я хочу поговорить со Стетсами.

Ремень лег на плечо, и я сжал его руку в своей, хотя у меня не было ни малейшего желания знакомиться с людьми, играющими такую дрянь, как они. Срабатывал внутренний фильтр. Не думал, что я столь разборчив.

— Как тебя зовут? — не отставал гитарист. — Стетсов не особенно интересует музыка, они будут только вечером.

Хотелось соврать что-нибудь подходящее, но обстановка серьезно действовала мне на нервы. Иногда просто не можешь заставить себя солгать, как ни стараешься.

— Меня зовут Грайнд.

Я зашагал к выходу и ушел из «Greed», закрыв за собой нечто большее, чем просто дверь занюханного кабака. Если для того, чтобы играть мою музыку, нужно уничтожить существующий порядок, теперь я был готов сделать это.

Четырнадцать.

В Тиа-сити стояла чудовищная жара. Мутное око залива подернулось пленкой, туман висел повсюду, заполняя город испариной умирающего от лихорадки. Ветер сник, не в силах пробиться через горячие облака. Небо плавилось, стекая на шпили корпоративных зданий. Здания накалились, словно противни. Вены взбухали, тела превращались в тряпку. Мы с Гарри чувствовали себя паренными личинками, поэтому сидели в номере, ругая систему охлаждения отеля и играя в игры, где миры были более приспособлены для проживания людей.

Я бродил по улицам воссозданного Нью-Йорка 1970-х, посетив несколько рок-клубов, детально нарисованных дизайнерами, и послушав выступление «The Ramones». Я очень мало знал о музыке того времени, но она тянула меня инстинктивно, вне контроля разума, щекотала тембром, слова песен выглядели свежими, а декаданс в них противоречиво сплетался с настоящей жаждой жизни. Уровень был дипломной работой неизвестного психодизайнера и являлся частью многоярусной системы исторических и архитектурных иллюзий. Большинство из них — недостроенные дилетантские попытки что-то смоделировать, и Нью-Йорк на их фоне смотрелся завершенной системой.

Сначала приключение было средством избавиться от прелых запахов и неполноценного воздуха Тиа-сити, рисующего в мозгу картину заполненного трупами залива, — тело могло выносить эту вонь только в наркотическом беспамятстве. Но чем дальше, тем сильнее я углублялся в тщательно восстановленный город. Он был мне неведом и незнаком, но я быстро привыкал к каждому закоулку, дышал его ветром, сидел под его мостами, слушал грохот ползущих вдаль локомотивов. Очарование ретро полностью захватило меня. Ни одного фрика КЕ, тысячи людей на улицах, ни одного инопланетника или инфоэкрана, бумажная реклама, которую можно сорвать, никакого вирта, глянец отелей, разнородные потоки стремящихся куда-то жителей, живущие в картонках с надписями бомжи на окраинах, негритянские районы. Я хотел услышать доносящийся из приемников «Smells like teen spirit», я искал его, словно подружку.

Информация о том, сколько людей здесь настоящие визитеры, а сколько — ИИ, мне была недоступна, хотя логика подсказывала, что подобные вещи вряд ли интересуют многих. Я испытывал их, но обитатели виртуального города реагировали

так, что мне редко удавалось уличить их в симуляции. В Тиа-сити это вообще непросто, учитывая, какие придурки здесь живут. Я рылся в титрах, желая обнаружить координаты разработчиков, сконструировавших такую точную подмену реальности, но в них стояли ничего не значащие и никуда не ведущие имена. Тяга к уничтожению гасла, заменялась хрупкой любовью к вирту, легко побеждающему жизнь в мусорном ведре Тиа-сити. Нью-Йорк заражал каким-то детским интересом, сотни дорог разбегались в разные стороны, саксофонист играл на углу, негры-дилеры пытались всучить допотопный порошок. Я простаивал у витрин с электрогитарами часами, хотя далеко не все из них казались мне скрупулезно исполненными. Можно было устроиться поиграть в каком-нибудь клубе на подхвате, но я сдержался из боязни слишком привыкнуть к этому месту.

Священник в это время экспериментировал с эс-пи — он упрямо пытался найти подходящую для него дозировку. Гарри был уверен, что существует комбинация стимуляторов, которая позволит свести на нет побочные эффекты эс-пи. Он тратил остатки наших денег на то, чтобы испробовать разные рецепты. Иногда проще было пообщаться с механическим зомби, потому что постоянный допинг Гарри так ускорял его мысли, что, будучи изложенными, мне они казались отрывистым бредом, лишенным всякого смысла. Бывший священник в эти моменты превращался в гиперактивного шайтана.

Он считал, что следующим шагом, который поможет нам продолжить завоевание сетевой славы, являются знания женщины-психодизайнера. Гарри допускал, что ее появление носит корыстный характер, по привычке не доверяя ни на грош, и проворачивал в голове комбинации по использованию статуса Стар. Возможная двуличность женщины его не только не настораживала, но даже являлась дополнительным стимулом сыграть партию с кукловодом и прикрепить к тому свои ниточки. Данные по обучению психодизайнеров, которые мы нашли, были скудны, в большинстве своем упираясь в платные хранилища, где за каждое слово объяснения нужно было платить в геометрической прогрессии. Стоило прочесть несколько несущих смысл предложений, как настойчивое окошко требовало денег. Гениальная выдумка, уничтожающая любопытство на корню.

Я поискал в титрах к заставке «Тьмы на троих», чтобы выяснить полный список ее работ, но ничего не обнаружил. Психодизайнеры были даже не профессионалами, а представителями закрытой секты. Они высоко ценились, им позволяли очень многое — вещи на грани фола. Чтобы пережить что-то, получить новый опыт, психодизайнеры могли ввязываться

в любые переделки, иначе линии поведения героев будут страдать неестественностью. Курс подготовки, судя по скудным данным, включал в себя как обучение психологическому сканированию и тренировку памяти, так и более неординарные курсы, которые мне казались больше похожими на пытки. Гибрид брухо, наркомана, историка, художника и палача. Однажды я проснулся и почувствовал ее запах.

Стар сидела в углу, из маленькой головы торчало около десятка тонких щупов, напоминающих иглы. Полные болотной воды глаза видели несколько измерений сразу, зрачки пульсировали. Ее руки были покрыты старыми порезами, которые приобрели синеватый оттенок. Рыжая ткнула в меня тонкими пальцами, как пучком китайских палочек. Нечеловечески, но добродушно.

— Здравствуй, Грайнд.

Вкрадчивая хрипотца, сначала рождающаяся внутри глотки, чтобы превратиться затем в ультимативное, низко вибрирующее слово.

— Что с тобой? — я махнул рукой на иглы.

— Рисую.

— Нас?

— Надо ведь как-то оправдывать то, что я нахожусь здесь, — она встала и начала ходить около окна, водя рукой по казенным портьерам. — К тому же священник стоит внимания. Механический Анубис, обманутый Локи, жертва предопределения, трикстер, вернувшийся из загробного мира. Рисовать его — словно скользить по простыне.

— Покажи, — проглотил комплимент Гарри. — Хочу знать, как ты это делаешь.

— Как скажешь, — отсутствующе улыбнулись губы Стар.

Неприличный голос, он как будто натягивал между нами лохматые веревки. Я был заинтригован. Рыжая осмотрела станцию, извлекла из кармана разношенных джинсов переходник, подключилась и закрыла глаза. Ее лицо превратилось в полиэтиленовую пленку, на которой можно выложить любое выражение, любую фигуру, глаза уставились в стену, меняя выражение. Стар стала пьесой, сценой и актерами одновременно, это выглядело гораздо хуже, чем сумасшествие. Но я бы соврал, если бы сказал, что меня не интересовало то, что находится внутри надменной головы Стар.

Она вырвала провод из гнезда, кинула его на пол, села рядом. Короткие, нелогичные движения.

— Заходишь в любой редактор уровней Среды — и запускаешь.

Гарри открыл файл, включил «вилку», одним махом нацепил очки и нажал кнопку, запускающую процесс. Священник оцепенел, это продолжалось минут пять, потом его пальцы заметались по панели, пытаясь нащупать выход, они дергались, впиваясь в кнопки. Спустя миг Гарри сорвал очки.

— Ну и дрянь!

Стар хихикала, держась за пятки. Иглы в ее голове покачивались.

— Довольно страшно, — священник легко взял себя в руки. — Только я не понял, при чем тут мы.

— Для обычных дизайнеров требуется план. Они похожи на архитекторов. Рисуют основу, потом прогибают ее под сюжет. Заполняют моделями. У меня все получается иначе. Если я в настроении, то просто разворачиваю целостное полотно, вырываю кусок из чужого мира и пришиваю его к ИС с помощью аппаратуры. Всевозможные Вселенные сосуществуют в мозгу, он переполнен и рвется. Я как бы живу за всех сразу — и за героя, и за антураж, и за чудовищ. Я прохожу сквозь стены.

— Я ничего не понял.

— Психодизайнеры — это режиссеры-паразиты. Они просеивают и используют, а люди и наркотики служат катализаторами. Так?

— Нельзя никого «использовать», потому что творчество, какое бы оно ни было, берется из глубин эго. Грайнд, ты сочиняешь музыку и наверняка знаешь, как это происходит. Какая-нибудь глупая чернокожая девка, стоящая на длинных ногах, поеденных язвами, может двинуть плечом — и появляется блюз, где ее называют вымышленным именем. Какое она имеет отношение к блюзу? По-моему, никакого. Но без нее ничего бы не получилось.

Из станции доносились странные поскрипывания, еле различимое кряканье, похожее на звук от трения кусков сильно сдавливаемой мокрой резины, искаженные голоса, далекие удары по железу. Стар встала и дотронулась до локтя Гарри, скользнула ниже, обхватила темную кисть. Он не сопротивлялся, наблюдая, как пальцы рыжей ощупывают стык плоти и протеза.

— Впечатляет. Мне жаль, что так получилось, но тот, кто это с тобой сделал, как следует постарался.

— Я набит его стараниями до отказа, — священник убрал руку. — Кстати, у нас закончились деньги.

Стар изменилась в лице.

— Что это за мусор?

Ее белый тонкий палец указывал точно на «вилку» священника, лежавшую у него на коленях.

— Ты все пропустил.

Пока мы соображали, что ей так не понравилось, женщина из Корпорации обратилась в службу доставки при отеле и заказала несколько новых моделей «вилки». Я ощущал, как утекаю внутрь воронки жутких глазищ, словно кто-то разжижает мое тело. Стар рисовала, сжимая реальность, как материал, ее зрачки при этой спекуляции даже не дрогнули, проедая во мне дыры. Как сгорающая бумага. Гарри принял немного эс-пи в порошке и сморщился от жжения в носу.

Когда андроид принес заказ, мы были готовы на что угодно. Это тот самый случай, когда понимаешь, что зря согласился, но отказаться — означает струсить перед остальными. Холодный разъем плотно вошел в сделанную очень давно дыру, под кожей защипало, хотелось чесать пространство под шкурой. Я сжал голову — в нос хлынул сильный запах хлора, — а потом отъехал. Запахи сменяли друг друга, я слышал тихие призвуки, виски сдавило. Я попытался подумать о том, как реализован подобный эффект, сосредоточиться на физических принципах, натянул очки, собираясь попробовать сделать что-нибудь привычное, но тут Стар запустила свой ролик, не дав даже настроиться до конца.

«Нечто».

Я ничего не видел. От повторяющего шепота, который подстерегал с разных сторон, неприятно свело желудок. Шелест был слишком слышным и агрессивным, очень отчетливым, но при этом удручающе бессмысленным. Хотелось прижать руки к животу и уменьшиться, чтобы звуковые волны не достигали кожи. Шепот заглушили резкие, похожие на лопасти, режущие барабанную перепонку, звуки. Они меняли громкость, за счет этого обретая характеристики плотности, и прикасались к обнаженному телу. В тот момент, когда не оставалось сил продолжать и хотелось избавиться от «вилки», я остался наедине с чужим голосом, от которого по шкуре бежали мурашки. Он мог возникнуть только у существа, которое ради слова выворачивалось наизнанку. Потом оно исчезло, тьма посерела, и я рванул вперед, избегая темноты, словно неприятной ткани.

Рассеянные лучи пачкали руки, окрашивая их в цвет старого бетона, я ускорял шаг. По стенам бежали тонкие трещины, они шуршали, создавая на мертвенных стенах рельеф. Я повращал головой, ожидая увидеть какие-нибудь элементы управления, но ничего подобного не обнаружил. Запах был очень силен — мокрый, но холодный, с каким-то мускусным привкусом. Внезапно я понял, что этот привкус — мой пот. Я вспотел, как последняя скотина. Трещины на стене начали иссякать, уползая вперед намного быстрее, чем мог двигаться я. Они от чего-то

убегали.

«Нечто».

Я вздрогнул. Объективно бояться было нечего, но я боялся, это раздвоение личности создавало эффект, похожий на укачивание. Стар не просто рисовала виды, она заряжала готовые ответы. Я провел руками по одежде, пытаясь отыскать оружие, и обнаружил крупный нож. Большой стальной нож с зазубренным лезвием отражал слабый свет коридора. В нем не было нарочитой идеальности уровней, к которым я привык. Там все носило на себе следы стилизации, когда подчеркнутое совершенство выдавалось за шик. Этот же нож с любой точки зрения был настоящим. Он издавал звук, когда я метнул его в пол, он взрезал землю и тупился о стены, нагревался от руки, запотевал от дыхания. Мне не удавалось обнаружить в нем изъян, и я сделал порез на руке, не особо заботясь об его глубине. Ладонь отозвалась резкой болью, кожа треснула — и раскрылась кровавым ртом, из которого потекла алая жидкость. И в этот момент я оторопел, потеряв грань между ложью и правдой, представив, что со мной могут сделать твари, чьи голоса я слышал еще недавно. Ведь я все почувствую, словно наяву, а тогда какая разница между синтетикой и Тиа-сити, верно? Время сгустилось, сквозь него пролетела капля крови, жирно шлепнувшись о землю. Я услышал шарканье множества ног, шорох влекущихся тел, уродство которых мне не хватало фантазии представить…

Выход был очень неприятным, но исключительно потому, что такая быстрая смена планов плохо укладывалась в голове. Словно после приема веществ, когда прочные и толстые стены начинают просвечивать и пропускать внутрь обитателей изнанки. Я не чувствовал облегчения, потому что подозревал, что окружающая меня сейчас оболочка тоже легко может прогнуться.

— Что ты видел? — я даже не сразу понял, что это Гарри.

— Почему я не мог выйти?

— Это не было запланировано, — пожала плечами Стар. — С нормальной «вилкой» этой возможностью руководит сценарий игры, а я написала выход после появления монстров.

— То есть теоретически я мог встретиться с ними…

— Они бы тебя высосали, — бесхитростно кивнула она.

Всего за пять минут рыжая набросала этот ролик, и мы с Гарри вполне могли в нем застрять. Не слишком изобретательный, однако убедительный бэд-трип. Стоило бы спустить ее с лестницы, но священника обуревали честолюбивые планы по захвату Среды.

— Что еще ты можешь? — Гарри накинул что-то и развалился

в кресле, закинув ногу на ногу.

— Все.

Рыжая застенчиво улыбнулась. Священник спросил про «петлю», Стар ответила, что могла бы быстро нарисовать такую, но проще зайти на «Утро Сэма», если хочется попробовать. «Петля» — это многоуровневое пробуждение, каждый последующий уровень которого является всего лишь ступенью к еще одному. Самый простой пример — когда просыпаешься, чувствуешь облегчение, потом понимаешь, что это тоже всего лишь сон, просыпаешься, а там… Экстремальное развлечение для дикарей вроде бывшего священника.

— Ты обдолбана, — Гарри запустил в нее комком одежды.

— Революция неотделима от наркотиков. Изменение внешней среды меняет образ жизни лишь незначительно, основная революция должна произойти в сознании. Грубо говоря, любая идея — это заражение. Вещества запрещали не потому, что они приносили вред организму, а потому, что управлять человеком, погрузившимся в себя, невозможно, — Стар забавлялась.

Футболка висела на ней, как на вешалке, но когда она изгибалась и опиралась головой о руку, это выглядело грациозно.

— Чепуха. Женские софизмы. Наркотики давно легализовали, потому что они приносят деньги, — дразнил ее Гарри.

— Ничего из того, что может вызвать фатальные последствия, так и не разрешили. А спидеры имеют в качестве побочного эффекта не только сужение сосудов, но и повышенную внушаемость. Чувствительность к скрытым рекламным слоям в играх.

— А что ты скажешь о «братьях»? Они дохнут на улицах Тиа-сити. Это модно.

Некоторое время они занимались словесным фехтованием, а затем рыжая рассказала про наркотические войны. История вполне могла быть выдумкой, но звучала достаточно неправдоподобно, чтобы оказаться реальной.

Наркотические войны — противостояние последователей Дока С. Мейерса и представителей Корпорации. В тот момент, когда Среда только начала завоевывать свои позиции, для многих было непонятно, почему они должны тратить огромные суммы денег на оборудование, позволяющее подменять жизнь. Корпорация упирала на то, что это самый безобидный и красивый способ достичь мечты, самое удачное развлечение для всех, возможность дать любому то, что он желает. Многие попробовали Среду, но одновременно многие осознали и то, во что сулят вылиться ежемесячные обновления, железо и ключи для доступа, так что у Корпорации появились враги. Однако никто из

недовольных не мог предложить ничего взамен. Не было концепции, которая могла бы удовлетворить желающего забыть об убожестве окружающего лучше, чем Среда. Тогда на сцене появился Док, заявивший, что попадать в иную реальность можно гораздо проще и, что самое главное, на порядки дешевле.

После войны контроль над оборотом наркотиков отсутствовал. До этого просто никому не было дела, а потому альтернатива, предложенная Мейерсом, многих заинтересовала. Именно он стал популяризатором фенэтиламинов, мескалина, ЛСД и других подобных средств для расширения сознания. Зачем покупать станцию, очки, еще какую-то чушь, если улететь можно, вынюхав дорожку порошка? Эта логика красивого минимализма быстро нашла своих приверженцев. После войны моральный контроль ослаб, да и обществом эту разнородную кучку выживших можно было назвать с трудом. Мейерс приложил все силы своего убеждения, чтобы доказать, что психоделики не наносят вреда телу, хоть и требуют разумного использования, а потому являются идеальным вариантом отдыха и духовного просветления. Он создал свой вариант религии, которая давала возможность приблизиться к богам с помощью химической стимуляции.

Сила его убеждения была так велика, что в Тиа-сити сформировалась крупная группа последователей Дока. Они открыто игнорировали новинки Корпорации, контролирующей город, и вели пропаганду против участия в играх, выставляя их полной бессмыслицей. Это продолжалось слишком долго, и спустя некоторое время Док С. Мейерс таинственно исчез. Лишившись предводителя и идеолога, тысячи наркоманов полностью потеряли над собой контроль, и психоделическое сопротивление погибло. Некоторые старики, высохшие и жилистые джанки в трущобах, все еще помнили Дока С. Мейерса, но это исключения из правила. Корпорация перестала отрицать наркотики, искусно передвигая полюса, и в конце концов просто совместила их. Допинг стал восприниматься как добавка к электронным приключениям.

Стар широко раскрыла полные зеленоватой воды глаза, засунула в рот сигарету, прикурила и проследила за отлетающим дымом.

— Слышали про «Тьму на троих»? В ней есть дыры.

Священник встрепенулся. Посещение уголка, нарисованного подсознанием рыжей, его ничуть не расслабило, а скорее даже завело. Ему хотелось совершить еще что-нибудь двусмысленное, громкое и заметное.

— Плохо то, что они находятся на разных уровнях. Если мы

используем одну, то ничего непоправимого не случится. Максимум замедлится скорость обработки, — она наморщила бледный лоб. — Но если задействовать их все одновременно, игра попросту упадет. Настоящий краш Среды. Я никогда такого не видела.

Муравьино-рыжие пряди торчали в разные стороны, не зная о расческе ровным счетом ничего. Стар искушала нас, как меня совращал ретро-Нью-Йорк, а Гарри — желтизна эс-пи. Она опять ощущала запах пороха, флюиды атомного взрыва, и это ей шло.

— Я уже переслала документ с полным описанием огрехов, которые еще не успели исправить. Только нужно действовать быстрее… Я могу помочь, рассказав про сущность «Тьмы на троих», ведь это моя игра.

Первое, что пришло мне на ум, — это догадки Мэда про Ре. Город геометрических фигур Геймана мог служить тем инструментом, который давал возможность перемещаться в разные точки уровней Среды. Уверен, что Гарри думал о том же, задумчиво мусоля сигарету. Мы застряли на краю, не в состоянии довериться рыжей и выйти на хайвэй, чтобы понестись прямиком по дороге в ад. Полнота ответа содержалась в том, что не имело смысла прятаться и отрицать шанс прокрутить мир на члене, чтобы продержаться в могиле Тиа-сити чуть дольше, а потому было неважно, предатель она или нет, искренне хочет взорвать планету или просто притворяется, чтобы нарисовать игру про анархистов-самоубийц; ответ в любом случае оставался одинаковым — да, да, да, детка.

— Мы попросим о помощи Мэда, — сказал я, прекратив молчание.

Стар поняла, о ком идет речь; в глазах плескалась самоуверенность, смешанная с чувственностью. Она отзывается на каждый намек, нанизывается на него, как высохшая бабочка с иглой в груди.

— Вы когда-нибудь видели его?

— Нет, — покачал головой Гарри. — Мэд никому не показывается.

Рыжая дернула прядь волос. Некоторое время она задумчиво ерошила нечесаную гриву, потом засунула между детских губ еще одну сигарету, подняла ресницы, встретившись со мной взглядом, и сказала:

— Ты чертовски хорош, Грайнд. Это невыносимо.

Пятнадцать.

За следующие несколько недель я понял, что абсолютно ничего не знал о Среде. Несовершенство техники, использовавшейся в трущобах, искажало и упрощало реальное положение дел. Среда не была пародией на жизнь, она-то как раз и являлась настоящей жизнью. Переключение между игровыми площадками так сильно изменяло сознание, что понятие «реальности» растворялось. Все было одинаково натуральным, и от быстрой и грубой смены планов ехала крыша. Я не мог выйти из Среды и вернуться — возвращение в комнату со станциями стало еще одним уровнем, просто более простым и скучным, чем остальные. Грезы наяву не давали заснуть, меня мучила хроническая бессонница. Встать или сесть, — все равно, когда окружающее складывается из нарисованных текстур, извивов плотных кодов. Бессмысленно держать в голове факт того, что твари из сумерек — цифры, ведь они могут уничтожить тебя точно так же, как кто-нибудь из Тиа-сити. Среда бесповоротно сдвигала точку восприятия. Она превзошла стадию управляемых микросхем, являлась концентрированным электронным экстрактом.

Я копался во внутренностях «Тьмы на троих», получая удовольствие от страха, накатывающего тогда, когда бежать становилось некуда. Когда в жизни не происходит ничего осмысленного, есть свой юмор в том, чтобы предаться дикому ужасу, продирающему как электрический удар. Хорроры давно стали любимым развлечением офисного планктона, отводящего душу в неестественном мраке. И я, и Гарри подсели на порции напряжения, от которого на позвоночнике вставали дыбом волосы. «Тьма на троих» не требовала быстрой реакции, в ней отсутствовал привычный для турнирных игр боевой азарт, но популярность новой вещи среди геймеров зашкаливала. Всех тянуло временно сменить кровавую баню на зараженное вирусом обаяние игрушки для психодизайнеров. Рецензенты и рекламщики исходили на нет, изощряясь в сравнениях, выкапывая из архивов названия старых хитов. Периодически игра подключала эмоциональный фон какой-нибудь случайной группы, заставляя оказываться в чужих тупиках и окончательно терять ориентиры. Инъекции, растворяющийся в венах яд образов, сминающая сопротивление музыка, — слои подчинялись нечеловеческой логике, экспериментирующей с визуальной стороной игры так же просто, как и с ощущениями. У движения проявлялась дополнительная глубина, смутные предчувствия, часто этих разветвлений оказывалось слишком много, и органы чувств смешивали свои данные.

Суть «Тьмы на троих» заключалась в том, что команда из трех

человек должна была найти выход из лабиринта, состоящего из пространства и смещений времени. Задерживаться в одном месте запрещалось — стоило замешкаться, как мир истончался, пропуская внутрь зло. Постоянная угроза нагнетала обстановку даже тогда, когда времени, вроде бы, хватало. Иногда нужно было одновременно жить в разных сюжетах, переключение между которыми осуществлялось по закону электронного трипа. Самое неприятная и основополагающая деталь игры — это изменение членов команды по мере продвижения, за счет чего они исполняли придуманную для них роль и служили дополнительным источником страха. Я не знал, как рыжей удалось сделать настолько противоестественную вещь. «Тьма на троих» демонстрировала все цвета смерти, но почему-то тянуло вернуться, чтобы опять пережить миг, когда сосуды сужаются до размеров точки, а голова расслаивается под черной радугой.

Мэд присутствовал рядом, просеивая наш путь в режиме код-хантера. С тех пор, как мы начали, джокер не произнес ни слова, он существовал на периферии зрения и отыскивал узловые координаты, способные связать Ре и Среду. Мэд отлично владел собой, проходил сквозь психологические ловушки, словно призрак. Вероятно, сказывался его опыт в играх или обыкновенная сдержанность, но чем дальше, тем медленнее мы двигались. Советы Стар не помогали, «вилка» заполняла голову расплавленной медью. Но стоило выдрать из затылка контакты, как штиль гостиничного номера и застывшая фигура Гарри, зависшего над засыпанным желтыми кристаллами столом, тянула немедленно погрузиться обратно.

Ни я, ни священник не обладали знаниями для того, чтобы «Тьма на троих» прогнулась и рассыпалась на цифры. Не знаю, что двигало Мэдом, когда он опять решил нам помочь, — скорее всего, интерес перед задачей, с которой он прежде не встречался. Использование геометрических ходулей Ре не давало ему покоя. Он поделился с нами частью выкладок и гипотез, но я не понял и половины из того, что объяснял джокер. Наше объединение показалось весьма разумным: я разбирался в железе, электронике и аппаратной защите, Гарри генерировал идеи, Стар находила уязвимости и рассказывала о продуктах корпорации то, чего мы не знали, а Мэд реализовывал самую сложную часть плана. Меня больше интересовали возможности новой «вилки», ее принцип действия был слишком тонок, она вызывала у меня недоверие.

«Джокер не может найти вход из Ре», — Гарри повернулся, вокруг его глаз темнели воронки.

Эротичность обнаженных контактов, неизолированные провода, маленькие печатки микросхем, которые можно

вдавливать в кожу, пузырящуюся расплавленной пластмассой, — я как будто проникал в сущность того, что скрывается под движениями Среды. Запах электричества, мерцающие связи между объектами, эхо искаженных звуков, пропущенных через фильтр, измененные частоты, забитые тупыми штырями точно под подбородок, где мягко шевелится кожа. Каждый объект невероятен, за каждым ощущением стоит принудительное возбуждение нейронов. Сексуальность Среды столь же неопровержима, как краш мозговых тканей под влиянием нч-инъектора. Без чувства сопричастности к ней невозможно существовать; ты всегда должен быть подключен, чтобы ощущать, как циркулируют жизненные токи, как перемещаются пучки чужой информации. Сводящий скулы ужас чередуется с невыносимой красотой, все это лишь пики оргастического погружения внутрь чьего-то мозга, подчиняющего своей воле.

«Тебе придется остаться здесь, чтобы активировать „дыру“. Если продержишься пятнадцать минут, я доберусь до следующей», — Гарри помчался вперед, оставляя за собой тонкую тень.

Плоская черная картинка отделилась от траектории движения священника, скрывшегося между пепельных стен, и окоченела. Она как будто отвалилась от него, осталась без хозяина и теперь торчала среди травы. Тень была острой, без ширины, и когда разворачивалась, то терялась в воздухе, чтобы потом возникнуть из неразличимой линии толщиной в один атом. Ее вращение становилось более осмысленным, как будто у тени появлялись желания. Ассоциации накатывали постепенно, приводя за собой страх, увеличивающийся в геометрической прогрессии. Молчаливая дуэль внимания между мной и тенью взбивала воздух, и вскоре он поплыл, начал покрываться рябью. Я ощущал, как прозрачные отростки тронутого порчей пространства тянутся ко мне, прилипают к коже застывшими и разбухшими клейкими нитями, а потом начинают увлекать к себе, растягивая прорезиненное лицо. Я даже знал, что тень смотрит на меня, хотя у нее нет глаз.

Стар хорошо подготовила нас к тому, что можно встретить в коридорах «Тьмы на троих», но этого все-таки оказалось недостаточно. Основной каркас изменили, дополнили, а психологические эффекты, за которые рыжую ценили в Корпорации, отбирали контроль над действиями. Игра была непредсказуема.

«У меня не получается активировать порталы Ре. Надо продумать другой вариант. Выходим», — это Мэд, но я не мог ему ответить, потому что мышцы парализовало.

Они растягивались слизкой сетью вслед за устремившимся в сторону тени воздухом, провисая тяжелыми дугами волокон. Рябь пространства начала звучать, как мог бы сердито громыхать падающий гравий. Оглушительное шипение сморщивало пространство еще сильнее, я закипел, раздражение кожи передавалось всему телу, заставляло руки судорожно подергиваться. Вибрация тени вступала в конфликт с внутренним ритмом, одна ткань вздыбливалась навстречу другой, и было очевидно, что скоро моя оболочка просто порвется.

Я не видел никаких препятствий к тому, чтобы погибнуть от искусственных пыток, — в трущобах такое случалось из-за плохой регулировки оборудования, а здесь — от его нечеловеческой идеальности. Однако я не мог воспринимать наши приключения всерьез — все происходило слишком сумбурно и слишком быстро, не выходя за границы специфической шутки. Хакеры, взломщики кода ассоциировались с долгой подготовкой, скучным прочесыванием трехмерных коридоров, поиском лазеек, сканированием, тренировками, с мастерством, наконец, а мы не ломали, мы вламывались. Никакой системы в происходящем не было.

«Мэдди, я только что избавился от десятерых карликов-доппельгангеров и не собираюсь останавливаться. Я почти пришел», — Гарри отключился от связи.

«В игре феноменально высокий уровень чувствительности, — не сдавался Мэд. — Я не смогу идти дальше без вас, а Ре не воспринимает мои команды. Я не учел чего-то».

«Так учти», — выдавил я.

Каждое из волокон, которые тень вытащила из меня, натянулось, словно поводья. Лицо свело, половина кожного покрова стала стекать в сторону под рев рваного пространства, я пузырился, разваливаясь на границе между двумя мирами. Джокер сердито выругался и замолчал.

Мне не было по-настоящему страшно, скорее, любопытно, но потом паника спрессовала горло. Когда казалось, что неприятный вираж прекращается и я смогу выбраться, я снова оказывался в начальной точке; лестница стадий разложения за счет этого становилась бесконечной, выводя на новую орбиту. Положение, в которое я попал, являлось всего лишь мелкой деталью в рисунке, которому не было видно конца. Это прояснило настоящий смысл выражения «вечные муки в аду», и я был готов сбежать. Строго говоря, я даже не чувствовал себя человеком, чем-то отдельным от аппаратуры; я стал частью геометрического узора, попавшего в разлом ножниц.

«Ты застрял, Грайнд. Я могу выдернуть „вилку“, когда станет

совсем поздно. Гарри на месте, дело только за джокером», — появился издалека голос рыжей.

«Как на счет чит-кодов?»

«Могу замкнуть твое восприятие на линию Мэда, это делалось для тестов. Но игра не позволит тебе долго торчать на месте, это не предусмотрено».

Жужжащий нойз атаковал психику, мешая соображать, затем на меня хлынули данные из потока Мэда. Он смотрел на линии Ре, висящие в черноте, и рассчитывал закон, который позволил бы соединиться с местом последнего изъяна в «Тьме на троих», наладив своего рода математический мост. Он работал очень быстро, экономно расходуя движения. Подключка напрямую запрещалась, но его это, казалось, абсолютно не волнует, — джокер был погружен в работу, сравнивая данные геометрического города и панели код-хантера. Стар задействовала одностороннюю трансляцию, поэтому для него я был незаметен. Дезинтеграция с помощью «Тьмы на троих» замедлилась, действия Мэда были неотличимы от магии — я не мог их разгадать. Безобразно тонкий силуэт тени, чрезмерно острый и плоский, приблизился на несколько шагов. Тень бесшумно плыла на фоне скрипящего и вздыбленного мутного воздуха, ничуть не торопясь; я уже потерял половину своего тела, намотавшегося на невидимое веретено.

«Грайнд», — шепот настоящей Стар было трудно отличить от озвучки-рекламы, вшитой в игру.

«Я не знаю, как это действует, — Мэд злился. — Я уже несколько месяцев копаюсь с Ре, но…»

Пузырящийся распад, слитый с дрожью, — это было похоже на рыжую, ее бесконечную тягу к самоуничтожению. Я стоял и ждал, научившись находить в боли и падении некое равновесие. От меня требовалось только одно — продержаться до тех пор, пока Мэд подчинит светящуюся сеть Ре, и простая предопределенность, наличие окончательной цели отодвинули страх на задний план. Хаос линий Ре лениво перемещался в непроницаемой жиже уровня, заставить их двигаться могло только решение всех загадок Геймана. Попробовать еще раз, позже — такое даже не приходило нам в голову после десятков предшествующих неудач. Зайти так далеко в «Тьме на троих» нам удавалось лишь благодаря шершавому шепоту Стар. Среда не остается статичной, она растет, умнеет.

«Давай быстрее! — завопил Гарри. — Я сдохну тут сейчас!»

Скрип.

Я еле узнал голос Мэда — смесь бешенства и удовлетворения, но слов не разобрал. В голову тут же вонзились скупо

подсвеченные параллелепипеды Ре, я наблюдал, как они молниеносно выстраиваются друг за другом. Восприятие своего потока информации и одновременно того, что делал Мэд, окончательно развращало и рвало жгуты связей. Ре зашевелился, формируя из геометрических фигур пролом, в который метнулся знакомый куб. Джокер отправлял решение за решением, скармливая жадному окну компактные математические выражения, и еле слышный треск панели расцветал в моей голове серией торнадо. А потом «Тьма на троих» треснула.

Незабываемое ощущение краха реальности, сравнимое разве что с тем моментом, когда тебя прошивают пули, а потом ты наваливаешься на спинку кресла, вылетая из Среды. Пузыри в венах вскипели, я оказался в Чистилище и уже без эмоционального соучастия смотрел на то, как стремительно разваливаются текстуры, обнажая сначала сетку конструктора, а следом — ничто. Цепная реакция разрушения «Тьмы на троих» следовала дальше и дальше, расплетая рисунок, сметая персонажей ИИ и производя обратный загрузке игры процесс. Колоссальный водоворот перемалывал работу программистов и выплевывал запутавшихся в лабиринте игроков. Уровни потухали и выключались, покрытие и дизайнерские изыски срывались, словно покрывало с дивана, а обескураженные геймеры рядом со мной пытались взять себя в руки. Массовое тестирование черного квеста с треском и помпой провалилось. Я стянул очки.

— Быстро, быстро на форум! — Гарри вихрем промчался мимо.

Онемение, оставшееся от «Тьмы», еще не прошло, поэтому резвость бывшего сатаниста неприятно меня удивила. Надпись «GRIND: анархия против террора» вспыхнула пафосной кляксой, я на автомате направился в ванную. Электроника промыла мозг потоком прогорклого масла, превратив в андроида, который вопреки программе понимает, что он — машина. Наверное, такое чувство возникало у людей прошлого после электротерапии.

Кровяные паутинки волос Стар проникли в легкие, опутали и заставили рухнуть в невероятный голос, в глаза цвета матовой зелени, уничтожающие смысл лица своей индивидуальностью, в ломаные движения и сознание, пропитанное множеством множеств отвратительных и блестящих вещей. Гарри крикнул, что встретил Реи, но мне это было по барабану. Ангел Печали и истекающий черной тушью знак стояли на одном из последних мест внутренней иерархии, созданной царапающими мои запястья ногтями Стар. Некоторое время я сидел на полу ванной, а она сидела рядом со мной.

В Тиа-сити большие проблемы со словом «любовь»: в

трущобах им пользуются сутенеры, а в центре торгуют за липкие деньги неудачников. Поэтому мы катали его на языке, пока не наступало удушье. Это последняя стадия исступления, когда под кожей течет электрический ток. Рыжая выглядела скомканной, глаза сочились жидкой гибелью и восторгом. Возможно, она боялась, что я умру, ведь знала о Среде больше, чем следовало. Возможно, просто возбудилась от удачного штурма и дрожала от запаха только что произошедшей цепной реакции, запущенной талантливым парнем без лица. Как бы то ни было, я твердо знал, что мог бы сгореть в ее мире.

— Мэд отказывается разговаривать, — смеялся за дверью Гарри. — Похоже, он нас ненавидит.

— Ему полезно кого-то возненавидеть. Он слишком хорошо владеет собой.

Мне не нравилось, что рыжая говорит о джокере так, будто отлично его знает. Он чересчур серьезно шифровался, чтобы она могла что-то обнаружить, но ей, словно собаке, которая берет след, было достаточно малейшей зацепки, небольшого проявления эмоций. В этом они были схожи с Гарри, но Стар использовала информацию иначе. Она не пыталась ее применить, механически разбирая возможные исходы, а пропитывалась ей, делала ее личной. Мне кажется, она даже начала испытывать к неведомому независимому программисту наши чувства, идеально воплощая принцип-зеркало. Ее губы воспламеняли мысли в измочаленной Средой голове, существование стало невыносимо сияющим, поэтому я ретировался.

— Не думал, что взлом какой-то игры равен взлому моей психики, — покинув ванную, я избавился от клаустрофобии.

Гарри хмыкнул. Он был счастлив, самодоволен и упоенно курил. Кинув взгляд на экран, я увидел, что в Чистилище меня называли информационным террористом. Странно, но об остальных членах группы пока ничего не было известно. Теперь мной заинтересуются специалисты Корпорации, а у них в руках полный контроль над городом.

— Я хочу встретиться и выпить с Мэдом, — Гарри, казалось, вообще не волновало, что мое лицо не сходит с инфоэкранов. — Ты видел, как он это провернул? Полное безумие и разрыв сосудов.

Всех троих мучило жуткое любопытство. Высокий класс работы джокера впечатлял даже таких варваров, как мы со священником, а его устойчивость к психическому воздействию интересовала Стар.

— Поговори с ним, — прищурился Гарри, кивнув ей. — Мы уже пробовали, но он не отозвался. Может, у тебя выйдет.

Она рассмеялась:

— Я никто для него, тут нужен другой подход.

Стар считала, что Мэд и без того на крючке. Для нее явилась сюрпризом наша с ним дружба, хотя она и знала, что самостоятельно мы не смогли бы сломать дилеров KIDS. Они со священником поспорили, эксплуатируя тему привязанности, потом начали нагромождать друг на друга теории по извлечению джокера из скорлупы, выдавая одну приманку за другой. Это походило на музыкальную импровизацию, в которой рыжая и Гарри одновременно пытались переиграть друг друга и получали кайф от самого звучания. Гарри выдавал идею, Стар ее разворачивала, потом они перекидывали ее туда-обратно, дополняя вызывающими смех подробностями. Два кукловода делились последними анекдотами.

За станцию Стар все-таки села, хотя и без уверенности. Некоторое время она прислушивалась, словно собиралась провести спиритический сеанс, но я понял — не имея четкого плана, она пыталась воспользоваться собственной откровенностью.

«Мэд, это Стар. Мы хотели бы увидеть тебя».

Она печатала так, будто он может почувствовать эти прикосновения. Сеанс угадывания желаний на расстоянии. Я считал, что джокер не ответит, ведь она являлась пришельцем, троянским конем, хотя сам поддался бы без вопросов. Ее голос в «Тьме на троих» намертво впечатывался в память, а конспирация психодизайнеров была сравнима с мерами предосторожности Мэда.

«Что ты сделал с Ре? Твоя скорость невероятна».

— Если он не клюнет на нее, у нас нет шансов, — Гарри выбросил бычок в окно и отправился на кухню.

Пока мы с Гарри ели и обсуждали подробности произошедшего взлома «Тьмы на троих», священник пришел к выводу, что нам нужно срочно сваливать. В Катакомбы, к байкерам, сектантам, ген-миксерам, мутантам, — куда угодно, только подальше от внутренних колец города, напичканного следящей аппаратурой. Я заметил, что встречаться с Мэдом в таком случае означает подставить его, но Гарри этот вопрос не трогал. У него заканчивался запас эс-пи, и нужно было провернуть аферу, которая принесла бы деньги. Последнее время мы тратили то, что давала нам Стар, — у психодизайнера было столько кредитов, что брови Гарри наползали друг на друга. Она ненавидела капитал так же сильно, как работу, поэтому сорила деньгами, даже не глядя, на что они уходят. Более того — ей нравилось тратить заработанное максимально непредсказуемо,

бессмысленно, вредно. Вызывающее смех противодействие, но рыжей необходимо было что-то разрушать, чтобы чувствовать себя уверенно.

Из предложенных вариантов мне меньше всего нравились байкеры. Это дикая община со своими правилами игры, в которые мы бы никогда не вписались. В Катакомбах живут мутанты, повсюду развалины, где вся жизнь протекает под землей и собираются те, на ком технологический прогресс сказался не так, как им хотелось бы. Отбросы ген-миксеров, радиоактивные извращенцы, фрагментированные и ненормальные так пугают обитателей центра, что туда без особо важного повода никто не суется. Мне соваться туда тоже не хотелось. Трэм был непригоден для жизни, хотя давал некоторую защиту. Почти все варианты выглядели одинаково ненадежно, поэтому Гарри переключился на эпизод взлома, в котором он мельком видел Реи.

— Без Стар и Мэда мы бы это не провернули, — он отхлебнул из стакана. — Она была права — несколько дилетантов натянули Корпорацию.

— Я бы не назвал их дилетантами.

Эйфория, захлестнувшая нас с Гарри, никак не могла схлынуть. Мне не хотелось становиться объектом наблюдения, поэтому я вернулся в комнату. Огни соседних домов расчертили ее светлыми следами. Рыжая вышла, оставив в кресле немного тепла.

— Ну как? — черный силуэт священника склонился над экраном.

«Я надеюсь, ты некрасивый. Не люблю красивых парней. От них нет никакого толка».

— Готов спорить, что рыжая это запланировала. Она могла выйти на джокера только через нас. Черт, стоило раньше догадаться, что ему нужна женщина, — с досадой произнес Гарри.

Шестнадцать.

И я пришел к тебе
за миром
И я пришел к тебе
за златом
И я пришел к тебе
за ложью
И ты дала мне лихорадку
и мудрость
и стоны

скорби
и я приду сюда
назавтра
назавтра
и
очень скоро.

Джим Моррисон.

Семнадцать.

Дым изо рта бывшего священника разваливался на туманные плети. Они медленно разбивались об пол, теряя форму. Я скучал, посматривая на часы и наблюдая за Стар; та ерзала, пыталась найти место поудобнее, а потом просто встала и вставила сигарету в уголок рта, забыв ее поджечь. Два глаза и белая палочка неловким штрихом.

— Когда вы увидите его, скажите, — она до упора засунула руки в карманы, так и не поднеся огонь к сигарете.

Днем «Гейт» был полупустым, но нервозность Стар распространялась вокруг, захватывая сидящих за соседним столом парней, вид одного из которых мне не нравился. Эта женщина излучала беспокойство, испуг, ожидание, болезненную жажду, нетерпение, которые заставляли ее крутить головой по сторонам, выискивая того, кто мог бы оказаться Мэдом. Сигарета крутилась вместе с ней, рисуя рваные линии в застоявшемся воздухе.

— Мы стоим в середине зала, — пожал плечами Гарри. — Не увидеть нас мог только слепой. А никто все равно не знает, как он выглядит.

Стар переступила с ноги на ногу, сцепив руки за спиной. Ее взгляд шарил по людям без лишнего смущения; она вторгалась и мешала, опуская голову с копной рыжих волос и кружа рядом со мной и Гарри. Священник тоже встал, почти повторяя ее движения, потом они начали бродить вместе. Стар повеселела, вопросительно посмотрела на меня. Я допил слабый кофе и присоединился к молчаливому кружению возле колонны. Выглядели мы, как кретины, но женщина из Корпорации, по крайней мере, перестала вертеть головой. Они с Гарри контрастировали друг с другом, но в такие моменты между ними возникало сходство — тяга к каверзам.

Через пару минут им это надоело, и все вернулись в

исходное.

— Может, это вон тот негр? — мотнул головой Гарри.

Стар присела на корточки и начала болтать руками, часто заправляя волосы за ухо. Она никак не могла найти себе место, постепенно переходя из состояния волнения в раздражение. Ее эмоциональная нестабильность меня беспокоила.

— Может, он передумал, — я поразмыслил, не заказать ли еще кофе, но качество оставляло желать лучшего. — Или он — любой из этих, сидит и наблюдает.

Днем «Гейт» больше всего напоминает обыкновенную забегаловку. Никакого очарования — инфоэкраны повторяют старые сводки новостей, плиты молчат, только рекламные строки полосуют одежду. Единственное, что остается величественным даже днем, — это вид на космопорт, проецируемый на стену над стойкой. Я поковырял ногтем стол и понял, что сам напряжен и хочу отправиться домой. Парень за соседним столиком тараторил, не спуская с нас глаз, он меня раздражал. Если вы представите себе свинью в серой куртке с полосой, то попадете в десятку. Гарри тоже его заметил.

— Ну, и где джокер? — Стар поднялась с пола, недовольно уткнувшись взглядом в замызганную куртку верзилы.

Вряд ли он мог узнать меня с порцией биоклея на лице, но наша компания все равно выглядела неординарно. Пожалуй, ни один из нас не находился в нормальном состоянии. Гарри уже традиционно ломало после эс-пи, меня мучила повышенная светочувствительность и тошнота, рыжая перестаралась со стимуляторами. Она наклонила голову, пытаясь побороть разочарование от готовой провалиться встречи, и выплеснула злость на незнакомца.

— Тебе что-то не нравится?

— Подожди… — я положил руку ей на плечо.

У Стар практически отсутствовал самоконтроль, она изменяла по тысяче настроений за десять минут. Когда тебя несколько раз на дню убивают, а потом ты снова шагаешь под рваными клочьями грязных облаков, слыша, как перекрикиваются торговцы, как мимо проезжают бронированные машины, как в многократно использованном воздухе передвигаются люди, такие же живые, как и ты, хотя еще недавно ты агонизировал, страх теряет смысл. Но я отлично знал, что все это верно лишь до тех пор, пока не увидишь перед носом кулак, который поставит на место. Трущобы не годились для психодизайнерских экспериментов.

— Я целый день изучаю людей, — проговорила Стар, проигнорировав меня; сипловатый голос звучал утомленно. —

Целый день одно и то же. Я смотрю, как они реагируют, я пытаюсь понять, чего они хотят. Выстраиваю логические цепочки, предугадываю мысли. Такая уж работа у меня, никуда не денешься…

Гарри непонимающе ждал, чем это закончится. Парень отставил пластиковую тарелку с недоеденным куском мяса и несколькими листиками синтетического салата. У него были маленькие глазки, опушенные бесцветными ресницами, и несколько прыщей с левой стороны лица. Глазки не вязались со всем остальным, поэтому я впал в ступор, пытаясь мысленно приставить ему другие глаза. Как биоконструктор. Пока длилась пауза, я успел вообразить глаза корейца, большие коровьи и глаза Стар.

— Мне кажется, я точно поняла, что тебе необходимо.

Пружины слов отскакивали от матовой плитки «Гейта». Она сжалась, разговаривая слишком неторопливо и доходчиво, чтобы можно было расслабиться. Искусственные пальцы Гарри играли с ножом. Туда-и-обратно. Некоторое время слышалось только постукивание лезвия о стол. Никто не осмеливался нарушить этот ритм. Дверь открылась, в нее вошел бородатый байкер с переливающимся через ремень животом и направился к стойке. Допотопная система освещения скользила лучами по лицу Стар, неудачно изображая драйв.

Она подошла вплотную к столику с недоеденными порциями дрянной стряпни и остановилась рядом с парнем в серой куртке, скрестившем ноги в полинявших штанах. Тот еще не понял, как реагировать, мышцы напряглись, тело выпрямилось; его друзья тоже не внушали доверия.

— Что она делает? — поинтересовался Гарри.

Он оперся на руку, в другой сжимая рукоять ножа. Брови застыли знаком вопроса, а узкие глаза оценивали обстановку, переходя с одного предмета на другой. Священник любил подраться, но сейчас не торопился — любопытство перевешивало инстинкт. К тому же его руки не были так надежны, как прежде.

— И что мне нужно, сука? — осклабился парень, нарушив тишину, а вместе с ней демаркационную линию.

— Это.

Стекло разлетелось вдребезги, словно голова была железной. Жидкость из бутылки, которую так метко припечатала Стар, залила серую куртку, перекрашивая ее в темный, а осколки попали в недоеденный бифштекс. Гарри даже вздрогнул — то ли от неожиданности, то ли от удовольствия, — и перемахнул через стол, стремясь к двум друзьям мотающей головой свиньи. Я

схватил за руку обуреваемую мизантропией Стар и отшвырнул ее прочь, к колонне. Хорошая потасовка в трущобах — это, наверное, как раз то, что нравится психодизайнерам.

— Что за… — начал было один, но я прописал ему по челюсти, не давая опомниться.

У Стар было преимущество — она как будто гипнотизировала своими выходками, и парни еще не успели придти в себя. Музыка наяривала, лучи крутились, инфоэкраны показывали новости, а пиво впитывалось в грязно-серую ткань. Извиняться было поздно.

«Смерть — вот что я такое».

Я двинул ногой в живот так и не успевшему вернуться в наш мир парню. Он согнулся, падая со стула, и стекло посыпалось в разные стороны. Несколько посетителей сняли шлемы, наблюдая за дракой, один из техников нажал на кнопку, чтобы вызвать копов, но они вряд ли приедут скоро. У каждого из верзил оказалось по ножу — у одного, темного и коренастого, изогнутый шип с электрической подпиткой, у второго, повыше, — широкое лезвие. Священник выругался, словно призывая посмотреть на то, какую дуру мы пригрели на груди, отступил на несколько шагов и оказался плечом к плечу со мной.

Мы попятились к колонне, и я очень пожалел, что не взял с собой хотя бы шокер.

— Здесь тебе не долбаная Среда, — плюнул темный, бросившись на Гарри.

Священник ловко увернулся, кинув стул преследователю под ноги, тот ринулся за ним, размахивая ножом. Из «Гейта» начали убегать те, у кого еще осталось немного мозгов, сирена вызова полиции истошно гудела, автоматы продажи напитков мигали огоньками готовности, а на голограмме космопорта взлетел звездолет. В этот самый момент Стар начала стрелять.

Инфоэкраны, как один, показывали рекламу шампуня, разворачивали виды давно исчезнувших лесов, моря, подретушированного из заполненной отходами лужи в голубое полотно. На гладкой поверхности мониторов разметались блестящие женские волосы, на пышные подушки падали жемчужины, а Стар нажимала на спусковой крючок пистолета неведомой мне марки, и пули впивались в грудь темного. Он уронил нож, по инерции продолжая двигаться к Гарри, натыкаясь на стул, ударяясь о него и падая вниз, но не так, как падает человек, а как бездарно валится манекен или рекламная кукла из тех, что продают в супермаркетах. Куртка на груди взрывалась, а свинец туго входил в тяжелое тело, отталкивая его от себя и одновременно вгрызаясь в плоть. Гарри разогнулся и уставился на рыжеволосую женщину, невозмутимо вгонявшую пулю за

пулей в уже мертвого, как пророк, темного. Второй из приятелей сиганул за дверь и помчался прочь. Я еще ни разу не видел настоящего, «чистого» убийства.

«Санрайз — ваши волосы будут сиять!» — жизнерадостно объявил инфо-экран. Тело убитого перевешивалось через валяющийся на полу стул, около ножек которого уже собралась темная лужа. Подошва ботинок стерлась, можно было рассмотреть сеть трещинок. Из той китайской дряни, которую штампуют на Косе.

— Нам конец, — Гарри не спеша засунул нож в карман и вытер руки о штаны.

«Внимание. В секторе 28 Тиа-сити произошло убийство. Внимание…»

Я погладил Стар по плечу, она начинала выглядеть растерянной.

— Бежим!

Мы рванули к двери, думая только об одном, — как бы поскорее смотаться отсюда. Стар чуть не упала, поскользнувшись на крови, ухватилась за меня, размахивая пустым пистолетом, и мы оказались на улице. Гарри улепетывал, что было мочи, пересек дорогу и скрылся в переулке, уходившем глубоко в трущобы. Я рывком поднял Стар и помчался туда же, таща ее за руку. Это не могло нас спасти, но привычки требовали юркнуть куда-нибудь, спрятаться, затаиться.

Железный грохот эхом разносился по всей улице. Несколько случайно оказавшихся на улице прохожих прижались к стенам, словно перепуганные насекомые. Пустой пакет из фастфуда хлопнул на ветру и медленно пополз в сторону.

— Стой.

Ноздри Стар раздувались, она вцепилась мне в руку.

— Не двигайся.

В мокром, колеблющемся воздухе, который приносил с собой туман с верфи, пять Гончих выглядели, словно всадники Апокалипсиса. Стальные жгуты, сплетавшие их тела, методично сгибались и разгибались, создавая ощущение абсолютной силы и неуязвимости. Им все равно, дождь или тьма, они найдут тебя, даже если ты заберешься под землю или на вершину небоскреба. Мы стояли друг против друга в узком коридоре, сложенном бездушными зданиями, потом я пригнулся, спрятав под собой Стар. Неотвратимость наказания в Тиа-сити являлась догмой, которая удерживала трущобный люд от резни в течение долгих лет, а рыжая нарушила закон. Последняя мысль перед тем, как Гончие остановились и окружили нас, была почему-то о том, что Гарри точно далеко не ушел. А следовало бы.

— Только не шевелись. Не делай никаких глупостей, — шептала Стар, подняв голову на груду разумного металла.

Хотел бы я сказать ей о глупостях и о том, кто их делает. Улица омертвела. Длинные стальные ноги застыли рядом — они ждали сигнала подтверждения, опознавали нас, чтобы не допустить ошибки. Мы едва достигали им коленей. Убийство каралось смертной казнью, это я очень хорошо помнил, поэтому не понимал, почему они медлят.

— Номер лицензии, — железные челюсти одной из тварей разжались прямо перед лицом Стар.

Она распрямилась, высвободившись из моих рук, сжала пальцы в кулак, не выпуская бесполезного пистолета: металлическая вытянутая морда против глаз Стар, ее лохматой головы и крепко сжатого рта. Я побоялся, как бы она не начала бить бесстрастную Гончую стволом, но вместо этого рыжая разлепила губы и чужим, автоматическим голосом ответила:

— Тысяча двести девяносто два точка пятьсот тридцать четыре точка девятьсот.

На долю секунды Гончая застыла в воздухе, потом развернулась, продемонстрировав мощный металлический торс, и умчалась прочь. За ней отправились остальные. Через несколько секунд они скрылись в тумане, который уже начал окутывать улицы, только эхо грохота их шагов выкатывалось из-за соседних кварталов.

«Сожги флаг».

Строка промчалась по стене. Стар села на асфальт, держа пистолет перед собой; худые плечи сложились, ткань на спине натянулась, обтягивая позвоночник. Половина рыжей гривы вывалилась из пучка на плечи. Я не знал, что сделать, но сесть рядом не мог, поэтому просто смотрел на то, как пальцы женщины рассеянно блуждают по дулу. Если бы был вечер или ночь, все показалось бы логичным, но исчезнувшие Гончие будто привиделись в пьяном сне под утро, когда глотку дерет от выпитого, а глаза жестко ворочаются в черепе, не желая смотреть на мир.

— Она что, спятила? — я обернулся на голос и увидел Гарри. — Ты понял, что произошло?

— Ты здесь?

На улице начали появляться разбежавшиеся в разные стороны прохожие, несколько зевак таращились в окна из «Гейта», но выходить не торопились. Я смотрел на бывшего священника СК и чувствовал, как гора падает с моих плеч.

— А что мне нужно было делать? — Гарри достал сигарету и несколько раз попытался прикурить. Вышло это у него не

сразу. — Я выбрался из укрытия, когда увидел, что они вас догнали.

Стар встала и ткнулась ему в плечо, он погладил ее, будто стесняясь своего решения. Гарри был бледнее, чем обычно, глаза ввалились, линия рта обозначилась узкой линией. Некоторое время мы стояли и молчали: Стар — глядя на меня и прижимаясь лбом к плечу Гарри, я — борясь с желанием отвесить ей оплеуху, а священник — втягивая в себя дым и осторожно прикасаясь к Стар, как прикасаются к чужим женщинам, чтобы их не обидеть.

— Я пока даже не хочу знать, почему они тебя не тронули, — заключил Гарри, легонько оттолкнув Стар.

Рыжая притихла. Мы решили пойти к космопорту, посидеть в местном баре и посмотреть, как взлетают звездолеты. Нужно было отвлечься, а наблюдать за инопланетниками — это словно смотреть кино, в котором следишь за каждым актером. Они совершенно на нас не похожи, ни одной игре не удается передать чужих такими, какие они есть. К тому же всем хотелось промочить горло и расслабиться, у меня в ушах еще звучали шаги Гончих. Стар прижалась к моему боку и обвила рукой, заколку она так и не застегнула, и та болталась в волосах, иногда позвякивая. Я поймал ее и выкинул.

— Где Мэд?

Честно говоря, у меня мысли о джокере были начисто стерты эффектным появлением стальных монстров. Каждый мальчишка Тиа-сити отдал бы многое, чтобы увидеть их так близко.

— Ему повезло, что он не пришел. Вряд ли он захотел бы продолжить знакомство.

Гарри начал срезать путь к подземке, мы шли за ним. Улицы около «Гейта» были пусты — днем тут делать ничего, поэтому мы проходили мимо небольших забегаловок и облупившихся жилых домов, держа курс на громаду космопорта. Иногда ветер приносил запах отходов, рыбы и тяжелую соль моря. Чем ближе к подземке, тем выше устремлялись крыши, тем сильнее расползались инфоэкраны; несколько бронированных машин прилипло к обочине. Компьютеры продолжали безмолвно вещать, хотя никто не слушал их послания. Мне подумалось, что если человечество вымрет, еще долго на автомате инфоэкраны будут рекламировать что-то или говорить строками из полузабытых песен по воле увлекающегося старьем программиста.

Стар постукивала ботинками по асфальту. Она постоянно носила одни и те же ботинки — тяжелая подошва, черная кожа, стальные болты. Даже тогда, когда возвращалась в официальной бесполой одежде Корпорации, прошитой рекламой. Мне не давала покоя мысль о лицензии на убийство. Гарри мерил дорогу,

глядя по сторонам, и все еще ждал преследования. Маленькая рука Стар в моей руке скребла коготками, проверяла, жив ли я. Мы выглядели выжатыми, помятыми и озадаченными. Отражались в витринах помимо воли.

— Грайнд?

Мы обернулись, как один. На тротуаре стоял тощий парень в пальто. Было видно, что он торопился, но потом резко сбавил обороты. Я уставился на него, пытаясь понять, как он меня узнал; Гарри тоже этого не понял. Стар отодвинулась, тряхнула гривой, а потом заулыбалась.

— Это он.

— Кто он? — тупо спросил Гарри.

— Это Мэд, — заявила она, потеплев и расплавившись, как воск, прежде чем незнакомец повторил то же самое. — Мэд.

Эмоции вырвались за пределы ее нахмуренной головы и разлились вокруг. Парень подошел, осматривая нас, достал руку из кармана и протянул ее сначала мне, потом — Гарри и Стар. В каждом его движении ощущалось недоверие, но он нас не боялся. Легендарный программист оказался очень высоким, худым, похожим на дельцов из центра и одетым соответственно. Ни одной особенности, никаких колец, шрамов, крашеных волос и выбритых бровей. Он был чист — ни железа, ни сразу заметных имплантантов, как будто пришел из прошлого века. Внимательные глаза, которые он близоруко прищуривал, и тонкий профиль завершали дело — ретро-поклонник со старой фотографии, но мы-то отлично знали, что умеет делать этот незаметный парень, поэтому не могли решить, с чего начать. Сначала он показался мне бесцветным и слишком молодым.

— Добро пожаловать, — Гарри осмотрел пришельца и невежливо добавил:

— И сколько тебе?

— Семнадцать, — ответил Мэд, убирая с лица волосы и возвращая руки в карманы, а потом посмотрел на Стар.

Некоторое время мы все стояли посреди дороги и таращились друг на друга. Обнюхивались. Бывший священник мошеннической церкви, рыжая женщина из Корпорации, уставший от жизни гитарист и семнадцатилетний хакер. С тем же результатом ему могло оказаться и десять, и сто, но даже ничего, вроде бы, не ожидая от сетевых фигур, в глубине ожидаешь. Я не мог решить, нравится он мне или нет, а Мэд ничего не делал, чтобы изменить отношение, просто затаился, ожидая развития событий.

— Я видел Гончих, — поделился он и замолчал, добравшись взглядом до ног Стар.

Ботинки рыжей были испачканы в крови, на штаны тоже

немного попало — видно, когда мы выбегали из «Гейта». Она заулыбалась и аккуратно ткнула его пальцем в грудь, задрав голову, чтобы встретиться глазами.

— Рада тебя видеть, Мэд.

— Я тоже рад, — усмехнулся он, передавая взглядом точки и тире.

«Daddy's little girl ain't a girl no more».

— Ты пойдешь с нами, — заявил я, прекращая терзаться муками совести, и мы все отправились к космопорту.

Вот тогда нас и стало четверо.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I tried hard to have a father
But instead i have a Dad.
«Serve the servants» Nirvana.

Один.

Встреча принесла эру стали и пластилина. Мэд стоял около прозрачного стекла, за которым оглушительно ревели, взлетая, космические корабли, и не вынимал руки из карманов. Он не торопился подходить к нам, плавно поворачивая голову, как будто та вот-вот отвалится и разобьется. Сгорбленные плечи, обхваченные пальто, замерли скорбным дагерротипом.

Появление Мэда внесло кратковременный хаос и эмоциональную чуму, поразившую рыжую. Складывалось ощущение, что все наркотики внутри нее забурлили, атакуя диафрагму. Ее движения шокировали мягким легато, разрез глаз воплощал эротику, улыбка выражала дерзость и предельную концентрацию. Всем нам джокер был по-своему любопытен, но я не ожидал такого коварства от Стар, присвоившей наш интерес. В Мэде чувствовалась не невинность, а, скорее, неискушенность, вызывавшая неуместный стыд от того, что мы надрались, что штаны рыжей заляпаны кровью, и того, что мы вообще вытащили его в космический кабак.

Пока он разглядывал корпуса космолайнеров, суету порта, снующие туда-сюда экипажи и багажные вагонетки, Гарри выбрал выпивку и начал коситься на инопланетников.

— Что скажешь по поводу кораблей?

— Они… — Мэд начал фразу, потом засмеялся. — Очень большие.

— Мы покажем тебе все, что стоит внимания, — пообещала Стар.

Никто из нас не стал докапываться, почему джокер сидит в квартире, — парни из Центра могли вообще не покидать четыре стены. Да и, если быть честным, тому, у кого есть деньги, делать на улицах Тиа-сити нечего, а находиться внутри комнаты с обеззараженным воздухом еще и здоровее будет. С другой стороны, можно было легко чем-нибудь занять джокера. Мэд отпил немного сивухи, которую увлеченно глотал Гарри, и сдержанно кашлянул. Бар себя исчерпал.

Обойти весь космопорт Тиа-сити пешком невозможно, слишком уж он велик. Его центр раньше находился на периферии города, он был вынесен далеко за территорию жалкого поселения Тиа-сити, оставшегося после первых месяцев войны с инопланетниками. Стартовые и заправочные площадки занимали непомерно огромные площади, максимально увеличившиеся в переломный момент битвы, когда здесь концентрировался практически весь оставшийся земной космический флот. Именно в то время космопорт и начал расширяться и расползаться, приближаясь к жилым районам. Процесс перевозки грузов от заводов и транспортировка ресурсов от кораблей к городу были спешно оптимизированы путем простого переноса посадочной полосы ближе к Тиа-сити. Грохот, наверное, в те времена стоял неимоверный, но выбора не было. Лишние полчаса могли решить все.

Ученым удалось уменьшить шум за счет специальных покрытий и улавливающих щитов, поэтому постепенно те, кто жили недалеко от космопорта, привыкли к наличию никогда не прекращающейся сумятицы и уносящемуся в небо флоту. Позже взлетную и посадочную полосу совместили, корпус техобслуживания, измерительный комплекс и вспомогательные здания реорганизовали и переместили дальше от города. На карте это выглядело как уродливый отросток от неровного городского пятна. Частично роль посадочной полосы выполнял залив — рисковые космолетчики приземлялись в воду, это давало им возможность избежать сборов, регистрации и таможенного контроля. В основном, конечно, такое лихачество касалось небольших пиратских кораблей, ведущих контрабандную торговлю, потому что крупный лайнер легче заметить и гораздо легче повредить неумелой посадкой. Эволюция двигателей и использование обработки вторсырья позволили уменьшить общую площадь космопорта, поэтому сейчас основные его части — взлетно-посадочная полоса и вокзал — находились недалеко от станции подземки.

Именно из вокзала мы и вышли, проходя мимо суетящихся людей и инопланетников, ругающихся, бегающих, ползающих, шевелящих щупальцами, ногами, копытами, крыльями, топорщащих шерсть или надрывающихся под тяжестью сумок, упаковок, коробок, герметичных квадратов для перевозки жидкостей. Возле приземлившихся кораблей ездил обслуживающий персонал, роботы ползали и сканировали обшивку на предмет наличия повреждений или скрытых емкостей, члены экипажей материли друг друга или пялились по сторонам. С черного хода выпускали поселенцев, которых за

долги отправили в колонии. Несколько пиратов размахивали документами перед сканером и пытались доказать, что у них задание от венерианского правительства. Грязное, суматошное место, но Мэд, вроде, не испытывал особых неудобств, осторожно рассекая толпу.

Из инопланетников чаще всего встречались делирийцы — их диаспора развернула в Тиа-сити крупный бизнес. Одна его часть, легальная, заключается в вербовке желающих поработать в колониях. Сильное излучение их планеты и удаленность от любых человеческих оплотов закона делает работу на насекомовидных монстров весьма рискованной затеей. Делирийцы тошнотворно выглядят и, если верить рассказам, совершенно беспринципны. Больше всего они похожи на больших гусениц, покрытых суставчатыми конечностями, маленькими шипами и шевелящимися отростками, отдаленно напоминающими волосы. Можно сдать свое тело в аренду делирийцу — инопланетники не скупятся на кредиты, но за хрустящие бумажки попросят запустить личинок под кожу, где те будут питаться свежим мясом до тех пор, пока не наступит следующая стадия развития. Я встречал пару игроков-фанатиков, готовых на все, чтобы заработать.

Последней частью бизнеса делирийцев является продажа ллира — вещества, выделяемого тонким и острым яйцекладом чужих, который для людей оказался очень сильным, вызывающим эйфорию наркотиком. Как раз в районе космопорта находится кабак Хит, которой слухи приписывают любовную связь с делирийцем. В нем проворачивают сделки, связанные с работорговлей, сбытом краденого и прочими излишествами. Красный ирокез и увитые серебряной проволокой руки Хит — часть городского фольклора.

Помимо делирийцев торговлю в Тиа-сити ведут и сейры. Исключительно воинственная и самодовольная раса, которая в былые времена легко могла превратить Землю в кучку камней. В алых и безжизненных глазах сейров до сих пор живет уверенность в собственном превосходстве; постоянное расширение границ империи является для них образом жизни, поэтому объявление новой войны с людьми ни для кого сюрпризом не окажется. Ростом средний сейр раза в два превосходит человека, у них очень мощные руки и торс, вызывающая симпатию вытянутая морда с подобием то ли неоконченного хобота, то ли рыльца муравьеда. Каковы интересы сейров в Тиа-сити, завязанном исключительно на вирт, я не знал, но порой встречал их на черном рынке. Сейры интересовались разработками в области Среды, а Стар рассказывала, что в институте Корпорации активно

изучают их психологию, чтобы предложить продукты, ориентированные только на «великих воинов», как они сами себя именовали. Стоит ли говорить, что звероподобные мародеры за долгую историю успели награбить неимоверные богатства, так что каждая планета мечтала вовлечь их в личный торговый круговорот.

Авгулы обычно следуют за сейрами. Их связывает подданство или какой-то иной тип зависимости, но нельзя сказать, что авгулы ведут себя, словно прислуга или рабы. Они вошли в империю сейров как полноправные партнеры, хотя не то что армии — даже космического флота у авгулов нет. Олирна — отсталая планета, развитие которой началось только после прихода сейров в звездную систему. Ходило множество гипотез, объясняющих дружбу инопланетников, — от того, что авгулы — это самки сейров, до мистического просветления, постигшего муравьедов-боевиков на завоеванной ими Олирне, или баек о том, что сверхразум авгулов держит сейров под контролем, поэтому каждый раз кто-то из их расы должен сопровождать космические корабли порабощенных врагов. Как дела обстоят на самом деле, никто толком не знает, а инопланетники не рассказывают, так что приходится выбирать наиболее подходящую версию.

Перечисленные три расы доминируют, остальные инопланетники не имеют никакого влияния на мировую политику, у них нет развитой экономики и промышленности, а потому и встречаются на Земле они гораздо реже. Многие из них ничуть не глупее сейров, но слишком слабы, чтобы противостоять чужому влиянию или вторжению, а потому либо ведут нищенское существование на далеких планетах, не способные сопротивляться набегам контрабандистов. Часть расходится на сувениры. Да, конечно, существует Конвенция о разумных существах Вселенной, которая запрещает использовать силу во зло и терроризировать зеленых дриад с Клутоса или сияющих, многоногих существ с Призмы 5, но на деле ее соблюдение никто не контролирует. Трудно представить, сколько телепатов-мсиан и свистящих разумных червей с Трра-она живет в клетках у бизнесменов из центра Тиа-сити или отправляется на консервы для Делирии. Я, впрочем, знаю об этом немного — только то, что сам видел на улицах, и то, что почерпнул из Сети, совершая нехитрый ликбез.

Мэд слушал рассказы очень внимательно. Он поневоле подталкивал рассказать еще и в то же время вселял подозрение, что произносимое недостаточного для слушателя качества.

— Меня интересует дальнейший план действий, — начал

Гарри, буксуя на мусорных выступах свалки кораблей. — Главный принцип дзэн — отсутствие повторения, поэтому ломать другие уровни мы не будем.

— Ты хочешь сказать «не можем», — поправил его Мэд. — И панибратское «мы» меня смущает.

— Так как мы все равно не собираемся этого делать, поправка несущественная. Пора прищемить геймерам яйца.

Стар взглянула на меня.

— Предлагаю испортить Рейтинг. Со времен Сида список лидеров ни разу серьезно не менялся. Раз уж рожок зовет, самое время выкинуть из первой тройки Реи, Рейдера и По, — несколько раздраженно бросил я.

Гарри издал одобрительный звук, а рыжая прокрутила никотиновую палочку в пальцах, завершая движение точно напротив губ.

— Начнем с того, что Реи — архангел, — сообщил Мэд, уставившись на то, как Стар курит.

Она красовалась, скрестив ноги, в замедленном ритме пускала кольца, грациозно перемещала сигарету между пальцами, словно ковбой, крутящий револьвер на рукояти. Минимум движений — и стопроцентный эффект. Стар ничего не скрывала, сейчас она хотела меня, Гарри, Мэда, ее захлестывало чувство власти над окружающим пространством. Но одновременно было совершенно очевидно, что она с удовольствием снова пустит в ход настоящее оружие, чтобы доказать свою верность всем нам одновременно. В Стар, как и в Мэде, было что-то архаичное. В нем — старомодное хладнокровие и педантичность, у рыжей — жажда изменения реальности, давно остывшая у любого в Тиа-сити. То же можно было сказать и о нас с Гарри. Я — техник и поклонник ретро-искусства, Гарри — бутафорский священник давно устаревшей и лживой религии. При этом каждый из нас был до костей продуктом своего века.

— Бред. Все знают, как она попала в Рейтинг, — не поверил Гарри.

— Реи — архангел, — не повышая голоса, повторил джокер. — Коп. Я видел, как она убила Сида.

Слово «коп» у джокера прозвучало незнакомо, оно дышало изначальным злом. Реи не являлась для него живым существом, он провел границу между ней и остальным человечеством, аккуратно и безжалостно отделив одно от другого. Эта безжалостность снова напомнила мне о том, как джокер уничтожил «жучок».

— А где другие свидетели?

В хриплом голосе Стар появился почти профессиональный

интерес.

— Не думаю, что кто-то еще понял, что случилось, — ответил Мэд. — Он положил голову Реи на колени, а потом вылетел из Среды. Некорректный выход. На первый взгляд, ничего страшного не произошло — его схватили архангелы и насильственно отключили. Но фокус в том, что этими анонимными «архангелами» была сама Реи.

— И ты никому не рассказал об этом?

Мэд некоторое время поразмыслил:

— Честно говоря, мне было некому об этом рассказывать. Но рассказав об этом сейчас, я не хотел бы служить источником новости для широкой публики. Ко всему, меня немного беспокоит лояльность Стар.

— Встретить тебя — большая удача, джокер. Ты слишком хорош, чтобы я могла тебя предать.

Рыжая выбросила сигарету и пошла вперед, оставив нас в недоумении. Мэд позабыл о защите, растерялся, смотрел ей в спину. На лице Стар мечтательность выглядела дико.

Свалка кораблей особой славой не пользуется — здесь невозможно найти что-нибудь полезное. Прежде чем обломки отправляются на свалку, вначале чиновники, а потом мародеры вычищают все, что обнаруживают, если в обугленном корпусе что-то вообще сохранилось. Но мусорный массив обладает своей романтикой, напоминает о том, что когда-то эти консервные банки рассекали космос. Со времен войны скопилось невероятное количество изъеденных старостью и схватками корпусов; они осели, одряхлели, кое-где подгнили от влажности, покрылись плесенью и почти потеряли начальную форму. Издалека свалка кажется колонией гигантских грибов, из которой то тут, то там торчит чудом сохранившийся кусок пластмассы или сверхлегкой стали. Вывоз и переработка всего этого барахла слишком трудоемки, поэтому один из ученых Центра пытался расчистить место с помощью микроорганизмов, утилизующих мусор. Насколько я помню эту историю, ученый оказался террористом с Венеры, желающим уничтожить очаг разврата и оплот психодизайнерских изысков, а его создания не смогли бы утилизовать и одну небольшую шлюпку.

Стар забралась на выступ, служивший прежде то ли крылом, то ли дулом орудия, и уселась там, свесив ноги. С ней что-то происходило, движения снова стали ломаными, нездоровыми. Зрачки сделали глаза непроницаемо-черными, полностью поглотив радужку.

— Если Реи — архангел, то снести Рейтинг не развлечение, а наш долг, — энергично давил Гарри. — Горожане молятся копу.

Статус священнослужителя не позволяет мне терпеть это.

Мы заржали.

— Я знаю множество особенностей игр, своих и чужих, — прищурилась Стар. — Но вряд ли это поможет. У По, Реи и других недосягаемая техника, отточенная годами. Ни у кого из нас нет шансов. Возможно, джокер играет лучше, но с Рейдером и другими игроками его уровня нам соревноваться не по силам…

Рыжая потеряла контроль, получая неведомое нам наслаждение; она гипнотизировала джокера, меня, Гарри, даже этого не осознавая. Приход Мэда задел в ней что-то жизненно важное. Ее восторг захлестывал волнами — эйфорический, беспредельный. И это не было манипуляцией, о которой говорил Гарри.

— Тебе нравится здесь? — она вернулась.

— Нравится, — признался Мэд, забавляясь над нашей с Гарри вежливой беспомощностью. — Мне нравится все, что я вижу перед собой.

— Почему Гончие тебя оставили? — не выдержал я.

— Ну, я могу плести время и пространство, превращаться во множество и сплавлять воедино. Я могу оживлять мертвецов, а стало быть, имею право и убивать живых.

Она взъерошила и без того лохматые волосы, приходя в себя. Священник встрепенулся:

— Психодизайнерам разрешают убивать?

— Лицензия на убийство, — подтвердила Стар. — Основа моделирования Среды, ее фундамент — реальные переживания. Несмотря на большую прослойку психоделических и мистических видений, популярностью пользуются игры, имеющие твердую связь с жизнью. Психодизайнер должен ввязываться. Иногда это может быть опасно.

Мы все замолчали, обкатывая услышанное. Убийство было строго запрещено в Тиа-сити, хотя все понимали, что есть масса способов достичь желаемого, не спуская курок и не хватаясь за нож. Те, у кого оказывалась неоплаченной квартира, сдавали себя на органы, чтобы взять кредит и вернуться в автоматически захлопывающееся жилище. Охотники заговаривали людям зубы, чтобы разобрать их на части в укромных местах. Так что нельзя сказать, что заявление Стар нас шокировало, но было в нарушении исконно ненарушаемого запрета на возможность взять оружие в руки — и просто выстрелить что-то чужое, непривычное.

— Кастовая система. Тебе повезло, Стар. А если для игры понадобится смерть кого-нибудь из Корпорации?

— Ни разу не пробовала.

Мэд посмотрел на кровь, пропитавшую ткань на ногах

женщины.

— Впервые вижу преступника так близко, — с размытой иронией произнес он.

— Если ты хотя бы раз убил в Среде, нет никакой разницы. Ты становишься убийцей в тот момент, когда смотришь в прицел винтовки в какой-нибудь Hunter Zone и нажимаешь на спусковой крючок. Герои, даже массовка, умирают очень реально. Все вычислительные мощности города работают над тем, чтобы ты смог красочно убивать.

— Это всего лишь персонажи.

— Все — всего лишь персонажи.

Стар подошла ко мне и прислонилась головой к руке. Она утратила интерес к Мэду, словно наигралась или стряхнула наваждение.

— Пойдемте отсюда, — джокер кивнул на свалку около порта.

Мы вернулись к ограде, пролезли в дыру и оказались на оживленной территории, полной голодранцев. Мэд выглядел чересчур юным, профиль светлел в темноте вырезанной из бумаги фигурой. Очень странно было краем глаза замечать, как рыжая поворачивает голову, чтобы не выпускать его из поля зрения. Гарри предложил разоблачить Реи, выложив неопровержимые доказательства, раз уж джокер все видел, но Мэд не соглашался.

Около вокзала проход перегородили пьяные космолетчики, с криками и недовольством пытающиеся пропихнуть пленное животное — большое, с наростами и волосатой холкой. Иноземное существо, высокое, но беспомощное, выглядело обескураженным, — пленный добродушный гигант. Я видел животных только на рынке Косы, но никогда еще — такое огромное. Оно трубило, переминало толстыми ножищами, не понимая, зачем его пытаются втиснуть в коридор не по размерам. Мне внезапно захотелось, чтобы все пленные звери и инопланетники освободились — и мчались по улицам, мертвым и заваленным механическим мусором, чтобы они издавали свои особенные звуки и населили Землю.

Гарри прекратил подстрекать Мэда и тоже уставился на неведомого зверя. Некоторое время мы следили за тем, как бьется и вяло вырывается опутанное сетями животное. Стар заправила волосы за ухо, обернулась к джокеру и произнесла низким, неизвестно как исторгавшимся из тощего тела голосом:

— Здесь станция подземки. Если хочешь, самое время отправиться домой.

Никто не рассчитывал, что интеллигентного вида парень из центра Тиа-сити захочет проводить время с трущобными крысами

и убийцей; это была чистая дань вежливости, после которой Мэд мог стряхнуть темный налет с пальто и вернуться в стерильную квартиру, приписав недолгий визит на помойку к списку личных экстремальных развлечений. Но он не торопился спуститься вниз, стоял и смотрел то на рыжую, то на меня со священником. В джокере было что-то от привлекательности героев картин или религиозных андрогинов; его как будто перенесли в город из другого времени, не знающего ни чипов, ни контактов, ни прямой подключки. Я даже подумал, уж не андроид ли наш новый друг, но своеобразное чувство юмора Мэда, которое мне нравилось, это опровергало. В ответ на слова Стар джокер слегка обиделся, будто мы решили его отослать.

Остался.

Два.

Мы валялись на полу и смотрели записи Трэя Робертса — Стар собрала их все.

— Тот, кто попробовал вкус бунта, ощутил огонь революции, никогда этого не забудет. Любой, кто хоть раз видел, как горят торговые центры, как вверх взметаются клубы дыма, несет в себе семя огненного взрыва, приближает пламенный шторм. Ничто не сравнится с красотой пылающего мира. Этому невозможно сопротивляться, пожар захочется увидеть снова и снова.

Глава клоунов-поджигателей был заговорщиком, с которым ты вступил в преступные отношения. Одна его речь делала сообщником, хотя Трэй Робертс давно был уничтожен, как и все пироманы. Исчезающие в огне стены, съеживающиеся упаковки, мерный гул вошедшего во вкус пламени заводили.

В тот момент, когда мы собрались вчетвером, над нами опустился невидимый защитный купол. Вероятность оказаться вместе стремилась к нулю, но теперь она была достигнута, и стало понятно, что даже если мы разойдемся, внутри нас необратимо повернулись шестеренки. В утробе города возник новый механизм. Я не мог понять, что отвечало за необычное восприятие мира, но это произошло — Тиа-сити стал другим. Точно так же я не знал, что выйдет из затеи с Рейтингом, но объективная, мрачная реальность превращалась в реальность для купола, внутри которого процент возможного менял значение. Приход Мэда стал последним компонентом, запустившим реакцию, цепь дальнейших событий.

Никто из нас, включая Гарри, не был хозяином положения. Хозяином стало нечто невербализуемое, сплетенное из

многообразия ощущений и окончательно не наладившихся связей. Мы помогали друг другу понять то, что, в силу множества причин, в одиночку понять не могли. Эйфория Стар, прищур Гарри, загадочность Мэда настолько далеко отстояли от всего, что варилось в Тиа-сити, что наша особость, избранность не пресекались даже интересом рыжей к джокеру. Стар выглядела так, будто нашла что-то невероятное.

Жизнь разделилась на две половины — до и после мятежа. Крестовый поход на «Тьму на троих» подменил безобидную шутку на войну. Ощущение пребывания на грани распада и нынешнего возвращения с этой границы, обнажившийся скелет Среды, — это нас безнадежно отравило. Наркотик, подсаживающий с первого раза, видение бунта, ударяющая в голову уверенность, что в твоих руках вселенский рычаг. В этом чувстве содержалось нечто подлинное, необузданное и дикое. Если раньше все представляло для меня смутно-враждебную наклонную плоскость, на которой я пытался удержаться, чтобы окончательно не свалиться в выгребную яму, то теперь, несмотря на ступор после психического удара, были «мы» и были «они». Появились полюса, меридианы, система, смысл, направление.

Я попытался обнаружить аналог нашей группы в Сети, но нашел только описание новых луддитов во главе с Рочестером и геймерских команд. Основная часть публикаций касалась KIDS. Множество атак и выпадов, которые я привык считать незаконными, оказались ширмой. Складывалось впечатление, что все, с чем я рос в мертвом городе, побираясь на улице, — это идеальный порядок вещей. Движение сопротивления отсутствовало как класс, и я осознал это только теперь, глядя на размалеванного Робертса, зажигающего своими словами не хуже огнемета. Он был памятником, последним из храбрых, реликтом, не сознающим или не желающим сознавать мощь вирта.

Рыжая скользила туда-сюда по комнате, иногда посматривая на задремавшего джокера. Мне казалось, что она с удовольствием стала бы его телохранителем или любовницей, а, может, снимала мерки для образа в очередном вирт-клипе. Мэд беззащитно свернулся на кровати, неровно натянув на себя одеяло, слегка приоткрыв рот, и выглядел достаточно глупо.

Стар вышла на балкон, я последовал за ней. Волосы, мягкое рыжее руно, ползали по шее и щеке. Узкие скулы, огромные глаза инопланетянина, вмещавшие в себя руины Тиа-сити и проволочное небо, легко стареющее и молодеющее лицо.

— Ты заметил, насколько он красив?

— Да. Есть что-то такое, хотя я не понимаю твоей завороженности, — нехотя признал я.

— Он… — она с трудом подбирала слова, — кажется совершенно чистым. Полностью крадет внимание. Мне нужно узнать о нем все.

— Еще будет возможность, — я усмехнулся.

— Я хочу тебя.

Она выглядела дерзко. В облике было два центра тяжести — огромные глаза и тяжелые ботинки, все остальное представлялось как стержень, не имеющий особого веса. Глаза были наполнены грязным малахитом. Я был уверен, что она снова развернется и уйдет, но Стар вдруг оказалась рядом. Одно движение ладони, пальцами по позвонками, — и она прогнулась на руке, рыжая ящерица, покусывая мои губы и шипя. Мы вдавливали чужую кожу ногтями, губами, острыми костями худых бедер, как будто сомневаясь в том, что они действительно существуют. Кожа саднила от царапин, когда она выскользнула из рук.

— Есть мысли по поводу Реи?

— Есть мысли по поводу тебя.

— Предлагаю порыться в архивах храмов, — раздался голос Гарри из комнаты. — Фанатов много, что-то из их религиозных баек может пригодиться.

Я так не считал, но мешать не стал, размышляя о новой «вилке». Мне не хватало знаний сложных дисциплин — биомеханики, теории волн, но личный опыт с «Тьмой на троих» говорил о том, что психика подвергается необратимым изменениям. Музыка не воспринималась как живой, изменяющийся материал, — она превращалась в сладострастный фон. Творцы вирта могли делать с игроком все, что заблагорассудится. Надежда на запах собственного напалма в мире, нарисованном лучшими вирт-художниками, тяга к скрипу кожи, к звуку тщательно воссозданной флейты или зубодробительному грохоту искусственных штурмов провалилась, обернувшись клеткой, контролируемой незнакомцами. Заповедник испортили еще задолго до того, как мы успели туда победоносно ворваться.

В прежние времена лидирующее положение в организации игрового бизнеса формально занимала CPL (CyberAthelete Professional League), позднее перешедшая в полное владение Корпорации и упраздненная за ненадобностью. Сетевые игры существовали давно, как и виртуальные вселенные, в которых не было нужды соревноваться. Многих последний расклад удовлетворяет — они стремятся стать другим человеком, пусть таким же клерком в мире-дубляже; главное — не собой. Думать чьи-то мысли, жить чьей-то жизнью. Миры-эмуляции разных эпох вроде понравившегося мне Нью-Йорка тоже относятся к этой

категории. Если мир увлекает настолько, что окружающее меркнет, достаточно заплатить за полную подключку, чтобы навсегда забыть о земных развалинах.

Турниры и Рейтинг — закономерное развитие курируемых CPL битв. Ранее они проходили под эгидой компаний-производителей «железа», игр, периферии и были связаны между собой только идеей популяризации игр и участием широко известных игроков. Турниры предназначались для тех, кому необходимо почувствовать противника, подняться на пьедестал, победить. Появилась прослойка профессионалов, зарабатывающих на жизнь исключительно схватками в вирте, — и огромная масса фанатов и последователей. Но никто и не подозревал, какой бум начнется после изобретения Среды.

ИС перечеркнула все остальные развлечения, потому что включала их в себя и давала много больше. У нее не было конкурентов. Постепенно фокус существования переместился в цифровой мир, давая Корпорации полную власть над горожанами. Большинство из тех, кто пытался прорваться в лучшую сотню Рейтинга, стали потребителями и мечтателями, приносящими доход. Корпорация брала плату за аренду игровых уровней, позже у нее появилась собственная армия, а еще спустя некоторое время она вобрала в себя функции правительства. Те, кто выступали против высокотехнологичного досуга, преследовались.

Договор между Корпорацией и игроком символически выражается в покупке ключа. Ключ либо дает возможность играть в течение определенного времени, либо реагирует на падение позиции в общем рейтинге ниже определенной отметки. Как только ты достигаешь нуля, ты вылетаешь к чертовой матери. Выживает сильнейший. Все, как у Дарвина. Стоит тебе опуститься ниже черты, как ты лишаешься возможности проникать в турнирную сеть, на тебя вешают клеймо лузера, былые успехи стирают, а прославленное ранее имя снова доступно в общем котле. Для того, чтобы понять всю трагедию потери Имени, нужно сдать почку и продать жилье ради того, чтобы оплатить за участие в турнирах. Многие после вылета из таблицы осуществляли немедленное харакири. Авторитет в Рейтинге стоит недешево, за ним скрываются обман, дьявольское упорство, фанатичность человека, боящегося снять очки и оказаться в задрипанном сарае. Новичкам оставляют адаптационный период две недели, в течение которого их проигрыши не воспринимаются, потом они не имеют никаких поблажек и преимуществ.

Я впервые подумал, что нам с Гарри повезло, что мы поздно увидели возможности Среды. Она еще воспринималась двояко,

была новой, потому что в урезанном варианте «Гейта» все же захватывала гораздо меньше. Мне хотелось расспросить Стар, но что может дать психодизайнеру Нью-Йорк, слепленный из драных лохмотьев информационной Мекки? Картины, которые можно видеть, пролетая по автостраде на машине с открытым верхом, котел из самых разных рас и народов. Танцующая берберка запрокидывает голову, ярко-желтое платье подается, словно парус. Стриптиз ночных улиц, танго тусклых фонарей, варьете из разномастных торчков, клавиши расстроенного пианино, тихое шлепанье босых ног и везде — стекло. Люди раздеты, в них нет ни железа, ни вирта, и обнаженное, беззащитное безумие непривычно. Этикетки от пива, склянки, газеты с букашками печатных букв, — все это и множество других вещей, которые никто не брал в руки добрые сотни лет. Коричневатые дома, набитые окнами, бешеные зигзаги мостов, алый кордебалет вывесок, черная кожа и сомбреро, джаз, написанный ревом моторов, трубами, переходами, пожарными лестницами, и вода пахнет водой, пахнет кожаными куртками, джанком и свежими металлическими струнами…

— Ты подсел на вирт, — рыжая сверлит глазами, хотя я ничего не говорил.

Пожалуй. На липкие ноты сакса в сыпучем песке ударных. Их имитация потрясала воображение.

— Все подсели на вирт.

Гарри отмахивается, Мэд молчит и рассматривает механического зомби.

— У архангелов есть диаграммы излучений нарушителей. Они никогда не бывают идентичны, а изгнанные геймеры рано или поздно возвращаются, — джокер с интересом поднимает/опускает руку робота. — Архангелы так и работают — либо ловят сразу, либо затем ориентируются на диаграммы.

— Думаешь, наши диаграммы записали?

— Не исключаю.

Архангелы прореживают анархический хаос Среды. Их не интересует ничего кроме попыток сломать правила, они обладают полномочиями и данными, чтобы наказать за это. В ситуации, когда никто не обращает внимания на госконтроль, резвясь в ИС, достигать своих целей нетрудно. За свежим ветром Среды стоят незримые гончие. Они незаметны до тех пор, пока не возникает нужда вмешаться, а потому никто не знает, где они находятся и как выглядят. Периодически кому-то выжигает мозги за их проделки, а за другими приезжает сине-белая машина лаборантов Корпорации. Ты смотришь вокруг, видишь искусственных людей и не знаешь, кто из них, — архангел. И не узнаешь, пока тебя не

схватят.

— Я кое-что нашел, — махнул рукой священник.

На многих иконах геймерских лжерелигий Реи изображают в круге пламени с развевающимися черными волосами и в древнеиудейском одеянии. Шэо уважают воздействие Реи на мир Сети, поэтому периодически поминают ее в своих листовках. Фанаты и неудачники, проигрывающие турниры, изощряются в поклонении, забывая о здравом смысле. Практикуются и нападения на алтари других идолопоклонников-еретиков, благо в Рейтинге достаточно фриков на любой вкус. Например, два года назад произошла серьезная потасовка, возникшая после поражения Реи в мотогонках — раздосадованные фанатики попросту взорвали келью, где зажигали свечи в честь лощеного Рейдера. Пожалуй, это последняя акция, переместившаяся из Сети в реальность, если не считать Трэя Робертса.

Если утверждение джокера было правдой, то Реи легко находить нарушителей — ей доверяют. Сведения, которые мы обнаруживали, давали прямо противоположный эффект — не развенчивали миф, а стремительно увеличивали уважение. Записи боев подтверждали статус. Славилась она и дурным характером, постоянными стычками с Рейдером, носившими характер бытовой неприязни, кое-где упоминались ее нетрадиционные вкусы. При этом внешний вид Реи в Среде отличался редкостной естественностью, ее лицо было простым, скучным даже, разве что темные глаза могли считаться интересной деталью. Если верить биографии, Реи являлась потомком орбитальных колонистов, девочкой с Луны-2, поэтому заподозрить ее в слабости или служении властям не смог бы ни один скептик.

Соль истории в том, что еще задолго до войны с сейрами на Земле существовали проблемы с перенаселением и недостатком ресурсов, поэтому был запущен эксперимент — орбитальные колонии, способные обеспечивать себя простыми продуктами питания за счет сельского хозяйства на станции-торе. Дорогая и опасная затея. Население колоний должно было работать над выделенными правительством проектами, касающимися исследования космоса, осваивать ловлю и потрошение астероидов с помощью допотопного тогда космофлота, осуществлять опасные исследования, которые нельзя было проводить на Земле, и служить авангардом для выдвижения человечества на все планеты Солнечной системы. Колоний было построено три, каждая по своим чертежам, с несколько различающимися конструкциями, чтобы выяснить, какая подойдет лучше; у каждой — свои строители, спонсоры и планы. Солнечная энергия, искусственная

гравитация, специальные виды растений, — туда отправили массу людей, в основном, ученых и утопистов, желающих открыть новые горизонты. Недостатка в желающих не было. Особенно в колонии рвались те, кто хотели построить новое общество равных, автономию, страну-рай. Никто не разубеждал их в том, что это возможно.

Единственное, что получилось, как надо, — это город под куполом на Луне, остальные проекты не окупились, поэтому правительство вскоре начало эксплуатировать население дрейфующих на орбите колоний, заставляя их вкалывать и участвовать в сомнительных делах в обмен на поставки воды, недостающие ресурсы и оборудование. Обратно их никто переселять не спешил. Вначале жители пытались поднять бунт, но после нескольких дней на грани смерти от жажды население двух колоний — Благоденствия и Восхода — смирилось с положением дел, купив себе жизнь, но полностью лишившись каких-либо прав. Третья колония оказалась крепче — основатели Луны-2 словно подозревали, что произойдет нечто подобное, поэтому подстраховались биологическим оружием, которое грозились распылить в атмосфере Земли. Не помню, как точно обстояли дела, но правительственный эксперимент как раз и включал в себя разработку новых видов оружия, которые на Земле исследовать было опасно. Военные Луны-2 взбунтовались, когда узнали, что их хотят цинично нагнуть. Обоюдный шантаж длился месяцами, видео с лицами щербатых оборванцев с Луны-2, выставляемых террористами, гуляли по инфоэкранам.

Когда разразилась война с инопланетянами, оставлять очаг бунта стало недопустимо, и правительство рискнуло, с помощью быстрой операции зачистив всех кроме маленьких детей, не способных запомнить, что случилось. Детей переправили на Землю, чтобы вырастить из них солдат или рабочих. Одной из них была Реи. Такая версия событий исключала причастность Реи к любым проектам Корпорации. Она оставалась черной лошадкой, одиноким воином Среды.

Священник был в восторге от темноволосого копа. Он обнаружил образец чисто отлитой лжи, на которой нельзя разыскать швов, и чувствовал себя посрамленным. Энергия Гарри не заканчивалась, он не хотел ни есть, ни спать и загрузился спидерами. Бывший священник дирижировал поисками, вынашивая план войны.

Мэд потянулся, расправил тощую спину:

— Когда турнир?

— Завтра.

— Нужна тактика на четверых или возможность искажать

время в Среде.

Мы сели изучать карту. Джокер слушал, что говорила Стар, Гарри тренировался убивать ненастоящих людей.

— Голова раскалывается, — рыжая впилась пальцами в кожу на висках.

Карта была довольно крупной и представляла собой площадку в стиле индустриального футуризма, на которой возвышались обрубленные сверху колонны-трубы. Огромное количество объектов и путей к финишу. Гарри, правда, это не заботило — он прикинул несколько маршрутов и расплылся в кресле, делая последние затяжки перед погружением в Среду.

Джокер воткнул «вилку», рыжая последовала его примеру. Я направился в ванную, вылил себе на голову немного холодной воды и тоже прыгнул в кресло.

Три.

Орду мы с Мэдом увидели, когда свернули в сторону рынка. Я отпрянул за угол, дернув за собой джокера. В этом месте сектор изгибался, давая место площади, обведенной покинутыми многоэтажками. У площади наверняка была бирка, но мы называли ее Рыжей Плешью, потому что покрытие домов проели токсичные осадки, из-за чего оно приобрело цвет застарелой ржавчины. Сверху Рыжая Плешь напоминает высохший цилиндр канализационной трубы. Грязно-коричневые стены обильно запятнаны яркими полотнищами инфоэкранов. Плешь служила местом слияния трех улиц, хотя центром я бы ее не назвал — примерно одинаковое расстояние вглубь города от Трэма и Косы. Площадь была запружена луддитами — «ордой», как они себя называли, что намекало на возможность смести техногенные нарывы и втоптать плоды прогресса в грязь.

— Ты посмотри, здесь Рочестер! — воскликнул Мэд.

Мы с джокером честно признали полный разгром в затее с Реи уже на первом часу игры, поэтому оставили Стар и Гарри наедине с черноволосым копом и отправились за запчастями для следующей затеи. Мэд сказал, что знает, как обыграть Реи, хоть этот способ и нечестен. Я не собирался побеждать с помощью обмана, но проверить гипотетическую возможность такого трюка было интересно. В итоге я, джокер и механический зомби нарвались на крупнейшее людское скопление за последние десять лет.

Рочестер, как и говорил Мэд, стоял посреди площади. Он молчал, скрестив руки на уровне паха и опустив тщательно

выскобленную голову. Черный блестящий плащ выделял его среди окружающих — предводитель новых луддитов был рожден для камер, Сид Вишез новой эпохи. Он отрицал все, на что остальные молились, — генную инженерию, биологию, теорию эволюции организмов, развитие технологий, сеть, компьютерные игры, офисную структуру, морфинг, церковь, психодизайн, эскапизм и язычество. Его окружала толпа в тысячу человек, каждый из которых был вооружен. Рочестеру исполнилось лет тридцать, но все из того, что он презирал, он попробовал. Предводитель ненавистников вирта и автоматизации — анархист среди мира, выжившего только благодаря технологиям; воплощение абсурдности. Я видел пару выступлений — гедонист, псих и фанатик, при этом его рассудительность ставит в тупик. Он считает, что если в должной мере развить врожденные способности к телепатии, контроль, силу воли, можно выключить любой рычаг, взорвать любую бомбу. Последняя публичная фигура, лежащая вне диапазона Среды.

Мэд изучал Рочестера:

— Что они собираются сделать?

Хотел бы я знать. Луддиты были неплохо экипированы, хотя стволы собирали по трущобам — старый огнестрел, разнотипные гранаты, генераторы помех. Тем не менее я не сомневался, что все это сработает. Орда пригнала и разрисованные граффити бульдозеры, оснащенные снятыми с небольших космических челноков пушками. Что-то они уже снесли, потому что на площади валялись обломки; дула были направлены в сторону улиц. С другой стороны Плеши за происходящим наблюдала группа байкеров, не торопившихся присоединяться к карнавалу. Они нервозно переговаривались. Мы проскользнули за будку на краю площади, и я разглядел у собравшихся сканеры движения и передачик, по которому можно вести прямую трансляцию в сеть. Что бы они ни задумали, наблюдение их не тревожило.

В последнее время луддиты ограничивались мелкими выходками по демонтажу оборудования фабрик и пакостями в космопорте. Я воспринимал это как хобби нищих без воображения, но оказалось, что они продолжали ждать в подполье воняющего горячим асфальтом Тиа-сити. Подозрение усилилось, когда среди каши людей Рочестера я заметил фрагментированных. Они мало знали и помнили о мире после перенасыщения образами Среды, — люди с разбитой памятью, не способные самостоятельно добраться до дома. Фрагментированные селились на отшибе, со своими друзьями или теми, кто заботился о них за сомнительные услуги. Их нельзя назвать глупыми, но использовать сломанных Средой для чего-то

кроме простых поручений нельзя.

Я кинул взгляд на Мэда, собираясь предложить ему уйти, и тут же понял, что никуда не двинусь. Нечасто видишь, как кто-то пытается атаковать массивный костяк реальности. Знак невидимой порчи сразу же завис и над нами. Рочестер продолжал стоять, разглядывая скрещенные руки. Воздух бурлил, впитывая в себя многообразие запахов. Из коридоров улиц вылетело пять флаеров с установленными «гарпунами» — я видел такие на пиратских кораблях, охотившихся на инопланетных животных. Но что за зверей собрались ловить луддиты?

Джокер достал панель, не торопясь раскатал ее и начал шерстить новости. Пальцы уверенно вывели на жк-пленку блоки текста, уголок губ вытянулся в половинчатой усмешке.

— Знаешь, а ведь они хотят организовать восстание. И похоже, что виноваты в этом мы.

Я огляделся. Ржаво-рыжие стены зданий заканчивались у облаков, лишая горизонтальной перспективы. Мы находились в засоренном сливе, жижа тумана медленно кипела в устьях улиц. Скоро должна была наступить ночь, и небо приобрело розово-коричневый цвет. Джокер спрятал панель и приник к стеклу будки.

Из окна находящегося напротив нас здания высунулся человек, крикнул что-то, размывшееся во влажном воздухе. Рочестер разогнулся, махнул рукой, и толпа медленно поползла в сторону. Мэд посмотрел на меня — ему не хотелось показаться трусом, но спрашивать, что делать, он тоже не мог себе позволить. В тот момент, когда я решил его уколоть, в соседнем сооружении красиво рвануло.

Ржавь брызнула в стороны, словно крошки сломанного сухаря. Крепкие еще секунду назад стены дрогнули, хлопнули, будто картонная коробка, а потом безымянный дом накренился и осел. Он стонал, скрежетал, шатался, наваливался на соседнюю многоэтажку. Волна душного воздуха и мелких камней накрыла площадь, вздулась и, ухнув, ушла частью в отроги улиц, частью вверх, испугав мелких, мутировавших от отходов города птиц. Будка задребезжала, со всех сторон звенели стекла, хрустел пластик, стучали тяжелыми каплями осколки падающего кирпича. Локальный армагеддон парализовывал — слипшиеся друг с другом жилые башни затеяли противоестественные танцы.

Вам приходилось совершать что-нибудь по-настоящему необратимое? Я не говорю о течении времени, было бы чересчур просто присвоить себе чужие заслуги. Тот, кто нажимает на кнопку и стирает планеты, мог бы ответить «да», но жители Тиа-сити никогда не стирали планет. Главное — не озвучивать эти

моменты, пусть им аккомпанирует моя собственная музыка мировоззренческого метастаза.

За первым взрывом последовал еще один — жилые соты были безжалостно стерты. Я не мог разглядеть Рочестера в сумятице бегущих от падающих этажей тел, но был уверен, что он находится там же, где стоял раньше. На небе пламенели шевелящиеся фракталы, цвета смолились и сгорали, мимо пронеслись испуганные байкеры. Все выглядело потрясающе. Джокер поднялся, пытаясь сориентироваться. Кажется, его немного контузило.

— Вот и ходи на рынок, — сообщил он.

Никогда не думал, что разрушение само по себе может быть таким отрезвляющим. Освобождение от страха, традиции, денег, представлений, даже от самого себя. В жизни не так много моментов, когда ты чувствуешь себя чистым, без примесей неуверенности или рассудка. Это был как раз такой момент. Мэд, весь в пыли, поедал глазами деструктивную поэзию Рочестера, и после этого я ни разу в нем не сомневался. Что касается меня, то в голове гулкими локомотивами проносились непристойные по силе желания.

Луддиты пробили коридор между соседними пространствами; через дыру, в которой оседали руины, можно было видеть другую улицу. Через миг ней тоже начали взрываться дома, стекая вниз изуродованным потоком покосившихся окон, цепная реакция все не кончалась. Бродяги нас обходили и забивали пробкой улицу. Хруст под их ногами рикошетил от оставшихся стен. Еще немного — и уйти будет проблематично.

— Пора сваливать.

Мы затесались в толпу, неохотно поддаваясь инстинкту самосохранения, а в проломе сзади грохотало, оставляя вместо стен осевший хлам. Узкие и длинные флаги луддитов зло чертили небо.

— Они здесь!

Взревели бульдозеры, масса пестрой, страшной и веселой волной стала покидать площадь, концентрируясь у выходов. Все завращалось и загремело. Водители начали разгоняться, пешие рванули вперед, затрещали очереди. Одна из пушек неровно блевала огнем, снаряды исчезали в кишке улицы. Сверху завизжали флаеры, один из них срезал совсем рядом и завис над будкой.

— Нед Лудд! Нед Лудд! Нед! Лудд! Нед! Лудд! — по нарастающей орали стоявшие около Рочестера боевики.

Они рявкали эти слова отдельно, свирепо, непримиримо. «Нед Лудд» превращалось в нечто дуальное, как «добро-зло»,

«свобода-смерть», «ложь-истина». Выкрикивая имя давно позабытого человека, Рочестер уверенно шагал на пули. Кого бы ни послали против орды, я не подготовился к встрече.

— В дом! — я подтолкнул Мэда и огляделся по сторонам.

Бежать к пролому было слишком долго. Я вскочил по ступеням к двери подъезда, наискосок вышиб ногой исщербленный царапинами пластик окна на первом этаже, поджался — и прыгнул в дыру, надеясь проломить остатки в полете. Джокер оказался внутри спустя несколько минут, разодрав край пальто. Понадеявшись на то, что взрывать дом с этой стороны луддиты не собирались, я перешагнул через отсыревший матрац, оказался в оклеенном прокисшими обоями коридоре, затащил внутрь зомби и как следует закрыл дверь.

— На крыше показываться не стоит. Сюда они шарахнут упреждающим. Нужно валить в середину дома, пробраться по чердаку и спуститься где-то этаж на восемнадцатый…

Дом выглядел древним, однако я знал, что это обманчивое впечатление — в последнем нужнике Тиа-сити обязательно кто-то живет, обманув блокировочную систему. Сзади зашипел кипящий пластик. Кто-то задел окно струей огнемета, но промозглые простыни, поросшие полупрозрачными грибами, даже не загорелись. Около лифтовой шахты должны быть выходы на улицы — балконы-ниши, маленькие и неудобные. Я оставил квартиру, побежал по лестнице вверх, не рискуя заходить в боковые ответвления с темными прямоугольниками квартир; джокер следовал за мной, крепко сжимая в руке рулончик панели. Зомби я пустил вперед, чтобы избежать ловушек, — он издавал достаточно шума, чтобы привлечь чужое внимание.

Снаружи сталкивались гигантские жернова. Дом отражал войну неровно, шум искажался, пробегая по шеренге порченых влажных комнат. Душный воздух, насыщенный спорами плесени, доносил всхлипы, миксуя выкрики луддитов. Коридоры и лестницы шинковали протяжный гул пушек, стрекот очередей, визг пуль, странное сипение. Здание ходило ходуном. Мы вывалились на площадку на двадцатом этаже, стараясь вдохнуть как можно больше пыльной взвеси, замещавшей кислород.

— Смотри!

Я достал пистолет и наклонил голову вбок, чтобы разглядеть с балкона то, что происходило внизу. Если Рочестер умел с помощью силы мысли передвигать астероиды или устраивать потоп, ему следовало поторопиться. Со стороны космопорта приближался боевой челнок Корпорации, а от центра города ехал отряд броневиков. Я даже не знал, что такие случаи предусмотрены. Прозорливость Корпорации вызвала приступ

агрессии, хотя луддитам я никогда особенно не сочувствовал. Жаль, что не поставил импланты — можно было бы увеличить изображение и следить за боем. У Мэда их тоже не было, поэтому он снова достал панель, выводя на нее изображение со спутника. Стена дрожала.

— Это же КЕ… — неуверенно сказал джокер. — Не роботы и не полиция.

На экране пиксельный Рочестер отбивался от фриков, запрыгивающих на бульдозер. Это были обыкновенные модифицированные ищейки вроде тех, что раньше гонялись за нами с Гарри, — наемники, статисты. Луддиты пытались выпотрошить любителей Среды в судороге новорожденной гражданской войны.

— Все ясно. За Рочестера объявили награду.

— Шакалы, — сплюнул я. — Спустимся ниже.

— Стой, — джокер поднял голову. — Грайнд, там сейры.

На небольшом экране инопланетники теснили бульдозерную шайку. В полном боевом облачении, хорошо знакомом по видео времен войны, сейры медленно двигались в дыму отравляющего газа, вырубая бунтовщиков. Гиганты действовали умело и быстро отсекали сопротивлявшихся. Их походка и движения были абсолютно чужими. Пушка опять зарокотала, после вступил треск автоматов. Сверху я видел вспышки и крики, структурированную «икру» касок, Те, кто догадались взять маски и противогазы, отступали к развалинам. Там их и срежет боевой челнок.

— Почему корпоративную собственность защищают сейры? — Мэд пожевал палец. — Я не вижу в этом смысла, ведь совершенно очевидно, что ни Земля, ни Венера диктовать им не могут.

— Может быть, это их собственность? — сплюнул я и встретил оценивающий взгляд джокера.

— Развитие вирта кто-то должен спонсировать, и это не жалкие жители Тиа-сити. Стар говорила про проект с инопланетниками…

Я свесился вниз, пытаясь хоть что-то разглядеть, но там клубился мелкий мусор от взрывов, туман и газ. В прорехах между маревом пробегали кучки луддитов. На экране сейры тащили то ли убитых, то ли потерявших сознание и погружали их машины-контейнеры.

— Не могли же они нас продать сейрам!

— Вот черт.

Челнок срезал остатки восстания и дал залп, от которого бульдозеры вмяло в землю. Пальцы на рукояти пистолета сжимались и разжимались. В свалке нельзя было рассмотреть, что происходило с Рочестером. Броневики развернулись, к ним

тяжело бежали шеренги сейров. Мэд поймал на экран схватку между крепко сцепившимися членами орды и последним отрядом инопланетников. Бродяги залегли за кучей изломанного металла, пользуясь плохой видимостью. Молодой парень в распоротой на спине коричневой куртке кинул гранату, а затем луддитов накрыло очередным взрывом орудий из челнока.

Логически можно было предсказать их крах и понять, что драться означает самоубийство, но я не мог побороть восхищения перед их абсурдной храбростью. Героизм алогичен, он не вытекает из положений и рассуждений, потому что противоречит инстинкту самосохранения. Луддиты из подпольной секты в одночасье превратились в миф, легенду, они вогнали себя в книгу истории неистовым «Нед Лудд!» и старой гранатой. Ступени исчезали под ногами, я бежал вниз, замечая, что каждый последующий шаг дается легче предыдущего. Возможно, я еще не отдавал себе в этом отчет, но я хотел быть там, в гуще, внутри, пустить в ход пистолет. Я хотел стоять и подыхать рядом с ними.

Когда мы с Мэдом вырвались наружу, то наткнулись на горячее озеро тишины. После того, что творилось еще пять минут назад, это шокировало. Челнок улетел, не задерживаясь после уничтожения луддитов, сейры ускользнули, используя знание войны, воспитывавшееся в них с рождения. Мы были единственными живыми существами на разодранной Плеши. Мэд молча направился к побитой кабинке выхода в Сеть.

— Что ты делаешь?

— Вызываю такси.

Потом мы стояли у витрины, рассматривая синие и зеленые таблетки. В воздухе стоял кислый запах пальбы.

Четыре.

Несмотря на жару, жители Тиа-сити страдают от недостатка витамина D. У большинства нездоровая кожа — бело-серая или бело-синяя, у некоторых — зеленоватая, как будто покрытая плесневым налетом. Люди днями, неделями могут не покидать домов, куда андроиды или трущобные парни доставляют пакеты с полуфабрикатами и искусственной лапшой. Загорелые только рыбаки, нищие, модификанты и космопираты, которых полируют чужие звезды. Я был сыт по горло городом, депрессивными улицами, в кишках которых легко можно спятить, бесконечной ярмаркой, чумным разбазариванием гнилых внутренностей, доставаемых из собственного нутра. Возможно, где-то есть места

хуже, но ничто так не убивает, как бесцветные клетки напротив, ощущение, преследующее тебя, когда ты встаешь, садишься за терминал, отказываешь себе в бесцельном вирт-погружении, снова ложишься, глядя в потолок. Красота Среды меня отталкивала, сейчас ей было не под силу меня соблазнить, потому что в голове стояли клубы дыма, залпы орудий, монструозная пляска битвы-жертвоприношения. Но реальность не торопилась растворить в крови еще немного адреналина, ее нельзя по желанию ускорить. Я походил на голодного, который снова и снова варил кусок кожи в старом котле. Куском кожи служили воспоминания о луддитах — я запилил их до рвоты, до невозможности заснуть.

У меня ныло что-то несуществующее. Мир раскололся, в трещину протекали фантомы из чужих миров. В Тиа-сити слишком долго не происходило ничего честного, ничего смелого, ничего странного, — и вдруг произошло. Звук, неторопливый и суровый, стучался в подкорку. Он стоял над душой как уходящий на войну солдат. Я хотел отправиться вместе с ним, но не мог, потому что меня пришили к постели.

Пять.

С момента прихода Мэда в нашей компании слишком частым гостем стало слово «дружба». Порой оно балансировало на грани катастрофы, концентрируя на себе ожидания и раздражение всех членов группы. Его произносила Стар, гримируя целый спектр эмоций, которые вызывал в ней джокер. Лицо рыжей темнело в углу слепком лунного камня. В сумерках она чувствовала себя комфортно, потому что в полутьме могла безбоязненно изучать чужие лица, не растрачивая социальные навыки на соблюдение приличий. Я не верил, что она не умеет скрывать, — Стар просто не хотела. Сейчас она скользила по плечам Гарри, катаясь на впадине шеи, слегка задерживаясь на изгибах, впитывала каждый из шрамов на его животе. Она накладывала невидимые мазки, смешно шевеля уголком рта. Мне нравилось за ней наблюдать, хотя это порой было больно.

— Клерки продали город сейрам, — священник постучал имплант-пальцами по столу.

— Без Рочестера его можно сдать в утиль.

Стар, Мэд и Гарри не такие персонажи, на которых легко натягивать ностальгическую пленку. Голос рыжей очень резко выходил из массива туловищ, мебели, стен, в который сумерки превращали комнату. Я верил, что мы способны изобрести

панацею, которая исцелит мир. Все вокруг умирало, гнило, крошилось и съеживалось, нужна была инъекция спасительного яда или ураган, что-то непредсказуемое. Город-зной продолжал ультрафиолетовый террор. Системы охлаждения повышались в цене, инопланетники замещали людей в туристических кварталах. Мэд выглядел слегка отмороженным и насмешливым одновременно, неумело, но искренне стреляя глазами в сторону Стар.

— Взломы больше не подходят. Нужно надругаться над Средой, совершить какой-нибудь противоестественный акт, лишающий ощущения безопасности… Мне не терпится ударить Корпорацию под дых, — священник опустился на корточки, устроился на полу. — Выбирая между Рейдером и Реи, я останавливаюсь на игровой богине. Во-первых, у нас старый должок, во-вторых, Реи идеально подходит для урока, который мы собираемся преподать. Особенно хорошо выйдет, если она коп, как говорит Мэд. Это будет блестящий разгром, наглость и беспредел. Идеи?

— Мы не можем соревноваться с Реи в скорости, это факт. Чтобы выиграть пару секунд, ее нужно озадачить. Для этого требуется чуждая логика.

— Что предлагаешь? Можно натравить на нее авгула. Безотносительно эффективности я не откажусь на это посмотреть.

— Нет, — Мэд мотнул головой. — Мысль заключалась в том, чтобы снять психопрофиль инопланетника и заставить кого-нибудь из нас играть через него как через фильтр. Я бы остановился на тебе, Гарри, потому что ты сидишь на ускорителях, как все из топа.

— Что, если Реи сделает наш конструкт? Я видел, как играют сейры — так себе.

— У них другой подход к бою и вирту, — возразила Стар. — Сейров не интересует боевой хаос стандартных игр, он их приводит в недоумение. Как раз поэтому для них разрабатывается специальный сектор на основе нового контракта.

— У тебя должно получиться. Только нужен будет еще переходник — «вилка» не подойдет для управления другой сеткой рефлексов, требуется конвертер. Созданный монстр может не пройти сканирование на входе в турнир, так что придется обеспечить ему эдакий психо-спуфинг, подмену психопрофиля, сглаживание отличий. Сложностей хватает, причем большинство из них прояснится только в процессе.

— Ты забыл упомянуть, что в случае неудачи мой мозг можно будет соскребать с кресла, — заметил Гарри.

— Мне казалось, что такой стандартный риск тебя вряд ли

остановит.

— Да, дичь в моем вкусе, — согласился священник, похлопал себя по карманам, вытащил сигарету и начал рассекать по комнате. — Играть через матрицу сознания инопланетника! Думаю, KIDS самораспустятся, когда мы провернем свое дельце.

Гарри успел зарасти импозантной щетиной. Ему было не до бритья — он пропадал в Среде, но шика не утратил. Даже в моменты отключки, когда он смотрел в потолок, расхлябанная уверенность его не оставляла. Шарм бывшего священника делал мошенничество легким, неизбежным и незаметным. Указать на блеф для жертвы было бы бестактностью. Говоря по правде, я обожал сидящего передо мной сукина сына с теориями о мировом господстве и едкими зарисовками тех, кто попадал под руку.

— Грайнд, справишься с переходником и конвертером? — повернулся Мэд.

— Если ты перестанешь пялиться на мою женщину и сам чем-нибудь займешься, то несомненно.

— Мой опыт невелик, но уверен, ей это нравится.

Показная похвальба джокера меня уязвила. Рыжая бесшумно бродила вокруг вещающего Гарри и вряд ли что-нибудь слышала. Она обхватила бледное тело руками, вцепившись пальцами в лопатки, и полностью погрузилась в себя. Из кармана торчала мятая бумага, маленькая пятка терялась в ворсе гостиничного ковра.

— Что касается атаки, — продолжил джокер, — то, чтобы подстраховаться, можно использовать фрактальные ловушки. Это старый трюк, популярный на заре Среды, но при правильном подходе сработает и сейчас. Знаешь, что такое бассейны Ньютона?

— Место в Центре, где купаются богатые парни?

Следующие две недели я без остановки изучал книги по биомеханике, сборник протоколов передачи мозговых колебаний и техническое описание матрицы сознания сейра, которое переслала мне Стар. Часть данных оказалась знакомой, но многие разделы касались гораздо более тонких областей. Возникающие вопросы тянули за собой множество других, оставляя перед тупиком и собственной ограниченностью. Количество входов и выходов у «вилок» для сейра и человека отличалось, еще нужно было разобраться, по каким законам передается информация, чтобы избежать искажений и добиться прозрачной циркуляции данных в обоих направлениях. Это тебе не «джэк» перепаять. Особенно меня волновала обратная связь — я не был уверен, что смогу сделать так, чтобы Среда, воспринимаемая сознанием

сейра, адекватно виделась Гарри. Безопасность таких экспериментов тоже страдала — и уровни сигналов, и их кодировка, и протоколы передачи не совпадали. Данные Среды перерабатывались кодеками в «вилке» сейра, т. е. координаты и импульсы, воздействующие на мозг, кардинально различались. В лучшем случае Гарри ничего не увидит либо увидит и услышит шум, в худшем сигнал окажется не подходящим для него и нанесет вред. Это была задача для ученого, а не для парня, который самостоятельно учился всему в мастерских Тиа-сити.

Сказать о проблемах напрямую мешала гордость, поэтому я жег глаза в Сети и сновал по трущобам, по кусочку складывая представление о том, с чем предстояло иметь дело. Полностью изложить задачу я никому не мог, чтобы не запалить грядущий взлом, так что приходилось изворачиваться или представляться дурачком. Такое поведение не добавляло друзей и не позволяло получать полноценные ответы. Рожеклей скрывал лицо, но трущобные мастеровые не такие глупцы, чтобы пытаться обманывать их дважды. После происшествия на Бойне и расстрела луддитов я перестал верить в слепое везение.

Общую задумку можно описать так: «вилка» Гарри через переходник подключается к станции, на которой работает эмуляция сознания сейра. Конвертер на плате (ее должен сконструировать я) перерабатывает сигналы от Гарри в формат матрицы сознания сейра и обратно. Помимо того, что весь поток данных Среды проходит через эту цепочку, необходимо обеспечить возможность управлять лже-сейром с помощью команд со стороны Гарри, а не через приложение для тестеров Корпорации. Т. е. слить сознания, довести зазор до минимума, чтобы позволять брать контроль над игрой то искусственной копии сейра, то человеку. Такая разница реакций в теории позволяет создать персонажа, который реагирует крайне неровно, хаотично, но результативно, однако на практике может породить проблему управления и сделать всю эту кучу трудов бесполезной. Мы планировали ускорить Гарри и сделать его непредсказуемым, но конструкт вполне мог оказаться неуправляемой развалиной. Все, связанное с объединением сознаний, ложилось на Стар. Она же собиралась выкрасть психослепок разума инопланетника.

Следующий шаг — это интеграция со Средой. Джокер прикрывает наш зад и маскирует получившийся гибрид под обычного игрока-человека, чтобы не вызывать лишних вопросов. Требовалось также написать фильтр пакетов, подменяющий технические характеристики оборудования, и обеспечить корректный выход в случае атаки архангелов. Было бы обидно получить разряд уже после того, как Реи оказалась повержена.

Что касается Гарри, то ему предстояло все эту структуру опробовать на себе, научиться управлять лже-сейром, войти в Среду и порвать Реи в клочки. Есть, где развернуться.

На время подготовки мы с Гарри несколько раз переезжали — отель больше не внушал доверия. Последним пунктом остановки стала заброшенная квартира недалеко от катакомб. Ночью рядом с домом шатались мутанты, но ни я, ни Гарри зря не высовывались. Иногда они шастали и внутри дома, разыскивая, чем поживиться, но вход был хорошо изолирован. Гораздо больше напрягали фрики КЕ низшего эшелона, периодически погружавшиеся в катакомбы в поисках мутантов, годных для продажи. Я рассчитывал на то, что в унылых домах, где мы обосновались, было достаточно попрошаек и мелких преступников, чтобы мы не выделялись. Оружие я старался не снимать.

Пальцы женщины из Корпорации заскребли дверь как раз тогда, когда я дошел до предела. Она села на стол, оглядывая новое жилище.

— Я принесла копию.

Время пошло иначе. Стар была светофильтром, который менял восприятие картинки. Гарри оторвался от станции, здороваясь с рыжей, закутанной в черную рубашку. Огненные волосы Стар обтекали лицо, подчеркивали огромную величину темных зрачков, рисовали на поблескивающей ткани изогнутые линии. Ее улыбка была приветливой и ранимой.

— Как ты это сделала? — поинтересовался священник.

— Попросила для работы, скопировала, затем отправила с помощью Мэда. Во всем, что касается шифрования и пряток, он вызывает мою зависть. Хотя в случае работы с Корпорацией доверие стоит больше.

— Похоже, тебе нравится обманывать чужое доверие.

— У всех есть хобби.

Пока Гарри сливал копию сознания сейра на станцию, мы перекинулись парой слов о Мэде. Он снова окопался в своей крепости — правила социализации давались ему туго, но он крайне скрупулезно подходил к анализу всего, что мы говорили или делали. При этом в вещах, касающихся жизни города, джокер часто оказывался беспомощен.

— В последнее время он слишком нахален, — хмыкнул я.

— Вряд ли у него большой опыт непосредственного общения. Но когда он решит, что изучил закономерности, наверняка выступит против и свалит.

— Ты сама только что свистнула разработку из-под носа своих коллег-психодизайнеров. Только не говори, что там никто

тебе не симпатизирует и ты никого не обвела вокруг пальца, — потянулся священник. — Из приятелей вырастаешь, как из одежды. Главное, чтобы Мэд не взбрыкнул до того, как мы закончим дело. Он неплох, но вряд ли способен что-то создать. А зачем нужны люди, не способные ничего создавать?

Гарри поджег сигарету, ожидая выпада, но Стар не разозлилась.

— В нем есть что-то, что меня беспокоит. Равновесие, невинность, хрупкое и болезненное высокомерие, которое легко оборачивается доверчивой вылазкой. Он похож на молодого неопытного божка. Не на человека, а на символ чего-то непостижимого и в то же время крайне простого. Я бы отдала все на свете, чтобы он никогда не взрослел.

— По-моему, ты хочешь сделать его нестареющим манекеном, который будет постоянно радовать своей неопытностью, — я вспомнил «Unser».

Стар не нашлась, что ответить.

— Слушай, — затянулся Гарри и с интересом посмотрел на нее сквозь сощуренные глаза, — а ведь вы с Грайндом очень похожи. Вот только он думает, что где-то есть волшебная страна или город, где все не так, куда можно уехать, хотя никуда уехать на самом деле нельзя. А ты принимаешь немоту за знак наличия глубокого содержания. То, что Мэд не умеет выражать свои мысли, вовсе не означает, что внутри него скрываются духовные бездны. Это как окна, на которые таращатся нищие. Пускающему слюну бомжу кажется, что за светящейся занавеской течет насыщенная жизнь, но если ее отдернуть, там окажется такой же, как и он, подыхающий от скуки перед пыльным абажуром. Твой идеализм тебя не красит, Стар. Я уже привык думать о тебе в ином ключе.

— Это не идеализм, а археология. Мне кажется, что с помощью Мэда я могу заново открыть исчезнувшие вещи. Мы не знаем, что такое дружба, преданность или восстание. Эти слова придумали тысячи тысяч лет назад, с тех пор они потеряли изначальный смысл, и мы не живем в том времени и окружении, которое требуется, чтобы его заново понять. Среда уничтожила суть слов, мы по привычке используем их кожуру. Когда я вижу Грайнда, мне кажется, что слова не нужны вовсе. Когда я вижу Мэда, мне кажется, что я нахожу что-то, давно в этом городе утерянное. Он как ключ, который возвращает им вес.

— Например, слову «секс»? «Трахаться»? — поднял бровь Гарри. — Надеюсь, эти слова приходят тебе в голову, когда ты видишь меня. Хватит прятать животную тягу к пацану из Центра под идеологическим веером. В нем слишком много прорех, чтобы

тебя как следует прикрыть.

— Слово «трахаться» приходит мне в голову и когда я вижу его, и когда я вижу Грайнда, и когда я вижу тебя, и когда погружаюсь взглядом в собственное отражение, и когда обнаженные женщины с центрального проспекта машут мне руками. Вряд ли можно меня так легко смутить. Я переплавляю неудовлетворенные желания в психодизайн и — да — это чертовски приятно. Но помимо погони за эйфорией есть вещи поважнее. Секс пуст, он не способен связывать людей, над ним всегда должно быть что-то еще. Прикосновение не всегда означает желание. И тебе это прекрасно известно. Каждый чувствует приятный намек на нереализованные возможности, периодическую тягу к разным людям.

— Допустим, — нахмурился священник. — Но наверняка тебе сейчас кажется, что ты защищаешь от нападок Мэда, а не себя. Это очень мило и подходит под твое определение «дружбы».

— У тебя есть другое?

— Стремление к четким определениям разрушает, — священник стряхнул пепел. — Ты не думала, что некоторые слова лучше не произносить? Пусть даже мы способны лишь на дискретные, моментальные переживания — что с того? Это дает большее поле — сейчас мы на грани психологической иглотерапии, а завтра, как ни в чем ни бывало, будем доверчиво разглядывать друг друга или закрывать телами от пуль. Предательство стимулирует так же, как и привязанность.

— В твоем случае — да. Если перестанешь создавать себе ситуации-допинг, сразу остановишься. Так что постоянная и непредсказуемая опасность тебе только на руку. Ведь хирург, который тебя изрезал, был твоим другом, верно?

— Ты злоупотребляешь словами, Стар. Охотники не дружат. Так или иначе, а тебя предательство простимулирует не хуже. Из боли ты создашь еще больше уровней, а из воспоминаний настрогаешь потрясающие образы. Мне не хотелось этого говорить, но у нас с тобой тоже достаточно общего. Ты ведь сейчас нас рисуешь, а? Сколько уже накопилось материала? Где ты его хранишь?

— Ты ошибаешься, Гарри, — рыжая сжала плечи ладонями. — Я не хочу делать из вас пластиковые сувениры. У психодизайнеров короткий срок годности, но с вами мне нравится чувствовать, как в голове что-то рвется. Поэтому я рисую. Не использую вас, чтобы рисовать, а рисую потому, что это единственный доступный мне способ говорить важное.

Она прикоснулась к бывшему священнику — мягко, словно пробуя температуру воды перед тем, как нырнуть. Гарри не

оттолкнул ее, примирительно усмехнулся. Через пару минут разговор был забыт. Стар стояла, прижавшись спиной к моей груди, и рассказывала веселый вздор об особенностях восприятия сейров. Нас несло по синусоиде подъемов духа и спадов настроения при осознании того, что мы — всего лишь трущобные самоучки. У каждого минуса был плюс, а перепады в конце концов начинали звенеть гипнотической музыкой, внутри которой мы проходили друг сквозь друга, успевая обольщаться, разочаровываться, привыкать, приходить в ужас, испытывать отвращение или радость в течение обмена парой фраз. Ее низкий, джазовый голос успокаивал; я привык воспринимать его как второе «я», шуршащее в глубине черепной коробки.

— Про KIDS все ясно. А что, если после таких проделок нами заинтересуются сейры? — Гарри прищурился, спрашивая, скорее, самого себя.

Я вспомнил, как легко сейры подавили стихийный выпад луддитов. Воспоминания о прошедшей войне — всего лишь медийное событие, в нем не было ничего от моего личного опыта. Я родился после нее, поэтому никакой ненависти к инопланетникам уже не чувствовал — они заключили выгодную сделку, которую им предложили дельцы из Центра. Странно, что худшими в любой истории всегда оказываются не «другие», а такие же, как ты.

— Не знаю, что могут сделать сейры, но мне кажется, что единственные инопланетники здесь — это мы.

Шесть.

Пахло золотом. Скрипки резали барабанную перепонку в клочья. Гортань и уши истекали мягкой, волокнистой кровью, из носа катились темные капли, похожие на расплавленную печать. Рыжая воткнула пальцы в искусственную кожу, отрывая куски клея. Вместо ее глаз я видел следы прямых попаданий. Она спросила, откуда я родом и кто мой отец, но если бы ответил, у меня появилась история. А я не хотел иметь истории.

Семь.

KIDS и джокеры никогда открыто не враждовали. Образование KIDS пришлось на времена бурного развития Среды — тогда мелкие группы хакеров с восторгом начали ломать незащищенные вирт-вселенные, что повлекло за собой ужесточение правил, быструю коммерциализацию и создание службы-противовеса. Фрактальные ловушки, спам-радуга, сетевые дыры и накрутка Рейтинга с помощью петли — все эти шалости родом из старых времен. Однако настоящее внимание хакеры вирта привлекли штурмом и захватом пустого Инсилико — улучшенной копии Тиа-сити с гигантскими подводными локациями — прямо перед запуском.

Инсилико сочетал прошлое и будущее, заимствуя части разрушенных войной городов и изобретательно объединяя их с тем, что представляла собой столица Земли в действительности. Каждое здание, машина, бар, башня функционировали, хотя и не без характерных для новинок изъянов. Дирижабли медленно плыли над зеленовато-серыми волнами залива. Хрустальные небоскребы Центра буравили облака. Корпорация собиралась презентовать Инсилико в годовщину окончания войны с сейрами, сопроводив продажами «вилки», однако руководство не учло последствий собственной жадности. Они многое обещали каждому из разработчиков, но после окончания проекта поставили перед фактом невыполнимости желаний (тогда Корпорация еще не обладала полной монополией на информационные услуги, так что ей приходилось лавировать), и оказалось, что одного человека вполне достаточно, чтобы погубить планы менеджмента. Тревора Айна в дальнейшем канонизировали шэо — он считал, что во времена, когда реальный город представляет собой руины пополам с ветхими лачугами и складами, искусственный идеальный город, в который он вкладывался, должен быть свободным, служить обещанием восстановления нормальной жизни.

Узнав, что виртуальный город предполагается продавать (и по весьма высокой цене), Айн был взбешен — за две недели до премьеры он выложил ключи на доске хак-группы MI6, где любой мог свободно ими воспользоваться, собрал вещички и купил билет на Венеру. Уже на следующий день пустые улицы Инсилико заполнились страждущим народом. MI6 оккупировали тестовую площадку, запретив доступ с полномочиями выше пользовательских, и начали обживать город. Под громогласные

заявления представителей Корпорации хакеры заселили здания, захватили вертолеты и катера, отстреливая тех, кто пытался пробить заслон. Они разукрасили улицы лозунгами, нанесли на дирижабли анархические и непристойные знаки, взорвали и закатали в землю деловой квартал, устроив там гигантскую площадку-колизей для сражений боевых роботов, выпустили из зоопарков зверей и показательно сожгли офис Корпорации, отметив это действие масштабным маскарадом. На второй день захвата правление прекратило попытки виртуального противостояния и выключило сервера, но было поздно — копию виртуальной Вселенной уже переместили на машины MI6, поэтому любой желающий мог присоединиться к феерии. Плавающие строки с провокационными фразами — это привет родом из тех лет.

На третий день Корпорация молчала. Затишье встретили ликованием и еще одним раундом оживленных выступлений. Казалось, что владельцы города должны пойти на уступки, однако вечером виртуальный карнавал закончился силовой операцией внутри Тиа-сити. Жестокие полицейские рейды фактически уничтожили группировку MI6 и самых активных участников взлома, сервера были изъяты, участники бунта расстреляны в соответствии с законом об охране частной собственности и, хотя копии копий уже разошлись по Сети, крупномасштабное использование Инсилико завершилось. Тревору Айну удалось беспрепятственно достичь Венеры, где он разглашал все, что знал, о проекте, но спустя несколько месяцев он скончался от сердечного приступа, а его бесплатные вселенные закрылись «из-за недостатка финансирования».

В результате неожиданного нападения корпоративной армии, имеющей полицейские функции, большинство крупных хак-групп было обезврежено или находилось на грани развала из-за отсутствия самых активных членов. Кому-то заплатили, кого-то припугнули, кому-то пообещали гарантии в Корпорации, к кому-то вломились домой, большинство же просто убили. В итоге промышлять кражей паролей или атаками определенных точек Сети для хитрецов стало невыгодно — весь бизнес постепенно сосредоточился в рамках Среды или был косвенно связан с ней. Как пояснила Стар, у хакеров оставалось два пути — либо работать на Корпорацию, либо организовать жесткую сетевую структуру, способную контролировать действия одиночек, защищать их и заодно полностью монополизировать преступную деятельность. Самой прибыльной и простой статьей для хакеров была торговля ворованными ключами доступа, дальше шла маскировка проштрафившихся игроков на турнирах и

разнообразные заказы частных лиц. Для Корпорации практически не было запретных дел, так что личных заказов у хакеров появлялось немного. Постепенно, в ходе различных смягчающих договоров с Корпорацией KIDS мутировали в отдельное охранное подразделение конторы. Они сохранили свою специфику и все еще занимались незаконной деятельностью, но при этом их сдерживала связь со Средой и зависимость от нее. Ни одна из выходок KIDS не приносила настоящего вреда ни Среде, ни компании.

Джокеры — редкие мастера, навыки которых так высоки, что позволяют им существовать самостоятельно, не вступая ни в альянс с Корпорацией, ни в союз с KIDS. Им не нужна защита, потому что они сами могут ее обеспечивать и таким образом скрываться одновременно и от агентов KIDS, и от архангелов. За джокерами охотились с обеих сторон — независимый профессионал опасен, — но официальные установки гласили, что талантливые программисты всегда могут найти работу в Корпорации и место в KIDS.

С довоенных времен специфика взлома сильно эволюционировала — например, Стар тоже можно назвать хакером, хотя она ломает скорее психику, чем код. Умение контролировать реакции и переписывать эмоциональное состояние в реальном времени делают ее крайне опасной. Мэд работает на другом уровне, предпочитая находить дыры в фундаменте системы, взламывать алгоритмы шифрования, рвать слои. Про взломщиков прошивок роботов и андроидов я уже рассказывал, возможностей проявить себя существует достаточно. Джокеры были мифом, никто их не видел, и это молчание служило лучшей защитой. Мэд никогда не заговаривал о своем статусе или о том, как он живет вне встреч с нами; нам не удалось из него выудить и информацию о других джокерах, хотя Гарри пытался. Технический кругозор Мэда был ошеломителен, но мне казалось, что раньше у него просто не было стимула сделать с этими умениями что-то грубое, наглое, новаторское. У Мэда был другой темперамент, ему не хватало опыта. После Ре стимул появился — джокер сидел за станцией, не вставая, улыбаясь уголком рта.

В день турнира мы были готовы, Гарри приоделся, накинув на протезы черный пиджак. Стар не пришла, чтобы не упрощать задачу преследователям, — она сняла квартиру в другом конце города, и над ее тачкой как следует поработал Мэд. Я сделал все, что мог, дополнительно спаяв глушитель волн и фильтры для экранов на случай, если кто-то из бродяг сканирует местность, но уверенности не ощущал, только возбуждение. Мэд

предположительно находился у себя дома и подтрунивал над нами по шифрованной линии.

Плач широкой трубы, похожий на скрученный рог из пространства, распылялся вокруг зараженных радиацией областей. Карта уровня была выжжена на полушариях. Мы прогоняли ее миллион раз, устраивая веселый хаос. Сонмы новичков сталкивались и стреляли друг в друга, их тела тонули в болоте, снайперы занимали зубья скал, устраивая внизу панику. За заброшенными сараями на берегу болота находился лес, за лесом — крепость. За выделенное время необходимо было добраться до крепости, оставляя за собой не меньше заданного количества трупов для каждой зоны. Если тебя убивали, некоторый процент набранных очков снимался. Бонусы начислялись за нестандартные ситуации, одновременное убийство толпы и особо красочное расчленение. Классическая схема. Мы даже раскошелились на лицензионные ключи.

— Я больше не могу ждать, — прошептала Стар. — Гарри, ты первый.

Священник-киборг так и не научился как следует управлять конструктом, но это не давало ему заскучать. Виртуальный сейр выдавал такое, что вряд ли смог бы повторить человек в здравом уме, — на предыдущем турнире он отрывал у всех руки и складывал их в пирамиду. Мы затихли, ожидая сканирования.

— Я прошел, — сообщил Гарри.

Мы подключились и зависли в Чистилище. Мэд облачился в уродливую стандартную аватару — нечто среднее между космической пехотой и продавцом. Рыжая выглядела как обыкновенный солдат.

— Ты действительно заставишь Реи чувствовать, что угодно?

— Если она человек и если меня не успеют заблокировать. Дизайнеры достаточно непредсказуемы, чтобы Корпорация встроила экстренное отключение психослоя.

Существовал целый арсенал трюков, позволяющих изменять Среду, и мы собирались использовать их все. Мэд забил уровень фрактальными ловушками, Стар использовала паутину. Джокер и рыжая изучили движок, прочесали каждый квадрат карты за время предыдущих прогонов. Идея ловушек в том, что в определенных местах Среды ты выполняешь код, рисующий самоповторяющуюся воронку. Если кто-то находится рядом, его засасывает в цикл бесконечно делимых на части в виде самих себя фрагментов. Чем сильнее жертва старается выбраться, тем больше ускоряется реакция, хотя для стороннего наблюдателя игрок просто зависает. Раньше, когда режим код-хантера еще не был урезан, некоторые умельцы запускали и спам-радугу, —

выполняя в инвентаре кусок кода, можно было забить весь уровень мусором, начинающим отпочковываться прямиком от игрока. Например, заполнить пространство броней, патронами или пачками сигарет. Пока не настроили фильтры и не определили границы возможного, таких фишек было море.

Психическая паутина не являлась методом взлома, ее централизованно внедряли в игры, затрагивающие эмоциональное состояние. Она включала в себя набор координат, описывающих область, попадая в которую, геймер получал резкую смену настроения и ощущений. Похожего результата можно достичь с помощью биохимии. Психодизайнеры лепили паутину в разных местах, дезориентируя игрока. Из-за постэффектов и вредности скачков паутина использовалась только в хоррорах.

— Старт!

Мы рванули, но Гарри, как всегда, успел раньше. Я отскочил в сторону и, виляя, помчался в подлесок, привыкая к густому запаху болотной травы. Стоял туман, эффектно кричали невидимые звери. Игроки вываливались из уютной пустоты Чистилища и бились друг на друге, как рыбешки. Хлыщ в зеленом шарахнул по ним с холма и заработал приличное количество очков. Я подстрелил пару отставших и зашел подальше в заросли, где находился обходной путь. Известен он был не только мне, поэтому скоро отряд охотников за головами пристроился в хвосте. Я отлично их слышал, они слышали меня, но меня спасали их междоусобные поединки.

— Остерегайтесь парня в зеленом.

Джокер удачно перепрыгнул яму смерти и сиганул в кусты, подстраховавшись гранатами; рыжая прикрывала с возвышенности.

— Я вас вижу. Первая точка сбора — на острове, у сараев.

Реи трудно с кем-то спутать — она очень высоко и быстро прыгала, пересекая местность, и уже стояла по ту сторону запотевшего болотного озерца. Физика Среды, позволяющая ощущать себя гораздо более сильным, быстрым, легким, подходила ей, как одежда. Несмотря на опыт, ей все еще нравилось дразнить остальных, поэтому порой Реи намеренно рисковала. Стиль ее игры можно охарактеризовать как сплав двух крайностей — страсти и угрюмой расчетливости, проявляющегося время от времени интереса и мертвенной скуки. Я впервые видел идола Сети так близко. Она вскинула винтовку и методично прореживала авангард игроков — хладнокровно лишала их крохотного преимущества, сканируя высоты. Хлыщ сбоку пытался подловить ее в прицел, но не преуспел.

— Где Гарри?

— Здесь ад, — поведал священник. — Эти сукины дети практически все на ускорителях!

— Тесни Реи залпами к сараю.

Реи не стала ждать, пока мы соберемся с духом. К тому времени, как я добрался до острова, она уже вычислила, что мы с рыжей и Мэдом работаем командой, но за всю историю существования Рейтинга на нее совершалось столько покушений, что вялая атака плохо натасканных лузеров ее не испугала. Она поговорила с нами два раза: один — голосом циркулярной пилы, другой — свистом пули. Голова дернулась назад, не сразу выпуская стальной шарик наружу. В замедленном режиме я чувствовал, как тонкая пленка крови прилипает к поверхности деформированного снаряда, лопается, отрывается, разлетается на аккуратно просчитанные капли. Ядро Среды сочетает в себе рациональность и шик. Я умер, а ее фигурка металась среди деревьев в пучке чужих траекторий.

— Она ослепительна, — сказал Гарри.

— Ты будешь стрелять или нет?

Чувствительность у всех стояла на минимуме — редкий мазохист захочет ощущать подробности постоянных смертей, — поэтому я быстро восстановился. Спокойствие Реи приковывало. Она не совершала лишних движений, но не из осторожности, а потому, что давно отмерила нужные. Мне показалось, она умеет стрелять на слух. Женщина косила очередями, меняла оружие, перерезала горло и перескакивала с холма на холм, словно валькирия. В появляющейся время от времени ярости сквозило разочарование, словно она не нашла того, чего хотела. Реи мимолетно, на пару секунд заинтересовывалась каждым игроком, чтобы затем его уничтожить. Без ускорителей стремиться за ней не имело никакого смысла. Вскоре Гарри аккуратно подбил ее в прыжке.

— Ты долго раскачиваешься! Осталось двадцать минут.

— Если бы я мог запомнить алгоритмы восстановления, то набрал бы фрагов моментально, — усмехнулся он.

Лидеры определились быстро — первой предсказуемо шла Реи, затем некто So4, орудующий в холмах, и Гарри. Хлыщ помогал нам, оттягивая часть огня на себя и целеустремленно мчась за черноволосой. Такая тактика не была чем-то из ряда вон выходящим — победить ее хотел каждый в городе, но Реи стала осторожной и больше не давала себя поймать. Она занимала высокие точки карты, открывая шквальный огонь и не подпуская близко, а от снарядов по навесной легко уклонялась. Пока она отвлеклась на нас и полосовала пытавшуюся активировать паутину рыжую, волна новичков хлынула через болото, не

переставая убивать друг друга. Перекрестный огонь с холмов сделал пространство непроходимым, воздух кипел. Участь тех, кто за это время не успел перебраться через топь, была решена — даже обладая удивительной реакцией, через суп снарядов с холмов живым пробраться трудно.

— Сарай, — напомнила напевная хрипотца Стар. — Не собираешься же ты с ней соревноваться?

Мэд хмыкнул:

— Гарри, если ты грохнешь ее там, мы закольцуем точку воскрешения со счетчиком фрагов в сто.

— Я попробую.

Священник залег за ближайшей к сараю возвышенностью и попытался согнать Реи вниз залпом из гранатомета. Вместо того, чтобы укрыться за сараем, она кинулась на него и, пока Гарри менял оружие, раскроила замешкавшегося парня с помощью мачете. Режим slow-mo подчеркнул грациозную дугу окровавленного клинка. По линии связи раздался отвратительный булькающий звук.

— Я в минусе!

— Выпускай сейра, — сказала рыжая.

— Гарри, это всего лишь коп. Воспринимай ее как объект.

Снисходительность Мэда, как ни странно, освежала. Джокер и Стар не были подвержены горячке, мешающей нам с Гарри действовать разумно. Для них Среда была привычна, являлась разъемной конструкцией. Лихорадка и боязнь, что что-то не сработает, меня сковывали; неуместное уважение к Реи, сформированное религиями и инфоэкранами, давило и мешало ощутить свободу. Пропаганда создавала культ неприкосновенности первой десятки Рейтинга, и этот культ сейчас путался в ногах. С тех пор, как я увидел черноволосую женщину на фанатской картине впервые, она выросла до грандиозных размеров, и нужно было как-то разместить ее статую на мишени.

— Реи уходит в лес, — сообщила Стар. — Осталось десять минут.

— Похоже, мы проиграли… Стой, она в зоне!

Реи бежала по дороге, отстреливаясь от преследователей по направлению к плотному коридору из стволов. Учитывая ее способности к ориентации, это было одно из лучших местоположений на карте, — с деревьев можно бесшумно атаковать и держать под контролем подступы. Ветки и полумрак мешали целиться, поэтому у ветеранов, владеющих холодным оружием, были преимущества. За партизанский бой давали дополнительный бонус, и я не сомневался, что Реи его получит. Я

скатился со склона около сарая, растянулся на тропинке и пополз к входу в лес, вспоминая координаты зоны с паутиной.

— Я только что сняла панка, который целился в тебя из ракетницы. Уходи с открытой местности, тут полно горемык, готовых удавиться за лишнее очко.

— Ты только посмотри… — присвистнул Мэд.

Я дополз, наконец, до начала зоны действия паутины, укрылся за бревном и посмотрел назад. Достигший точки предельной концентрации Гарри нагнал вереницу стрелков, устремившихся за Реи, и укладывал их голыми руками. Сейр в обличьи человека рвал все вокруг на алые капли и шелуху, и игроки опешили. Священник всегда хорошо играл, хотя раньше это не бросалось мне в глаза, но ускорители его переродили — он менял личности, перекрещивая их так быстро, что нельзя было отделить моменты, когда игроком управлял искусственный интеллект, а когда — Гарри. В следующий миг священник перехватил управление сейром, швырнул тело вперед, уклоняясь от выстрелов, подпрыгнул, получив дополнительное ускорение. Граната разорвалась в центре группы, не зацепив только хлыща, который укатился обратно к болоту. Когда Гарри вылетал из облака пыли, рыжая крикнула:

— Грайнд!

Реи споткнулась, не добежав до кромки леса всего несколько шагов. Этот сбой выглядел не менее неожиданно, чем выступление Гарри, и я им воспользовался. Женщина-идол погибла от выстрела неизвестного техника и попала в петлю Мэда. Игроки возрождались по разным правилам — учитывался стиль игры, количество набранных очков и то, до какой зоны они успевали дойти. Джокер взломал алгоритм и запустил новый, заставляющий Реи появляться в одной и той же точке в центре паутины, около которой стоял Гарри. На глазах у публики, часть которой вело от многочисленных фиктивных смертей, бывший священник церкви СК терзал воскресающую в цикле Реи, а его личный счет взмывал до небес. Ничего более крутого мне видеть не приходилось.

Реи несколько раз вырывалась, но сразу попадала в зону действия психической паутины, где скоростная реакция ей отказывала. Сейр был неуязвим для психологического воздействия, поэтому продолжал наращивать счет. Аватара игровой богини дергалась, как некачественная голограмма, в ней не осталось ничего человеческого. Было очень легко представить, как Сид сгорает у нее на коленях.

Я машинально вывел дулом винтовки: «Нед Лудд!» и отключился, не собираясь ждать сетевую полицию. До конца игры

осталось две минуты.

— За нами пришли, — возникла рыжая.

— Нас атакуют. И это не архангелы, — подтвердил джокер. — Сейчас они постараются выкинуть нас с уровня.

— Стар, Реи вышла из петли и хочет меня сжечь. Кстати, чем ты ее сковала?

— Вызвала ощущение сильного оргазма в качестве компенсации за поражение.

— Вы офигенные, — не выдержал Мэд.

Я хотел сказать что-то вроде этого, но постеснялся.

— Эй! Среда опять обваливается, но я ничего не делал…

Священник снял очки, вытащил вилку и отсутствующе уставился на точку за моей головой. После насыщенных боев и превосходного звука турнира комната казалась глухим мешком, в котором тонут слова. Зрение еще не настроилось, поэтому объекты гнулись и расплывались. Гарри хрустнул шейными позвонками и выглянул в окно. По инфоэкрану бежала сводка, из которой было видно феноменальное падение Реи, и надпись «Grind: анархия против террора».

— Мэд?

— Да, я видел, — ответил джокер. — Я бы поставил на KIDS.

— Не понимаю, зачем им делать за нас часть работы.

— Может, чтобы выставить вандалами? Я приеду через несколько часов.

Джокер отключился в присущей ему резкой манере, и я остался один. Из ванной доносились проклятья и смех Гарри, лязганье железа о плитку. Хирург крайне удачно выбрал момент для танца.

Восемь.

С этой точки все опрокидывается.

Девять.

День начался буднично. Я проснулся, чувствуя, как яд инъекций мясников-охотников гноит мою кровь, выпил пакет холодного пищевого раствора, протер лицо мокрой ладонью и сел за станцию. Гарри валялся, словно куль с крупой, сдвинув покрывало неровными волнами. В углу компактно скрючился тощий Мэд. Рыжая отсутствовала, от чего казалось, что я выделился из мира снов неполноценно, не весь, забыв важную

часть. Я, еще не проснувшийся, ведомый эгоистическим желанием узнать все первым, ринулся читать новости и дискуссии, с каждым новым сообщением ощущая холод.

«GRIND — новые террористы».

«Этот псих не понимает, что замахивается на символ Среды».

«Все игроки должны объединиться, чтобы поймать и уничтожить членов группы».

«Среда находится под угрозой».

Я перечитывал снова и снова, не понимая, что происходит. Не было ни одного положительного отзыва, все сочувствовали Реи, униженной читером. В каждом голосе звучал комичный испуг, на глазах перерастающий в ужас перед неведомым. Среда больше не казалась незыблемой, неуязвимой, один из привычных законов был нарушен — и игроки были полны праведного гнева. Они не только не приветствовали свержение верхушки Рейтинга, они меня ненавидели. Они не хотели уничтожения Среды — одна мысль об этом вызывала панику. Вместо этого они хотели моей смерти.

Если после нападения луддитов я переформатировал собственный мир, то теперь меня настигла неожиданная ясность. Желудок сжался, как будто я падал в пропасть. Я был ничем по сравнению со множеством озлобленных горожан, желающих вернуть свой комфорт, но внезапно узнал о жизни в Тиа-сити во много раз больше, чем им светило за годы. Щелчок тумблера, поставивший все на места, изменил меня сильнее, чем очистка крови от «пыли». Я оказался сделан из другой плоти. Тиа-сити, город амеб, нищих, прощелыг, рабов, кончающих от разноцветного рабства, город мертвецов, продающих фантазии неимущим, город подмен, фальшивых убежищ, мечтательных убийц, психошлюх и корпоративной полиции. За гниющую клячу, порождающую видения облаком трупного газа, все хотели меня убить. KIDS знали, что делали.

Гарри бегло просмотрел заголовки и закурил, рассматривая потолок. Он выглядел усталым.

— Сосунки перепуганы до истерики. Меня удивляет, что еще никто не выламывает дверь. Самое время разойтись и заняться чем-то безобидным.

Мэд недовольно открыл глаз, вздохнул и отправился в ванную.

— Я немного пошатаю Рейтинг. Надоело вдыхать по утрам запах грязных носков и ждать, пока освободится толчок, — тело бывшего священника было покрыто синяками. — Ты что будешь делать?

— Раздавать брошюры шэо и ремонтировать секс-кукол. И это

— если повезет. Чтобы быть последовательными, нам стоит уничтожить Среду.

— Звучит незрело. Вне Среды на Земле ничего нет. Быть конформистом не так просто, как может показаться. Я бы на твоем месте реанимировал Некро, подружился с KIDS и сделал вид, что пошутил. Музыка для игр — тоже неплохой вариант.

— Я рад, что ты нашел место для развития карьеры, но мое имя раздулось до размеров новой войны.

— Точно. У каждого есть пути отхода — я твой безродный приятель, Стар никогда всерьез не рисковала, а Мэдди может неузнанным вернуться в берлогу, наверняка оплаченную на года вперед. Все позаботились о собственной безопасности, только ты заигрался в луддизм. Ты хотя бы пять минут всерьез размышлял, чем закончится уничтожение Среды?

Мэд проковылял мимо и опустился на диван, искоса изучая новую позу священника.

— Я бы тоже пошел дальше, — пожал плечами он.

— Ты еще не успел устать от исхода в мир людей. Мы слишком легко прогибаем реальность, как какие-то космические ковбои. Я иногда думаю, что мы вообще не выходили из деморолика Стар… Рыжая доделает набросок, а потом за нами приедут, — он отхлебнул из выдохшейся бутылки синтетического сока. — Не верю, что Корпорация не может обнаружить нас в течение дня.

— Ты ничуть не более надежен, чем она, — заметил джокер.

Священник зажег еще одну сигарету.

— Определенный риск существует. Но, что касается нее, то ее идеология попахивает. Она очень серьезна, а чрезмерная серьезность убивает драйв.

— Ты сейчас тоже не слишком остроумен, — пожал плечами я. — Нас рано или поздно найдут, как нашли Сида, Трэя Робертса и остальных. Но мы вполне можем провести остаток времени, как следует.

— Да, я узнаю этот грошовый фатализм. Что в вас плохо, так это то, что вы не умеете воспринимать развлечение как развлечение. Вы начинаете считать его исключительным, делаете из шоу идеологию. Ваша коллективная серьезность выводит меня из себя.

Гарри был раздражен, он погрузился в кататонию и не желал разговаривать, сжигая пачку за пачкой. Я решил уйти — подобные периоды в жизни бывшего священника мне не нравились. В его нежелании рисковать дальше не было ничего удивительного — он не любил проводить линии до самого конца, постоянно меняя увлечения и тактику. Он считал себя интеллектуально

неуловимым, но я вдруг понял, что он просто нетерпелив, недостаточно упорен и боится больших слов. Собираясь отдохнуть от нас, он больше всех нуждался в отдыхе от самого себя.

Мэд не обращал на нас внимания, пытаясь что-то приготовить из валяющихся на кухне полуфабрикатов. После того, как он позавтракал, мы оделись, я наклеил осточертевшую маску, позвал зомби, взял гитару и вышел наружу. Неприветливое и резкое солнце било в глаза.

Гулять с джокером было просто — он умел молчать так, что это не нависало, без всякого выражения и скрытого значения. С ним можно было разговаривать на любую тему, не нарываясь на самолюбивую икону. Даже если он был оскорблен какой-нибудь легкомысленной фразой, он не казался опасным. Он был постоянен, находился в точке равновесия. Пока он не наталкивался на новые для него вещи, по его лицу нельзя было читать; он ничего не замышлял.

Мэд казался самым здравомыслящим человеком из всех, что я встречал, хотя подростковая неуверенность добавляла несколько неприятных надменных нот. Недоразвитость эмоционального восприятия в определенных ситуациях превращала его в совершенное существо. Рыжая не согласилась бы, но лично мне нравилась именно эта сторона Мэда — он был прагматичен, рассудителен, его было трудно вывести из себя, но он достаточно легко импровизировал. Наверняка мы оба думали о том, чтобы встретиться со Стар, но ни один не чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы вслух сказать об этом.

У станции было грязно. Приблизившись к подземке, мы получили пачку покрытых печатным текстом листовок. Шэо короновали меня новым антихристом и активно проповедовали взять оружие в руки и предупредить конец света. Я почувствовал что-то вроде гордости, Мэд удачно сострил. Механический зомби скрипел рядом.

Чем дальше оставалась квартира, тем лучше я себя чувствовал.

— Можешь связаться со Стар?

— Конечно.

Без Стар я ощущал беспокойство. Неприятное чувство — словно что-то вокруг неправильно, восприятие пространства искажается, но нельзя найти причину и немедленно все исправить. Чем больше проходит времени, тем сильнее увеличивается разрыв между реальностями — недостижимой верной и лживой, заполненной только паранойей и картонными лабиринтами. Словно стоишь на льдине, которая медленно

отрывается, и, что бы ты не предпринимал, трещина становится только шире. Стар возвращала все на свои места. Она смещала элементы искаженного мира так, что он полностью менял цвет. Она знала секрет управления головоломкой. Она и была этим секретом.

Всех людей можно условно рассматривать как небольшие вектора. Стар — сеть, координатная лента, пульсирующая ловушка. Но у ее сверхчувствительности, способности проникать в чужие пространства была оборотная сторона. Волосы Стар пламенели так, что я подумал о взлетающих на воздух складах. Она вынырнула из туннеля и быстрым шагом направилась в нашу сторону.

— Грайнд, все хотят твоей крови, — она смяла листовку, которую ей успели всучить шэо. — Похоже, они восприняли это серьезнее, чем мы. Тебе стоит немедленно спрятаться.

— Тебя допрашивали? — Мэд засунул руки в карманы.

— Как на счет взорвать шэо?

Она начала ввинчиваться в него с того момента, как увидела, прячась под шутливым вопросом. Но если выбирать между этими двумя, я предпочитал последний.

— Мне кажется, что «спрятаться» и «взорвать» — вещи не очень совместимые, — уголок рта джокера пополз вниз. — К тому же у нас нет взрывчатки.

— Это так. Тебе пора приобрести что-нибудь для самозащиты.

Рыжая повернулась и положила руку мне на грудь, словно хотела проверить, что я еще жив. Каждый палец подрагивал. Я знал, что она хочет запустить щупальца мне в грудную клетку, но присутствие Мэда ее сдерживало.

— Так что по поводу допроса?

— Конечно, меня допрашивали. Все-таки я психодизайнер «Тьмы на троих». Смотрели мои записи, сканировали, доставали.

Этого было мало, однако расспрашивать дальше означало показать недоверие. Рыжая протянула джокеру руку, он поколебался, но взял ее, послушно отправившись вместе с нами. Она предлагала растопыренную ладонь так, будто за этим скрывалось что-то огромное. Это опьяняло.

Коса все так же гремела и рвала голову. Ее крысиные ходы, заваленные барахлом, погружали в суету, нескончаемую чечетку переходящих из рук в руки кредитов. Лавки, витрины, роботы, разобранные механизмы, появляющиеся тут и там члены банд, космоторговцы и механики. Каморки-храмы непопулярных сектантов, вездесущие торчки, дешевые технофрики, пытающиеся выгадать на очередной имплантации, агенты инопланетников,

пирсингованные охотники, холодные женщины, ищущие любовников-андроидов. Голографическая реклама так уплотнилась, что ее нельзя было отличить от человека, пока красотки не наклонялись и не шептали про преимущества нового шлема. В считанные минуты у нас уже был порошок и пистолет для джокера. Он неплохо стрелял для мальчика-социопата.

— Отдача… — Мэд поморщился и потряс кистью. — В Среде совсем не такая зверская отдача.

Он потренировался на мишени, пробив несколько отверстий ближе к центру, затем развернулся и неожиданно направил пистолет мне в лицо. Я рефлекторно уклонился. Он шутил, но у этой шутки был неприятный привкус. Пушка в его руках выглядела грубо, однако даже самый неловкий человек может проделать в тебе дыру, а у Мэда с прицеливанием не было никаких проблем.

— Опусти дуло, Мэд, — голос Стар стал ниже, чем обычно.

Я не торопясь достал свой пистолет и направил его между глаз джокера. Меня было нетрудно вывести из себя, и он это сделал. Торговец прищурился. Стар сделала пару шагов, встав между нами, и сжала бледными пальцами сначала дуло пистолета Мэда, затем — мое. Рыжая не боялась, внимательно посматривая из-под полуприкрытых век. В этот момент я понял, что она не будет возражать, если мы на самом деле решим ее застрелить. В ее безрассудстве было слишком много от феодальной преданности.

— Я просто хотел попробовать, — Мэд убрал пушку первым.

Я обдал его презрением и вышел наружу. Горячий воздух улицы разбился о тело.

— Взорвать шэо мы не можем, нас сразу засекут. За Стар наверняка следят, поэтому кидать коктейль Молотова под камерами я не стану. В клоунах-поджигателях мне нравится все кроме того, как они закончили, — джокер почему-то продолжал разрабатывать шутливое предложение Стар.

— Давайте захватим Каабу и выпустим спятивших геймеров бегать по всему Тиа-сити.

— Хм. Хорошая идея.

Стар посмотрела на меня так, словно я только что не поддевал Мэда, а изобретал гениальный план.

— Кааба полупуста, — пояснила она. — Легенда о ней охраняет ее лучше любых систем. Там автоматизированная охрана, которую можно взломать со спутника, несколько медбратьев-фриков и персонал. Исследования мозга перегретых геймеров сейчас не слишком популярны, так что внутри только ученые-энтузиасты. Никто не ожидает от нас такого. Грайнд, это

просто блестящая мысль.

Я недоверчиво поднял бровь, но уже понял, что соглашаюсь. Обезумевшие игроки, потные, дикие, изможденные, с дьявольскими глазами мутантов несущиеся через туманы Трэма и забирающиеся на краны порта, — это была картина что надо. Все равно что открыть двери зоопарка. К тому же мне, как и любому обитателю припортового района, всегда было интересно, что же там, внутри куба. Я уставился на ноги зомби, прикидывая, что нам потребуется.

— Мы можем найти планы Каабы, Мэду достается система защиты. При наличии денег можно даже просвечивать здание радаром, чтобы заранее знать, кто где находится, и не тратить время зря, но как мы сможем победить фриков?

— Они находятся в подчинении Корпорации? — джокер стал серьезным.

— Думаю, да. Я была там всего один раз, когда собирала материал для игры. Вряд ли Корпорация будет использовать наемников для постоянной охраны своего подразделения.

— Их можно отвлечь. Если ты узнаешь частоту и формат сигналов, я мог бы их одурачить. Пока они пересекают Трэм, мы можем запугать ученых и освободить психов.

— Мэд, мне не терпится увидеть, как ты будешь угрожать, — волнующе усмехнулась Стар. — Ради этого я готова рискнуть. Но только фрики постоянно подключены, они сразу же проверят полученную информацию по своим каналам.

— Придется ее перехватить. Раньше не работал с переносным оборудованием, но в теории это легко. Главное подобраться поближе к Каабе.

Джокер сжимал и разжимал пальцы, пытаясь успокоиться. Видеть его настолько нервным было странно — хоть мы и знали друг друга недолго, у каждого в голове сложился портрет, грубый набросок, дополнять черты которого мы стали бы с неохотой. Любая слабость казалась эрозией, отклонением, и размывала не только мысленный портрет, но и отношение к человеку. Возможно, это неумение перестраиваться было следствием синдрома, о котором говорила Стар, но мне было наплевать.

— Добраться до здания как раз самая легкая часть задачи. Возле Каабы развалины и туман, — я тоже завелся. — Можно использовать газ, на Косе его нетрудно достать. Только нужно учесть, что психи вполне могут оказаться гораздо опаснее, чем охрана.

Пару минут мы стояли рядом с оружейным магазином и поедали глазами прохожих. Каждый обдумывал что-то свое, захваченный открывающейся в воображении картиной. Я видел

жирафов, бегущих по улицам, пироманов, сжигающих себя, и геймеров, которые захватывают корабли. Никаких иллюзий по поводу состояния запертых в кубе, если они еще живы, я не испытывал, но мне хотелось открыть черную коробку, вытряхнув все, что лежит внутри.

— Слушай… — Мэд неуверенно улыбнулся. — А ведь там сейчас закрыта Рашель.

— Кто?

— Неужели ты не помнишь Рашель с ее восьмибитовой музыкой?

Я помнил. Рашель являлась одной из немногих женщин, входивших в топ-100 Рейтинга, когда я еще учился паять паленые схемы концентраторов. По крайней мере, все думали, что она женщина с эксцентричным хобби в виде рисования пиксельных пейзажей. Рашель оставляла свои знаки на скалах уровней и кирпичных зданиях, словно доисторический человек на стенах пещеры. У нее был свой пантеон из нескольких героев, каждый из которых воплощал отдельное качество или эпоху, почти язычество. Это никому не мешало, даже подхлестнуло любопытство к истокам игровой индустрии. Появились группы фанатов, раскапывающие и восстанавливающие старые игры. Особым шиком считались эротические квесты с распадающимися на квадраты моделями или многоуровневые драки. На фоне последних достижений Среды это все выглядело очень наивно, но потому и приносило удовольствие. Рашель сделала мод для гонок с примитивизацией графики, который пользовался некоторой популярностью.

Спустя некоторое время увлечение Рашель переросло в пропаганду старого подхода к игре, которая не пытается тебя поглотить. В ответ геймеры охладели и к ней, и к ее восьмибитовой музыке, вернувшись к развлечениям похлеще. Рашель поняла, что всего лишь оказалась на гребне кратковременной моды, а речи о силе воображения пропали даром; она разъярилась и вышла на тропу войны. На следующем турнире обиженная язычница произвела инъекцию кода, с помощью которой собиралась перегрузить железо всех, кто был на уровне, так, чтобы оно искажало картинку. Код был неверен и не сработал, потому что Рашели недоставало знаний в технической области, но ее результаты в Рейтинге аннулировали, а ее саму под негодование большинства игроков отправили в корпоративную психушку. Причем в последний момент выяснилось, что Рашель — это тридцатилетний торговец подержанными запчастями для космических челноков, что почему-то прибавило ему симпатий. С тех пор прошло уже лет

пять.

— Мы можем ее освободить.

Мэд ухмылялся, словно сволочь, и он был прав — против такого соблазна было не устоять. Кроме Рашель безмолвная крепость Каабы прятала в себе целые связки такого же рода серпантина. Я один мог припомнить Стейна, который в свободное от турниров время ходил по городу и набирал команду для полета на несуществующую планету из игры, Ли Хо, проектирующего прозрачный купол для спуска Тиа-сити под воду, чтобы защитить от нападения расы растений из старого хита, и гонщика Майка, который находился на постоянной подключке, а потому забыл про то, что физические законы на трассах города еще никто не отменил.

— Надо Гарри позвать, — сказала Стар.

— Он… хотел немного побыть один.

— Чепуха. Что бы там с ним ни случилось, я уверена, что он не откажется.

Рыжая была права — уже через пару часов Гарри ходил из угла в угол комнаты, а джокер заказывал «железо» на подставное лицо.

Десять.

Вблизи Кааба совсем не походила на объект для шуток. Она была серой, словно кожа трупа, бледный свет от сканирования подрагивал в тумане. Несмотря на то, что вращающийся прожектор был совершенно не нужен, владельцы сознательно использовали тоталитарную эстетику колонии. Пористые стены психушки засасывали. Я засел на крыше старого депо, спрятавшись за изогнутой плитой, и пытался подсчитать количество людей в здании. Бегать с чемоданом по кругу я не собирался, поэтому спрятал несколько радаров в траве недалеко от стен и объединил их сигналы на портативной станции. Предварительный анализ показывал примерно шестьдесят четыре активно перемещающихся человека и человек двести более спокойных. Чтобы понять, кто из них кто, и нанести на план, я и наблюдал. Двадцать модификантов я уже выделил — их оружие специально подсвечивалось, спасибо мародерам Косы.

— Чувствуешь себя шпионом?

Ее голос можно было наматывать на кулак. Стар единственная не боялась Трэма. Он и днем выглядел зловеще, но ночью превращался в место призраков и рельсов, уходящих в никуда. Август лепил из ночи кусок черного горячего камня,

забрызганного звездами.

Рыжая вскарабкалась на крышу и подобралась ближе.

— Нет. А ты?

— Чувствую себя астероидом. Хочу падать вверх.

Она легла на спину, расправляя тело на неровностях крыши, и скользнула пальцами по моей руке. Ее лицо разгладилось, глаза смотрели в небо, в звездные просветы между облаками.

— Знаешь, я все больше думаю о знаках, — она говорила просто, не так, как поводырь в лабиринте «Тьмы на троих». — Люди появляются ниоткуда, странствуют по всему космосу, что-то разыскивая, или пытаются забыть о необходимости поиска, заклеивают себя заживо. Они хотят открыть что-то особенное, но не могут обнаружить нужные двери, зачерпывают только верхний слой, который усиливает жажду. Весь фокус в том, что, чтобы открыть поверхность, нужны знаки. Ключи.

Она повернулась на бок и посмотрела в лицо. В темноте зелень ее глаз превращалась в сплошную блестящую черноту, как у птицы.

— Алхимики пытались сделать ключ — философский камень. В текстах, которые я читала, люди почему-то думают, что они искали золото. Но на самом деле им был нужен инструмент, который делает из сломанного — целое, из несовершенного — совершенное. У них ничего не получилось, потому что один человек не может открыть дверь, в нем недостаточно компонентов, знаний, качеств, цветов. Чтобы пробиться сквозь пленку, нужно стать кем-то большим, чем просто ты.

Стар сказала «ты» так, что по моему позвоночнику пробежали мурашки.

— Ты, я и Мэд — это знак, ключ, фокус. Мы соединяем куски вселенной в коридор, по которому можно скользить прямо к ядру. Это как сложение волн, химическая реакция. Сами по себе мы можем перебирать многообразные и неверные дороги, окончательно потерянные в хаосе времен. Но когда мы собираемся вместе, мы начинаем постигать, прокалываем границу, оставляя истоптанную поверхность позади. Если бы мы встретились чуть раньше, пока еще не омертвели, мы смогли бы победить.

— Думаешь, мы не сможем победить?

— Нет. Но это меня не волнует — даже сейчас, когда мы вместе, реальность прогибается. Это опьяняет. Может быть, в следующий раз я успею.

Она заложила руки за голову, глядя в небо над Тиа-сити.

— Это какая-то метафизика, Стар. Мне трудно в нее поверить. Ты просто лишаешься своего одиночества, и это

кажется тебе похожим на магию. Вместо Мэда, меня, Гарри могли быть другие люди.

— Вместо меня мог бы быть кто-то другой? — она приподнялась на локтях, потешаясь надо мной.

При таком раскладе спорить было трудно.

— Ладно, тебя оставляем. Но я бы прекрасно обошелся без Мэда. Он меня достал, — усмехнулся я.

— В какой-то степени он тебе все равно нравится, — она не собиралась возражать, пребывая в сфере непривычного равновесия. — Мне кажется, что мы жили очень долго, триллионы лет неслись через вселенную, как астероиды. Наверняка мы желали и предавали друг друга, заинтересованные в том, что случится, как это будет, словно любопытные звери. Мы должны были быть и врагами, это легко представить. Молодые боги. Гарри был где-то рядом, меняя личины. Я уверена, что мы не раз пытались составить знак — но мы до сих пор здесь, а значит у нас так ничего и не получилось.

— Может, потому, что это неправильная теория?

— Может, потому, что кто-то из нас был самозванцем.

— Ты тоже не любишь Землю.

— Не могу сказать, что я ее не люблю. Просто она не пускает нас наружу. Земля почти умерла, но мы остаемся на ней, потому что должны научиться обнаруживать друг друга даже с закрытыми глазами. Тогда мы сможем делать все, что угодно, разогнуть эту спираль.

Она глухо озвучила факты из внутреннего пространства и замолчала. Мне стало понятно, почему она меня боится.

Гарри раздобыл газовые гранаты, пистолет-пулемет, три винтовки с электронным прицелом и противогазы. Все это он приобретал постепенно, используя подставных лиц, как это обычно и делали в периферийных секторах Тиа-сити. Ему не терпелось повоевать, Гарри хрустел шеей и имплантами, как фрик-наемник. Судя по паре трюков, которые он продемонстрировал, скелет Сатори не только превратил его в куклу, но и усилил. Стар в противогазе выглядела сногсшибательно — девочка с анархистского плаката. Мэд находился не в своей тарелке — джокера привлекала идея захватить здание издали, но мне с Гарри гораздо больше нравилась идея о настоящем налете. Бывший лжесвященник любил драки, я же после власти над вибрирующей кожей вирта хотел ощутить контроль над материей. Что касается рыжей, то она могла бы быть достойной подружкой Трэю Робертсу — ее рассудительность мигом самоуничтожалась, когда дело доходило

до необходимости прибегнуть к насилию. У Гарри и рыжей была одна общая черта, которой я лишен, — умение достать из мнимой рассудительности кусок безумия, который пузырился и заражал всех вокруг. Сейчас они вибрировали не хуже куба.

Мы подползли поближе к зданию. Психушка стояла посреди очищенного от хлама пространства, не дающего незаметно подкрасться. Относительно пустая площадка, покрытая пожелтевшей от жары травой, была окружена валом из низкорослой растительности, тесно переплетенной с руинами и брошенной техникой.

— Если после отправки сигнала фрики выйдут из Трэма и снова повторят запрос, им ответят уже из Корпорации, — сказал Гарри.

— Поэтому у нас есть примерно пятнадцать минут, если они на челноке, и двадцать-двадцать пять, если отправятся пешком, — за это время они как раз достигнут границы зоны перехвата. Может, начнем?

Стар подавила смешок, глядя, как серьезно Мэд стряхивает листья и грязь с коленей. Сосредоточенность на мелких действиях возвращала ему уверенность в себе.

— Эксперимент под контролю над реальностью?

Священник подмигнул мне и поднял противогаз на лоб, поправив его стальными пальцами. Под рукой, на боку, он прикрепил пистолет-пулемет, на плечо повесил винтовку. Ветер трепал одежду, рисовал грубый комикс. Темнота давала ощущение приятной вседозволенности.

После того, как Гарри скрылся в зарослях Трэма, джокер и Стар отправились на крышу депо. Там Мэд был в безопасности, а рыжая могла контролировать противоположную входу стену куба, где располагались аварийные выходы, и бок психушки. Я вместе с механическим зомби остался внизу, впечатал тело в пахнувшую гнилью почву и слился с ландшафтом.

— Отсюда это место выглядит еще более уныло, — заметил по внутренней связи Гарри.

— Надеюсь, вы оплатите чистку моих брюк, — это Мэд. — Уверен, что желтые пятна от глины не отстирываются.

Через пять минут, в течение которых я постукивал по экрану сканера, наблюдая за фигурками, джокер с помощью рыжей расшифровал секретный канал фриков, вторгся в линию и передал фальшивый приказ. Наемники среагировали очень быстро — дверь Каабы открылась, мы вместе с зомби распластались на земле. По каналу понеслись запросы, и Мэд подкрепил сомнения мутантов сообщением о том, что луддиты громят центральное здание Корпорации с помощью катапульт.

Многие из охранников находились на круглосуточной подключке, поэтому могли с легкостью увидеть трансляцию с общедоступных камер, но Корпорация намеренно убрала возможность подключения к тем фрагментам системы, которые смотрели прямо в центр города. Мы расчитывали и на легкую лихорадку, которая будоражила Тиа-сити после бесплодной, но ошарашивающей попытки Рочестера. Владельцы Среды не стали бы раскрывать наглую атаку на центр и пресекли бы слухи о войне в самом сердце корпоративного сектора.

Мэд забил внутренний канал связи фриков лживыми сообщениями о необходимости срочной подмоги. Часть охранников загрузилась в небольшой флаер, остальные быстро скрылись в глубине Трэма, едва меня не заметив.

— Сколько?

Я прищурился, чтобы избавиться от вложенности уровней, расщеплявшей сознание. Радар показывал, что в здании осталось как минимум пять охранников. Трое — на первом этаже и двое — в начале третьего. Более-менее на равных с ними мог сражаться разве что накачанный ускорителями Гарри. Секундная стрелка щекотала нервы. Я застыл на некоторое время, но потом все-таки слез с зомби и направил его ко входу. Робот продрался сквозь кусты, покачиваясь на массивных ногах, вышел метрах в десяти справа от меня, пересек «мертвую» площадку перед кубом и ткнулся в стену. Фигурки на сканере засуетились, заметив неожиданную угрозу. Зомби продолжал биться в стену, затем сбросил груз. Я постарался, чтобы программа имитировала поломки, потерю ориентации, — это должно было усыпить бдительность; все-таки Трэм — это кладбище старых механизмов.

Система сигнализации редко бывает настроена идеально, и здание геймерской психушки служило лишним подтверждением, — «лепесток» внутренней беспроводной зоны, использовавшейся для связи датчиков, торчал как раз там, где топтался робот. Со стороны это могло показаться случайностью, но я целую неделю ползал вокруг куба, фиксируя уровень приема.

— Есть контакт, — сообщил Мэд. — Твоя очередь, Стар.

— Айе.

Рыжая играла в космопирата, снова потеряла разницу между реальностью и Средой. Хотя, скорее всего, она и не различала вирт и город, обитая в некоей усредненной оболочке. Я задрал голову, пытаясь разглядеть что-нибудь во тьме над крышей депо, но так ничего и не увидел.

Зомби развернулся и направился ко входу. Ничего подозрительного на нем нет, но засечь активность его груза ничего не стоит. Через некоторое время он уперся в дверь и начал

в нее долбиться. Рыжая вошла в охранную сеть — пару дней назад она извлекла данные напрямую из памяти сотрудника Корпорации, обманув его ненужным сканированием. Ей было легко довериться, даже если ты уверен, что она обманет. Эксперименты по телепатии так и не увенчались успехом — она всего лишь предчувствовала, частью полагаясь на эмоции, но в городе, где почти все жители соединены с помощью «вилок», умение подключаться к чужому сознанию было даже более опасным.

Джокер перехватил панель и контроль над системой, начал торопливо закрывать входы для владельцев. Я слышал только их сухие реплики, происходящее походило на передачу мяча.

— Они нас засекли!

Игра на скорость — успеют ли охранники подавить Мэда прежде, чем он блокирует их. Мы напряглись — зная джокера, можно было предугадать, что у фриков нет шансов, но до конца, безусловно поверить в него могла разве что рыжая. Каждый из мутантов на подключке — это потребитель, а не захватчик; мало у кого из них есть нужные для борьбы со вторжением навыки. И уж точно те, у кого такие навыки есть, не сторожат лечебницы для психбольных.

В тот момент я наконец-то понял, кого мне напоминает Мэд, — аккуратного лаборанта, врача, какими их изображали в ретро-играх. Таких персонажей в Тиа-сити больше не было, сменилась эпоха и линии поведения. Мне приходилось видеть докторов из Центра — их спокойствие было наигранным, частью одежды; джокер же и в самом деле казался безразличным ко всему, полностью посвящая сэкономленную увлеченность крушению барьеров.

Я упер приклад винтовки в камень и поймал дверь в прицел — если наемники выйдут наружу и приблизятся, нам крышка.

— Они ужасно медленные, — поделился Мэд.

Возможно, в его области качки-моды и чувствовали себя неуверенно, зато в нашей с Гарри они ориентировались что надо. На экране сканера двое фриков с первого этажа как раз бежали наружу. Их ноги, позвоночник, руки были значительно улучшены имплантами. Способность видеть в и/к уничтожит удобство темноты, мы будем у них, как на ладони. Если верить электронике, силовые вставки у пришельцев составляли около половины тела, а еще не нужно забывать про вживленные стволы и амортизацию. Я мог приказать зомби подпереть дверь, чтобы их задержать, но они гораздо сильнее, чем старый робот, а я хотел его сохранить. Прожектор вращался, словно на мертвом танцполе.

Дверь распахнулась, я выстрелил, надеясь пробить ее

насквозь и задеть охранника. Гарри поддержал серией с крыши сарая. Такой натиск сбил их с толку, дав нам пару минут, — фрики не знали, что против них непрофессионалы и не понимали, чего от нас ждать.

— У них отличная реакция, — сообщил Гарри, как будто я и так этого не знал.

— Да неуже…

Под крик Стар в плечо ударило так, что я упал назад, ударился о бетонный заросший брусок, перекувыркнулся и оказался в яме. Зубы лязгнули, плоть сжалась — и выпустила наружу фейерверк боли. Из легких выбило воздух с такой силой, что я некоторое время тупо цеплялся за вырванный заплесневелый мох. Кровь плеснула из распоротой куртки, залила спину и грудь — пуля прошла навылет. Падение меня спасло, защитив от следующих выстрелов, которые значительно проредили кусты над головой. Раздалась невыносимая трещотка — Гарри и Стар поливали вышедших из укрытия боевиков огнем.

— Грайнд! Как ты? Отвечай немедленно!

Я прохрипел ей что-то в ответ, надеясь, что это звучит обнадеживающе, и пополз к едва не переломившему мне позвоночник заграждению. Судя по звукам, фрики переключились на священника, и у них завязалась дуэль на троих. Засунув руку под куртку, чтобы зажать дыру в плече, я понял, что истекаю кровью. Так как я еще не сдох, то надеялся, что ничего важного задето не было.

— Кааба моя.

Одновременно со словами Мэда спереди, со стороны куба, раздался отчаянный вопль. Стрельба закончилась. Я выкарабкался из могилы, в которую свалился, отполз чуть дальше в заросли от прежнего укрытия и с помощью левой руки залил оба отверстия биоклеем. Винтовка улетела в земляную дыру вместе со сканером, но у меня не было никакого желания их искать. Я закинулся таблетками, смесь которых мы все взяли на подобный случай, и лежал на спине, глубоко дыша и заталкивая поглубже возникшую после шока панику. Химическая дрянь быстро растворялась внутри, подавляя чувствительность, — купирующие боль препараты и стимуляторы, рыжая знала в этом толк.

— Грайнд?

Стар шумно села рядом, отогнула край куртки и потрогала затвердевающий слой клея. Пленка быстро и прочно меня заштопала — по крайней мере, я больше не чувствовал, как по коже стекают горячие струи. Пальцы Стар пробежали по лицу, шее, груди; она не спрашивала, как я себя чувствую, и я был за это благодарен.

— Мэд захлопнул дверь и пустил газ. Одного из фриков зажало, — объяснила она.

— Осталось минут десять, — Гарри незаметно оказался рядом и помог рыжей поднять меня; я только сейчас заметил, что на нем перчатки. — Стар, я справлюсь сам.

Я оперся на священника, но уже через несколько минут, когда мы добрались до входа в куб, таблетки подменили страдание приятной эйфорией. Странное ощущение — ты чувствуешь, что в тебе что-то сломано, но уже не понимаешь что.

— Ты ведь не собираешься все пропустить?

Рыжая подарила нам пару подначивающих взглядов. Вместо ответа я натянул противогаз и достал пистолет, чувствуя себя актером. В Среде не ощущаешь тела так, как в жизни, — его вес становится значительно меньше, им проще управлять, механизмы повинуются не с такой натугой, мелочные ощущения зажатой ремнем кожи или саднящей царапины не отвлекают. Ты чувствуешь боль, давление, но они… оптимизированы, симметричны, очень остры, конкретны. В жизни большую часть сосредоточенности приходится тратить на то, чтобы не раздражаться от ползущей за шиворотом струйки пота или не спотыкаться о кочки. Обезболивающее Стар окончательно размыло мое ощущение «настоящего мира» — кожа стала гладкой, пластичной, я перестал ощущать шероховатость и влажную прилипчивость морского воздуха.

— Пора входить, охрана в отключке. Я могу изолировать любую комнату и делать с ней, что хочу. Примерно как с отсеками на космическом корабле. Я открыл двери на верхних этажах и сказал пациентам, что они могут бежать, но там остались лаборанты, еще какие-то шишки, — сообщил Мэд. — Как вы понимаете, за всеми не уследишь.

— Ладно, давай внутрь, — Гарри выкинул винтовку и приготовил пистолет-пулемет. — Где Рашель?

— На втором этаже. На двери написано 812-A-DM3. Он прикреплен к кровати, над которой висит бумажка с изображением пиксельного мотоциклиста с дубиной, опускающейся на голову соперника.

Дверь отъехала в сторону, освободив зажатого охранника. Руку с оружием пережало пополам при автоматической блокировке, лицо мужчины было искривлено, но газ все-таки его достал. Хотя пелена от обезболивающего отменяла муки совести, я был рад, что его не раздавило насмерть. Другой охранник осел в углу перед выходом — в отключке он обмяк и выглядел неопрятной кучей деталей. Обычный фрик-наемник, отрабатывает зарплату на скучной работе.

— Не уверен, что хочу оказаться в полной власти худосочного психа, — священник осмотрелся.

Гарри намекал на Мэда, контролирующего здание. Видение коробки, в которую джокер пускает газ, меня тоже задело — мы для него сейчас просто лица с камер, персонажи видеоигры. Я пошел первым, за мной Гарри, сзади — Стар. Пистолет пришлось держать в левой руке, он мешал. Из динамиков обрушивался бесстрастный женский голос, синтезирующий речь джокера о том, что больные совершенно свободны. Высокий потолок был серым, стены покрывали инфоэкраны вперемешку с дверями, на которых висели таблички с неизвестными буквенно-цифровыми обозначениями. Первый этаж Мэд изолировал, захлопнув медиков и всех, кто здесь по каким-то причинам находился, в комнатах. Коридор пустовал, если не считать нескольких мужчин в белой униформе, оказавшихся в момент атаки вне своих привычных мест. Гарри припугнул их, размахивая стволом, — и лаборанты просочились мимо, чтобы через открытую дверь сбежать в Трэм.

— Внимание, это нападение, — с безукоризненной вежливостью повторяла система. — Все заключенные игроки свободны. Следуйте к аварийным выходам и направляйтесь в сторону порта, на запад. Любой человек, пытающийся препятствовать побегу, будет жестоко наказан. Анархия против террора. Приятного дня.

Джокер развлекался. Мы, конечно, его не видели, но он управлялся с системой безопасности Каабы, словно с игрушкой. Он ей насмешливо дирижировал, пересобирал. Рыжая усмехнулась в камеру, перемахнула через каталку, обогнав меня, и они с бывшим священником помчались по лестнице вверх. Лаборатории находились в нашей власти — стимуляторы вызывали желание хохотать от расхлябанной пустоты. Рашель мы нашли быстро — все остальные двери были закрыты.

— Я освободил всех на первом этаже, так что убегать будете через аварийный второго. Ну, как он? Все, кто мог ходить, уже расползлись по Трэму.

Рашель выглядела как рыжеватый толстяк с неаккуратной бородкой, он был зафиксирован на кровати с помощью ремней и грезил под управлением вирт-шлема. Мужчина был одет в полупрозрачный облегающий комбинезон, наверняка при желании заменяющий и мешок для трупов. Прагматично. Рыжая сорвала с него шлем, выдернула «вилку» и ударила по щекам с обеих сторон.

— Я умею делать копии людей, — срывающимся голосом сказал он.

Мне показалось, что он даже не понял, что отключился. Стар

ударила его еще раз — небольно, просто, чтобы привести в себя.

— Это уже ни к чему, Рашель. Тебе пора уходить отсюда.

В глазах мужчины загорелись огоньки понимания.

— Не стреляйте, я совершенно безобиден. Неужели колонии наконец захватили Землю? Я жду этого несколько лет!

Гарри засмеялся, разрезал ремни и оружием показал на выход. Толстяка нельзя было назвать стремительным, он плохо держался на ногах, но задачу понял. Трубки, отходящие от комбинезона, болтались и волочились сзади.

— Я должен успеть добраться до неба, — тяжело дыша и делая передышки, он все-таки бежал к аварийному выходу.

Мы застыли, наблюдая за тем, как он приближается к открытой двери. Цитадель пала, толстяк ковылял к свободе, похожий на разбитую и плохо склеенную куклу, но ведомый желанием вдыхать живую и грязную ночь Тиа-сити. Ни у одного из нас не было желания вникать в фарш в его голове, но зрелище околдовывало. Это было тем видом преступления, которое хочется повторять снова. Я машинально открыл столик около панели управления электронными суррогатами, предназначенными для бывшего героя Среды, и засунул в карман пригоршню чипов.

— Внимание, это нападение, — повторял великолепно безжизненный голос.

Мы последовали за толстяком, слыша, как щелкают запоры остающихся позади палат, — джокер не собирался лишать шанса ни одного из находящихся в кубе пленников. Он распахивал двери каждой клетки, ломал заграждения, разбирая крепость на части. Надо отдать ему должное — джокер отлично все срежиссировал.

На улице я стащил противогаз, втянул мокрый воздух Трэма, оттолкнул «Рашель» и спрыгнул вниз. Пустое пространство перед Каабой, ярко освещенное прожектором, было заполнено беглыми заключенными. Далеко не все следовали указаниям джокера, кое-кто бежал по направлению к Косе или просто сидел на земле, не понимая, что делать и куда двигаться. Довольно крупная группа психов внимала воинственным крикам новоявленного лидера. Гарри оттолкнул вялого пациента, сидящего перед лестницей и смотревшего вверх, и бросил ему на колени противогаз. Люди, одетые в халаты коричневато-белого цвета, похожие на мятые бумажные пакеты, текли прочь, словно белые шары. Я смотрел на них и понимал, что мы только что нагло вскрыли мерцающую коробку, а игроки вскоре достигнут города. Охрана вернется, но не успеет поймать всех.

— Наверняка это опыт… Наверняка это опыт… — повторял

бедняга с противогазом на коленях.

— Это не опыт, — Гарри дернул меня за куртку. — Время вышло.

— Подонки заплатят за все! — буйствовал худой и озлобленный пациент. — Мы должны найти их и вздернуть, как бешеных собак!

Пациенты рядом пока еще нестройно, но с каждым разом все более уверенно поддакивали оратору.

— Самое время покинуть сцену, — Гарри запихнул в рот мятую сигарету. — Лучше бы они следовали указаниям системы.

Мы понеслись прочь от раскрытого настежь куба, пока не оказались под защитой тумана, зарослей и развалин. Стимуляторы размывали чувство опасности — здесь, в темноте, мы казались себе неуязвимыми. Я давно так не уставал, Стар еле держалась на ногах, Гарри ухмылялся через силу, но это ничего не значило. Теперь, когда горячка спадала, становилось понятно, насколько дикой и бессмысленной была наша затея, хотя именно ее безрассудность и делала ее такой важной. Тостяка мы с собой не взяли — геймер с промытыми мозгами выдаст нас первому копу. Мы дали ему шанс, этого было вполне достаточно.

— Мы сделали все, что собирались, и мне понравилось. Только где Мэд? Он уверял, что умеет водить!

Стар вгляделась во тьму, надеясь заметить джокера. Спустя несколько секунд он появился, — Мэд выглядел взмыленным, он был взъерошен и далеко не так аккуратен, как обычно. Глаза у него горели, он мало чем отличался от большинства освобожденных психов. Джокер плохо подходил на роль криминального шофера.

— Два парня нарисовали пентаграмму около входа в куб и теперь ждут, пока прилетят демоны, чтобы отомстить за унижения, — сообщил он. — Потрясающе.

— У тебя большой опыт? — Гарри кивнул на узконосый и хищный аппарат.

— Летал в павильоне, — признался джокер.

Хотелось его подколоть, но ни я, ни Гарри вообще никогда не водили флаер — они были нам не по карману, нас слишком тянула к себе земля с ее долгами, потрепанными лавками, гнилыми геймклубами для нищих парней из предпортовых районов. Мы втиснулись внутрь, подобрали зомби и помчались над Трэмом. Джокер держался низко к земле, чтобы не привлекать внимания, поэтому периодически мы на что-нибудь натыкались, один раз едва не перевернувшись. Но уже через пять минут Мэд повел аппарат над ночным заливом, понесся прочь от порта, огибая город с другой стороны. Ветер бил в лицо, тихо

свистел, волосы рыжей развевались. Она вытянула руки и откинулась назад, ловя ладонями струи воздуха. Священник тоже расслабился и выкинул оружие в воду. Звезды мутно просвечивали сквозь облака.

Мы летели над городом, ныряли под вереницу мостов, соединяющих регионы с центром Тиа-сити, и мерцающая внизу вода была нашей магистралью. Мы становились сумасшедшими, освободителями рабов, древними рыцарями, осматривающими новые владения, завоевателями, вторгающимися на чужое дно. Город принадлежал нам вплоть до самого маленького и вонючего переулка, в котором вялый ветер катал пустые оболочки из-под сухой еды. Как и для всех, раньше Тиа-сити был для меня непобедим, он сжирал меня как огромная язва, гигантский устрашающий нарыв, топил в череде никчемностей. Но теперь я знал его слабое место — слишком давно никто не давал ему пинка.

Позже из новостей мы узнали, что кроме сборки легендарных игроков-психопатов освободили лжепророка-педофила и подопытного монстра с Урании. За последнего мы порадовались особо.

Одиннадцать.

Взгляд как манера рассказывать о себе, флирт как способ подчинения. Стар истончалась, ее легко можно было сложить пополам, катая позвонки под кожей. Лицо старело, кожа была серой, глаза — злыми. Но ее злость хранила запах диких пустынь, отзвук баек охотников за астероидами, звездную пыль, рычание зверя, сердитый зуд. В былые времена она стала бы рок-звездой, сидящей у грязной стены под подписью «постмодерн», а сейчас ей оставалось только поедать саму себя, втыкая в голову иглы.

— Ты знаешь, что она пишет о нас игру? Когда игра закончится, она нас заложит.

— Я не верю в это.

Внутри моего лба вращалась центрифуга, внутри ее головы работала атомная станция. Ядовитые отходы ее воображения комкали улыбку, выжигали зрачки. Чтобы сказать про любовь, ей потребовалось изрезать себя в клочья. Возможно, она хотела сказать что-то и Мэду, но мы давно разучились говорить, облекать в слова брызги цветного стекла переживаний. Она неистово рисовала в надежде рассказать что-то, что невозможно было выразить просто так. Наша телепатия была двояка — я

слишком сильно чувствовал ее сломы.

Трудно подобрать слова, чтобы сказать, как она смотрела на джокера. Кляксы зрачков взрывались в грязно-зеленых глазах, движения становились скованными. Рыжая разглядывала его безвольные губы, курила, рассеянно и мягко поднося сигарету. Мне хотелось нарисовать между ней и Мэдом модулированный сигнал из технических инструкций, склеить эту дурацкую сцену из разноцветного картона и передать в космос, уничтожив оригиналы. Иногда они не разговаривали, а только молчали, рассматривая друг друга. Она могла бы загореться и рассыпаться в труху, если бы разжала сжатую в кулак руку.

— Ты можешь взять его, если хочешь.

— Мне это не нужно. Мне нравится пространство между нашими силуэтами.

Стар хотела сделать копию Мэда, перенести все до малейшей черты, осуществить невозможное. Мы даже провели эксперимент — я использовал облегченную версию ее устройства, пытаясь думать о Мэде, и был поражен, как точно у меня из головы вырвали кусок жизни. В ролике Мэд сидел, скрестив ноги, и печатал на переносной панели. Рыжую это не удовлетворяло, ей не нужны были рисунки, — она хотела реконструировать психику человека, который был для нее закрыт. Думаю, что это была типичная подмена понятий — Стар хотела разобраться в самом джокере, пробраться сквозь его защиту прямо в нутро, потому что он был ей любопытен, но, хотя он откликался на ее привязанность, яснее для нее не становился. Она собиралась приблизиться к нему на максимально доступное расстояние. Каждое из ее объяснений было таким запутанным, что я даже не старался в них вникать. Я решил, что эта часть Стар ко мне не относится, выставил защитный барьер. Так или иначе, он много для нее значил, то же самое можно было сказать и о Мэде — джокер к нам привязался, привык, хотя ничего не говорил об этом. Не было похоже, что его кто-то поджидает дома.

Мы остановились в затрапезном и малоприметном отеле недалеко от туристического района. Через эту контору проходило столько жильцов, что наша компания не должна была никого заинтересовать. После схватки в реальности мы все с заметным облегчением погрузились в вирт, он казался безопасным, приятно окутывал. Первое, что удивляло, — полное отсутствие информации о налете на лечебницу. Меня это насторожило — скрывать краш Среды было невозможно, слишком много свидетелей, здесь же Корпорация воспользовалась фильтром. Несмотря на предположения Стар, в Каабе было что-то важное или им надоело раскачивать ситуацию бесплатной сетевой

рекламой погромщиков. Джокер усмехнулся и кинул мне инфокапсулу:

— Думаю, мы вполне можем подогреть обстановку.

Уже через некоторое время видео, на котором психи разбегались прочь от куба, висело на всех известных досках. В отличие от нападения на Реи, игроки поддерживали атаку на куб просто потому, что легко могли представить себя на месте бывших сетевых героев, но в реальность съемок не верили. Жизнь можно подделать миллионами разных способов, положиться на размытую картинку для жителей Тиа-сити оказалось гораздо сложнее, чем осознать падение уровня Среды. Этот факт подействовал на меня и на Гарри совершенно противоположным образом. Он получил лишние доказательства того, что для достижения какого-либо статуса, веса, денег действовать можно только через Среду, попытки повлиять на реальность никого не способны взволновать. Гарри не интересовала абстрактная задача разрушения связей, ему нравились конкретные результаты, микровзрывы. Я же был абсолютно уверен, что игроки и жители виртуальных миров достигли такого уровня привыкания, что даже не способны понять, откуда приходит настоящая угроза. Их равнодушие подталкивало меня сокрушить мнимую безопасность. Рочестер говорил как раз об этом, когда объяснял про рычаг всеобщего отключения электричества.

Некоторое время мы развлекались, не делая ничего по-настоящему важного. Мы все еще ждали охоты, но никто не торопился нас искать. Я отравился Средой, погружаясь все глубже и объясняя это необходимостью ее изучить, но правда была проста — контраст между агрессивной пустотой, в которой каждый штрих имеет свой ценник, и попыткой создавать внутри коммерческой оболочки нечто удивительное, надорвавшийся детальный полет фантазии меня притягивал. Мне нравилась изломанная бесконечность улиц вымышленных городов, механические мельницы, взрывы дирижаблей, таких привлекательных в роли жертв, длинноволосые бестии, овеществленные мифы, возможность падать — и не разбиваться, умирать — и не умереть. Здесь было ощущение того, что Тиа-сити не давал, — состояние включенности в невидимую цепь связей, многообразие, подмена исследовательского инстинкта. Среда обещала, что за углом тебя ждет что-то новое, но одновременно с этим ее губила определенность, мертвенность, постоянный намек на оплату удовольствий.

Я знал, что поддаюсь, но все же участвовал в переворотах и казнил, видел, как чужаки умирают, боролся с тошнотой после и убеждал себя в том, что происходящее — всего лишь удачный

обман. Факт состоял в том, что мне хотелось наказывать, резать, биться, как берсерк, разрушать планеты и карать проигравших. Среда маскирует картинками желание власти — власти над материей, над духом, над другими, всеобъемлющей власти над объектами, которую называет свободой. Она дает возможность сливать недовольство, не оставляет ни шанса на настоящий протест. Среда делает людей безопасными. Она словно стержень, на который нанизаны сферы вирт-миров, и игровые локации — всего лишь затравка, порог.

Я воскресил всех убитых, но остался неприятный привкус. Сделав вид, что ничего не произошло, я слышал внутренний смех — какая-то часть внутри издевалась надо мной и звала попробовать еще, чтобы разбавить отторжение. Стар говорила, что я плохо понимаю технофриков, считая Среду игрой, тогда как для них она является частью психики, элексиром, воздухом, жаждой. И самым важным являются не картины и не мириады планет, а эмоции, психологические эффекты, расщепление. Чем сильнее они привыкали к Среде, тем быстрее переставали быть людьми. Как и мы.

Решив сменить занятие и избавиться от соблазна, я достал чипы, которые унес из Каабы, и начал читать все, что там нашел. Мне никто не мешал — рыжая отправилась моделировать в цитадель зла, Гарри тренировался и испытывал ускорители, Мэд занимался чем-то, по привычке никому не сообщив сути дела. Добыча состояла из пяти чипов, два из которых оказались отчетами о ходе исследований над Рашелью с фотографиями, скриншотами, психограммами и целой кучей чудовищных формул, графиков, выкладок, которые было трудно понять. Большая часть отчетов была скучна, как ад, но сухая выжимка впечатляла. Целью исследования была возможность постепенной модуляции психики заранее заложенной последовательностью ключевых точек. Говоря проще, они хотели, чтобы с помощью вирт-шлема в мозг Рашели поступали сигналы, постепенно подменяющие стимулы действий. Речь шла не о простом внушении или рекламе, а о более деликатной операции — подопытный просто должен был со временем меняться в заданном исследователями направлении. Тренироваться на толстяке было просто, потому что он был одержим ретро-играми, его интересовали возможности человеческого воображения, а не та умопомрачительная графика, которую давала Среда. С точки зрения мозголомов он был замечательным анахронизмом, идеальной мишенью для их работы. Отчеты скрупулезно фиксировали взгляды Рашели, и он мне начал нравиться даже больше, чем прежде, — в нем было много от Рочестера, хотя силы

воли ему недоставало.

Тактика врачей из куба в отношении Рашели потерпела крах — прямые попытки внушения вызывали чувство вины, буйство, отчаяние, подавляли его творческие способности; более мягкое воздействие им успешно блокировалось. Толстяк чувствовал, что его пытаются изменить, потому что у него появлялись чужие мысли, ему не принадлежавшие. Каким-то образом ему удавалось разделить собственную сумбурную психическую сферу и то, что его пытались заставить принять.

Второй чип рассказывал о более поздних разработках. Акцент сместился, теперь речь шла о комплекте, способном стимулировать нужные участки мозга с целью получения определенного состояния пациента, а затем уже пытаться подтолкнуть его к требуемому действию. Идея сработала, причем, если верить кратким заметкам, у нее было коммерческое применение. Доктора называли эту вещь «модулятор поведения», рассматривалась также возможность активации наномашин для создания необходимых биохимических соединений прямиком в нужном месте мозга. В биологии я плавал, поэтому пролистал невнимательно, но даже поверхностных сведений хватало для того, чтобы я еще раз порадовался за побег Рашели. «Модулятор поведения» добился поставленной цели — толстяк начал сомневаться в своих убеждениях, постепенно поддаваться на предложения врачей, проникать в глубокий вирт. Они заставляли его любить то, ненавидеть это, причем Рашели казалось, что изменения — результат внутренней эволюции, постепенных прозрений. Это было подло и этого можно было добиться гораздо более простыми средствами — уговором, сделкой, стимуляцией любопытства, но целью модулятора было не создание тяги к Среде, а проверка возможности управлять принципами, картиной мира у устойчивого индивида. Власть свободно программировать людей. Конечно, модулятор мог избавить кого-то от фобий или сделать безрассудно смелым, но я сильно сомневался, что исследования проводились именно для этого.

После достигнутого успеха толстяк перестал быть им интересен, и они решили использовать беднягу в качестве рядового участника целой серии разнообразных тестов и проектов. Последние отчеты на втором чипе описывали его подвижки в рамках проекта «Друг». Данных о проекте нашлось немного — похоже, Корпорацию интересовала возможность делать улучшенные вирт-копии людей. Такие вещи давно практиковались, особенно с умершими, но психику андроидов создавали специалисты на основе рассказов, видео, консультаций и другой информации от близких. Обычно даже несовершенный

результат удовлетворял заказчиков — люди нетребовательны, их больше интересует внешность, псевдоприсутствие. Здесь же акцент делался на психослепок из памяти подопытного — он старался сделать ярким того, кто ему был интересен, программа схватывала отпечаток и давала возможность убрать раздражающие черты. Я посмотрел на замершего за экраном Гарри и представил, как кто-то урезает его вспыльчивость, надменность и болезненную подозрительность. Вместо бывшего священника, хитрого обманщика вполне можно получить удобную во всех отношениях шлюху, сделать полную подключку и жить так вечно, играя в гражданскую войну. Можно было обтесать каждого в моей памяти. Избавить рыжую от Мэда и Артюра Рембо, добавить джокеру самостоятельности и опыта, убрать тягу Гарри к спидерам и отвращение к миру, но оставить им всем часть своеобразия, а потом поселить в той Вселенной, которая бы нам подошла… Разработчики хотели перенести внутрь Среды то, что еще держало людей снаружи. И, конечно, за своих идеальных друзей нужно было каждый месяц платить.

Меня затошнило. Я захотел выкурить сигарету, хотя никогда не курил. Выпивка в номере закончилась. Можно было обнародовать эти данные, но я был уверен, что это не даст никакого эффекта. Подобные новости всегда шокируют, ты примеряешь их на себя, потом начинаешь думать, что в мире есть достаточно гораздо более страшных вещей, чем корректировка поведения или слепки с приятелей, что это так же обыденно, как генная модификация. Чуть позже ты уже обнаруживаешь в находке приятную сторону. Я достаточно знал о себе и технофриках, чтобы понимать, что они придут в восторг, — всем нам все еще нужны живые люди, но они не удовлетворяют желаниям в изменениях, они слишком своевольны. Рыжая была невероятна, но я вполне мог составить список ее недостатков. Среда предлагала компромисс, на который большинство пойдет с плохо сдерживаемым удовольствием.

— Манипулятор сознанием? Я знаю только одну реализацию — дьявол-чип, — голос рыжей был плохо слышен. — В подполье пользуется таким же успехом, как хорошие пытки. Подсаживаешь к себе мозгового паразита — и он размывает моральные понятия, проводит пай-мальчиков по постепенной лестнице деградации, подкидывает желания, о которых ты и помыслить бы не мог. То есть ты в самом деле становишься другим человеком, иссохший город начинает играть новыми красками. Дьявол-чип меняет психологическую палитру, искажает маршруты, и человек обнаруживает в городе пропущенные дыры. В своем роде гениальная вещь. Чип-искуситель. Анализирует табу и

преподносит их в новом свете. При этом собрать обратно раскрошенную личность, конечно, нельзя.

— Тебе приходилось их использовать?

— В период обучения нас не спрашивали, чего мы хотим, а чего — нет. Но это был легкий контроль, стимуляция творческого буйства. Коррекция поведения. Что еще ты нашел?

— У меня есть три чипа, которые я не могу прочесть. Это наверняка образцы, но без описания я не знаю, как с ними работать.

— Что бы на них ни было записано, за них дадут хорошую цену на черном рынке, — хмыкнула Стар. — Кстати, на нас вышли представители Кларка, проверь общую почту — там координаты приватного коридора.

— Кто такой Кларк?

— Крупный акционер с Венеры, хочет сделать нам предложение. Один из немногих венерианцев, который не гнушается зарабатывать на Среде деньги, — в основном, они считают Землю помойкой. О нем, как о любой крупной бизнес-фигуре, известно мало, но вряд ли стоит обнадеживать себя желанием повстречать приятного собеседника. Хотя это может быть и KIDS, и кто угодно еще, желающий нас выманить из укрытия. Но у меня странное чувство, Грайнд, — никто не собирается нас ловить, мы никому не нужны, потому что сами являемся частью Среды… Мы от нее зависим, так что не решимся ни на что по-настоящему страшное. Это так унизительно.

Я слышал, как она затягивается.

— Разве ты не собиралась поджечь здесь все, оставить только пепел?

— В том-то и дело, Грайнд. Я до сих пор собираюсь.

— У меня есть еще новости — в кубе велось множество странных проектов, один из них меня задел, — я рассказал ей про копии.

— Отчасти и я этим занимаюсь — заимствую кусок тут и там, но здесь речь идет о том, что любой сможет вырезать воспоминания и делать из них големов… — рыжая замолчала. — Уничтожь чипы. Вряд ли это единственная копия, но лучше такое у себя не держать, иначе захочется попробовать. После того, как сделаешь друга куклой, относиться к нему, как раньше, не выйдет.

— Приходи сюда, я хочу тебя видеть.

Ее глаза, острые плечи, ядовитые волосы. Голоса было слишком мало, мне казалось, что пока ее нет с нами, кто-то убивает ее по частям.

— Моя память скоро осыплется, словно краска со старой

стены. Надеюсь, на ней останется только твое лицо. Именно поэтому я так стараюсь записать все, что вижу, внутрь инфокапсул. Мне не хочется вас забывать.

Через несколько дней безделья мы все-таки решили встретиться с «Кларком». Он мне представлялся щербатым и корявым богатым божком, который может позволить себе ждать целую вечность в то время как мы начинаем обгорать при встрече со временем. У нас все еще оставалось достаточно любопытства, чтобы заглотить приманку. Письмо было коротким, сдержанным и выполненным в сугубо деловом ключе. Его автор хотел предложить нам настолько выгодный взаимообмен, что не считал нужным упоминать детали. Мэд собирался нас подстраховывать на случай слежки, рыжая села рядом со мной, Гарри разминался, выпуская кольца дыма. Возможность сразиться в разговоре с такой шишкой, как Кларк, его заводила.

Ссылка вела в роскошный кабинет с тяжелой мебелью, старомодными креслами и деревянным письменным столом. Пол обхватывал плотный ковер. Стиль нарушал только большой инфоэкран на стене, панель управления которым была выведена недалеко от пачки бумаги. Тщательность в оформлении наводила на мысли, что вирт-коридором пользовались для постоянных встреч, он должен был и производил необходимое впечатление — полировка стола приглушенно блестела, всюду висели ретро-картины, в углах лежали бархатные тени. Очерченная черной рамой, леди в голубом тянулась к фрукту искаженных пропорций, и мне показалось, что это довольно точная аллюзия на нас. Кабинет не был слишком уютен, он давал понять, что ты — всего лишь гость, но в нем чувствовался шик. Мне он был неприятен — типичное стремление к роскоши за счет прошлого. Каждый сантиментр здесь был имитацией и одновременно каноном. Жалюзи были закрыты, поэтому я не видел, в какую часть Среды нас занесло.

— Чисто, — отрапортовал Мэд. — Настолько, что даже странно.

Я нахмурился и сел в одно из кресел, ожидая хозяина кабинета. Гарри положил ногу на ногу и огляделся в поисках пепельницы.

— Она здесь, молодой человек.

Кларк возник за столом-монстром и подвинул к нему стеклянный круг. Он выглядел как деятельный, но одутловатый пятидесятилетний мужчина. Дорогой костюм некрасиво топорщился на брюшке, на правой руке можно было заметить два безвкусных перстня, но в остальном он смотрелся как полностью

упакованный и настроенный манекен-убийца. Мелкие дефекты заставляли его выглядеть более натуральным, он хотел, чтобы мы верили, будто его можно обмануть. При этом он подавлял пиджаком, бордовым жилетом, галстуком, кожаными туфлями — одежда Кларка заставляла ощущать себя голодранцем. Кажется, у него были даже запонки. Выходец из большого бизнеса, гомункулус, отрыжка с высоких орбит. Священник глазом не моргнул, щелкнув зажигалкой.

— Меня зовут Рональд Кларк, я владелец одной четвертой всех коммерческих площадей Среды. Могу я узнать, с кем имею честь беседовать?

— Я — Грайнд, — несколько более развязно, чем собирался, ответил я. — Это еще один член команды. По понятным причинам мы не хотели бы давать более подробную информацию.

— Ну, о вас лично я знаю достаточно, — с раздражающим дружелюбием сказал Кларк. — Но в команде должно быть как минимум трое, и мне интересен каждый.

— Сначала вам стоит заинтересовать нас, а потом уже что-то требовать, — пожал плечами Гарри. — Можете называть меня Дейл.

Священник поддержал мой наглый тон, блестяще разыгрывая роль самоуверенного выскочки. Старая тактика дикарей при охоте на тигра — повторять движения друг друга, надеясь, что тот спятит и начнет кидаться, куда попало.

— Отлично, Дейл. Ваша деловая хватка мне нравится, — Кларк налил себе воды. — Вы атаковали сеть, надеясь привлечь внимание, и вам это удалось. Должен сказать, что ваше мастерство и бесстрашие впечатляют — сейчас трудно найти людей с оригинальным мышлением. Уверен, что за такими дерзкими выходками стояло нечто большее, чем просто желание кому-то досадить. Я могу предложить вам возможность применять навыки и получать за это хорошие деньги. Вы тесно познакомились с марионетками и теперь считайте, что вас пригласили за кулисы.

Мэд шутливо присвистнул по внутренней связи.

— Несмотря на то, что я являюсь акционером Корпорации и владельцем части уровней, существуют вещи, которые нельзя сделать с помощью одних только денег. Поэтому мне необходимы сообразительные… партнеры, — продолжил он. — Среди вас есть психодизайнер, отличный кодер, хороший игрок, и их или его услуги мне особенно необходимы.

— Любой работник Корпорации будет счастлив вам помочь, — пожал плечами я. — К тому же пока вы не представили никаких доказательств собственной реальности.

— Как и вы. Вещи, которые мне необходимы, лежат вне компетенции сотрудников хорошо известной нам славной конторы. Пожалуй, меня можно назвать таким же бунтарем, как вас, — Кларк отечески улыбнулся.

— А с моей точки зрения, вы паразит.

Кларк засмеялся, как будто я удачно пошутил.

— Какая энергия! Особенно для того, кто вовсю сосет соки из Среды. Но, думаю, вы уже столкнулись с вопросом «что дальше?», — его тон изменился. — Давайте будем откровенны — вы всем продемонстрировали свои возможности, но вот куда двигаться теперь? Пространство для забав закончилось, а для серьезных вещей вы еще не готовы. Воспринимать всерьез разговоры в духе Трэя Робертса могут только подростки. Ему было достаточно звука гудящего пламени, но вы не из таких, вам необходимо что-то взамен уничтоженного. Вы ведь уже знаете, что земля в Тиа-сити по большей части принадлежит сейрам? Я не против, давайте помечтаем. Допустим самый безумный вариант развития событий — вам удается организовать восстание, направить пиратские челноки на здания в центре города и устроить старомодную революцию. Воскресшие от иллюзий игроки будут весело палить в воздух и взрывать дома, как это делали недавно луддиты, — Кларк усмехнулся. — Если это произойдет, инопланетники подавят восстание за считанные минуты. Кроме этого вы снова начнете межгалактическую войну, которой нам просто не вынести. Вместо веселых бунтарей-одиночек вы превратитесь в чудовищ, из-за которых погибнут миллиарды.

— Сделка с сейрами не обладает силой, о ней никто не знает, — возразил я. — Я бы предложил другой вариант событий — люди понимают, что их продали, и растирают вас в порошок.

— Почему же не обладает, молодой человек? Земля в городе является собственностью Корпорации, ее можно продавать и покупать, что акционерами и было сделано. Я тоже участвовал в законной сделке, — Кларк встал и вложил руки в карманы жилета. — У Тиа-сити не было другого выбора — его экономика полностью строится на вирт-продуктах, городу больше нечем соблазнять инвесторов, нечего продавать, а покупать нужно столько всего, что я даже не буду пытаться перечислить. Взять хотя бы продукты — вам ведь известно, что здесь ничего не растет. Без вирта люди умрут с голоду. В момент кризиса нам пришлось продать землю, чтобы выручить деньги на развитие. Позже мы можем выкупить ее обратно, здесь нет ничего фатального.

Среда — наша благословенная возможность выживать. Она не

так чиста, как мне хотелось бы, но люди не всегда готовы платить за святость, им нравятся собственные слабости. Однако я не думаю, что это вас всерьез беспокоит. Вам ведь хотелось разбить клетку? Я поздравляю вас, господа, вам это удалось. Я могу наделить вас как раз той властью, которую вы хотели. Недвижимость, проценты с продаж игр и оборудования, неиссякаемый источник денег, полная свобода перемещений на любую планету. Из бродяг на краю Вселенной вы станете настоящими путешественниками. Грайнд, вы сможете играть, где и когда вам хочется. Вы сможете выйти из круга зависимостей.

Я мог возражать ему и спросить, зачем людям вообще оставаться на мертвой Земле, но видел, что он считает нас выскочками, которых можно с удовольствием совращать. Он воображал себя ходячим дьявол-чипом, я не стал останавливать спектакль. Для таких, как он, мысль о восстании действительно должна быть нелепой, но меня уязвляло, как уверенно он обрисовывает отсутствие перспектив. Каждый из нас об этом уже размышлял. В устах Кларка мои надежды выглядели жалко, им недоставало логики. Он был из тех персонажей, что спутывают мечты и предлагают вместо них мешок потертых купюр. И если в чужих историях такие предложения выглядят нарочитыми, то в жизни, поверьте, они очень соблазнительны.

— Мир Земли, как и любой другой, делится на хозяев и массу. Не существует промежуточных стадий, это самообман. Я хочу предложить вам участвовать в процессах управления развитием Среды, вы ведь так самозабвенно с ней воюете. Когда начинаешь разбираться в чем-то так глубоко — это почти искусство. И уничтожить то, что дает возможность так ярко проявлять себя, было бы неразумно.

— Пока я вижу только личные интересы владельца. Но предположим, что меня это заинтересует. Чего вы хотите взамен?

Кларк открыл жалюзи, через прорези виднелся один из космических городов. Бизнесмен некоторое время с удовольствием смотрел на силуэты заводов посреди алой пустыни — Марс или какой-то из его спутников.

— Не так много. Практически ничего из того, чего вы еще не делали, — он повернулся и оперся руками на стол. — Я хочу создать отряд ассасинов. Новая «вилка» позволяет взламывать чужую психику по линии обратной связи, именно это мне сейчас и требуется. Никакой скуки — вы сохраните свой авантюризм, станет даже сложнее и опаснее, но получать вы станете не в пример больше.

Священник включился в разговор, пока я переваривал новость:

— Кто предполагаемые жертвы?

— Разные строптивцы, конкуренты, поборники морали, тормозящие внедрение новых проектов, или слишком извращенные люди. Любые крайности нам ни к чему. Вам будет легко их побеждать, ведь все они — акционеры, руководители, люди, имеющие отношение к тому, что вы так презираете. Вы верно подметили — Корпорация стремится к слишком большому контролю над происходящим… У вас будет шанс улучшить ситуацию для игроков и не пятнать свою совесть.

— KIDS, наверное, кто-то вроде вас сделал такое же предложение, — я оскорбительно улыбался — его обтекаемость выводила меня из себя. — Вы даже не говорите, в чем вина мишеней, надеясь, что, увидев деньги, мы помчимся за ними, словно у нас в заднице шило. Мы можем добыть достаточно денег без вашей помощи. Мы можем взломать и вас. С какой стати нам становиться наемниками и получать плату от врагов?

— Хахаха, конечно, конечно. Но за вами не пришли только потому, что я взял вас под свою протекцию. Глупо было бы разбазаривать такие ресурсы. Достаточно денег? Достаточно для чего? Для того, чтобы сидеть в отеле и есть оранжевые чипсы? Но достаточно ли для того, чтобы купить свой корабль и исследовать Вселенную? Не торопитесь, Грайнд. Деньги — это всего лишь инструмент, и вам этот инструмент необходим, — Кларк пер на нас, словно космический лайнер. — Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Вас как будто обманывают, снова заставляют стать чужой марионеткой. Но до разговора со мной вы собирались лишить людей прыжка вниз с небоскреба, когда можно притормозить перед самым падением и развернуться, потеряв вес. Кривые полета неподдельно хороши, в городе вы всего лишь неповоротливая туша. Сотни нанизанных друг на друга миров, куски чужой фантазии, древние блюзы, вознесение, утопии, воскрешенные братья, синтетические друзья. Вы думаете, что вправе все это стирать? Люди, у которых вы уничтожаете привязанности и мечты, вас возненавидят. И будут совершенно правы. Стоит сравнить две наши аморальности и становится ясно, что ваша — это проигрыш. Вам не будет прощения.

— Я не ищу прощения.

Он нам врал, ничуть этого не стесняясь, считая это своей прерогативой. Я бы с удовольствием сбил с него спесь, но кое-что из сказанного меня задевало. Может быть, это и было задачей встречи — вывести нас из себя, спровоцировать на неадекватный ответ, чтобы поймать. Такое объяснение могло бы меня успокоить, если бы я не верил в существование человека в бордовом жилете. Он являлся тем звеном, которого не хватало

для полноты картины. За серой пеленой Тиа-сити могли стоять только такие, как Кларк.

— Рекомендую вам поразмыслить о моем предложении. Обсудить с друзьями, — он поднял бокал, взглянув на бывшего священника. — Пока у вас хорошие шансы на рынке, но это не будет продолжаться вечно. Я пришлю вам дополнительные данные. Хватайте удачу за хвост, молодые люди.

Он отключился, я стащил очки и посмотрел на рыжую. Стар насмешливо пожала плечами, ожидая реакции от нас.

— Вот подонок! Как на счет взломать этого старого самодовольного урода?

— Мне не удалось узнать о нем совершенно ничего. Прекрасная защита, над ней поработали профессионалы, — джокер не отрывался от панели. — Но это не означает, что вскрыть его нельзя. Я бы попробовал, хотя он из другой весовой категории чем все, кто нам раньше встречался.

— Гарри?

Священник потянулся за соком, выпил немного и начал изучать стену. Он расслабился, играя стальными пальцами с упаковкой синтетической еды, подбрасывал хрустящий пакет с аляповатыми надписями и ловил его снова.

— Что скажешь?

Он швырнул упаковку и резко встал.

— Взломать? А вам не кажется, что это становится несколько однообразным? Я не хочу его взламывать. Я собираюсь на него поработать.

Двенадцать.

Мы подобрались друг к другу слишком близко, это пугало. Священник был не из тех, кто способен долго оставаться предсказуемым, прямые дороги вызывали у него отвращение. Наши с ним передряги были разновидностью выживания, а с появлением Стар и Мэда он оказался вовлеченным в священную войну. Пора было сделать шаг назад, скрыться в тени, все забыть и прожить еще вечность перед тем, как понять, что других людей не существует. Если бы нам приходилось умирать от голода, прятаться в катакомбах, продавать органы или терпеть пытки, мы бы удержались. Но не происходило ровным счетом ничего. Тишина ничем не разразилась. Весь свинец истратили не на нас. Мы начали искать трещины на штукатурке друг друга, и их было очень легко отыскать.

Гарри не только ушел, но и прихватил чипы, которые я взял

из куба, — ему нужно было чем-то купить Кларка перед тем, как он захочет пойти на сделку. Я недооценил желание бывшего священника оставаться закрытым; он не собирался жить рядом с людьми, которые знали о нем чересчур много. Он избавился от нас облегчением и приятной злостью, парадоксально не переставая считать приятелями. Думаю, Гарри предал нас просто для того, чтобы узнать, что почувствует.

Джокер воспринял новость так же спокойно, как воспринимал практически все; Стар хищно щурилась. Гарри так убедительно отыграл самозванца, что расспрашивать его казалось лишним. Кларк пустит чипы в оборот ради выручки, и я не мог понять, как это можно предотвратить. Самое неприятное заключалось в том, что Гарри не исчез окончательно — он появлялся и теребил испорченным обаянием, хотел, чтобы мы лавировали вместе с ним, оставаясь на удобном расстоянии. Бывший священник старался перетянуть нас на свою сторону по той же причине, по которой дурачил уличные отбросы, — ему это нравилось. Он подбирался к каждому по отдельности и жонглировал противоречиями. Это злило.

— Я не понимаю, почему ты решил сдать именно сейчас.

— Попробуй сам, это освежает, — предложил он. — Словно подстричься или купить новую рубашку.

— Еще немного — и ты начнешь жаловаться, что тебе не с кем поговорить. Что тебе нужно от Стар?

— Стар — ходячая инфекция, но использует свои возможности слишком узко. При этом она не такая однообразная, как ты. У нее хороший нюх на людей, так что я верил, что она еще может быть полезна. Но после нескольких попыток понял, что ошибался, — интерес к джокеру ее разлагает. Ей как создателю религий очень хочется самой поверить во что-нибудь, а я не переношу мифы. Я слонялся по этому городу, обманывая лохов, с самого детства. Сейчас я могу просто брать порошок и жать на кнопки, за минуты добиваясь того, на что раньше уходили недели. В глобальном смысле — неплохой обмен.

— Верни чипы.

— Я отправил их в Центр. Если хитрожопый подонок Кларк не обманул, доля прибыли будет принадлежать мне. Судя по первым впечатлениям от содержимого, я скоро стану богатым парнем. Любопытно, что при этом чувствуешь. Могу пожертвовать немного на ваше сопротивление.

Я промолчал, прикидывая, что можно сделать, но способ помешать священнику был один — оседлать бульдозер, поднять черно-красный флаг, разнести чужую крепость. Слова Гарри разрушали. Для него побег через задний ход был возможностью

вырваться из сферы взаимной зависимости, которая ему не подчинялась, но признаваться в этом бывший священник не хотел. Вражда казалась ему неплохим способом сменить расстановку фигур.

— Уверен, что ты сейчас раздумываешь над ретро-клубами и настоящей музыкой, над тем, как стереть Среду и восстановить справедливость, — нарушил затянувшееся молчание он. — Но вот скажи мне честно, когда ты в последний раз брал в руки гитару? Когда у тебя вообще возникала нужда в чем-то натуральном?

Вопрос застал меня врасплох. Последние операции вытягивали из нас все силы до последнего, так что война со Средой отодвинула музыку на задний план. Гарри затянулся:

— Я решил, что вам нужны трудности, и теперь они есть. Если бы я остался хотя бы на пару недель дольше, спятил бы от клаустрофобии. Ваши идеи делают воздух чересчур многозначительным, меня от этого трясет.

— Неплохая попытка выдать трусость за личный кодекс. Ты думаешь, что можешь спокойно продолжать разыгрывать проповедника подальше от края, но когда Тиа-сити лопнет, делать это станет негде. Что касается рыжей, то не ты ли отправлял ей сообщения, словно она единственная, кто способен тебя понять?

— Нет. Это еще был не я.

Я отключился. Гарри хотел переиграть партию, все перемешать, чтобы каждый смог заново выбрать свое появление. Заставлять его ждать было невежливо — на следующий день мы переехали, свернув старые каналы связи. Без помощи у священника не было ни одного шанса найти нас снова Он мог сдать нас, но я даже не рассматривал эту возможность всерьез — в тот момент, когда мы сгнием с исцарапанным таблетками горлом или будем наблюдать за тем, как схлопывается Среда, Гарри не упустит возможность поставить точку.

Задолго до первой встречи с ним меня часто преследовало ощущение пустоты, бреши в пространстве, за которой не существует совершенно ничего. Как будто через пробоины в тумане на тебя смотрит нечто огромное и непобедимое, безличная тишина мира. Вместе со священником-трикстером противостоять ей было гораздо проще. Мы кидали пьяные оскорбления, пусть ничем не подкрепленные, прямо в гладкое лицо небытия. Сейчас я чувствовал себя так, словно от меня что-то отрезали. Джокер отправился домой, чтобы решить какие-то домашние проблемы, Стар вернулась в Корпорацию. Хотя психодизайнеры пользовались огромной свободой, ей необходимо было появляться и отдавать материал. Я остался один в

очередной съемной каморке, попав в начало, и мне было трудно поверить, что когда-то я месяцами сидел один в порту прежде, чем мы с Гарри шли в «Гейт» или ошивались по району в поисках происшествий.

Фраза про музыку не выходила из головы. Я ведь даже не заметил, как увлекся Средой настолько, что забыл про то, что всегда считал самым важным. Мне стало вполне достаточно думать о музыке, а не создавать ее. Держа на коленях гитарный корпус, я не мог заставить себя переключить тумблер — это выглядело бы так, словно я хочу отметить пункт и смыть подозрения, сделать вид, что ничего не происходило. Зомби поскрипывал в углу, и я пытался разыскать выход, придумать действительно стоящий план, рассеянно разглядывая его металлическое туловище. Чтобы избавиться от чувства, что мы всего лишь растягиваем агонию, стоило изобрести что-то грандиозное.

— День Трийера.

Робот дернулся, но, не распознав команду, опять впал в полусон. Я вскочил и несколько раз прокрутил в голове задумку. С каждым разом она нравилась мне все больше — помимо эффективности в ней было что-то личное. В день Трийера десятки тысяч андроидов стекаются в центр города, синтеты заполняют площадь вместе с фанатами роботов, отмеченными буквой «А». Любители железа пытаются добиться равных прав, хотя самим андроидам на права наплевать. Они безучастны ко всему, что не затрагивается комплектом реакций. Если постараться, внутри части из них можно прятать оружие, можно изменить однообразную заказную психику одержимостью Стар, расцветить глаза желанием окончательного самоубийственного марша, сделать из послушных респектабельных слуг электрических повстанцев, раз уж люди забыли о том, как красивы ножи. День Трийера — праздник, напоминающий о победе над сейрами, карнавал железных тварей и единственный способ для обыкновенного горожанина физически проникнуть внутрь охраняемого центра Тиа-сити, оказаться рядом с главными зданиями Корпорации.

Кларк говорил о марионетках. Что ж, отлично, я покажу ему и Гарри марионеток. Я не раз размышлял о том, как можно вывести сервера Среды из строя, но каждый способ натыкался на необходимость торопиться, обладая крайне скудными знаниями о положении хранилищ. Взрывы были бесполезны — они не только поставили бы нас вне закона внутри Солнечной системы, но и не обеспечивали результат. Данные обычно хранятся в плотных взрывозащитных и устойчивых к изменению температуры

кожухах, их охраняют двери и люди. Взлом охранной системы Корпорации был слишком сложен даже для джокера, а в случае успеха не затрагивал отключенные от сети архивные хранилища и резервные сервера, что сводило усилия на нет. Пытаться доставать карты этажей и тщательно прорабатывать каждое движение, изображая грабителей банков, было глупо — три человека не способны удержать квартал высоток. Можно было отключить электричество, разрушить инфраструктуру, найти еще какие-то подходы, но у нас не было контроля над зданиями, поэтому охрана вычислила бы нас, размазала и подвезла новые генераторы. Варианты выглядели громоздко или нелепо, к тому же мне надоело бегать от фриков КЕ.

— Стар, какова примерная численность корпоративной армии?

— Хм. Около двух тысяч, причем большинство в неплохой форме, наемники, — она прищурилась. — Плюс сейры. Не знаю, сколько их, но можно заглянуть в космопорт и новую стоянку для челноков, чтобы прикинуть по количеству кораблей.

— Мне кажется, что они оказались во время восстания случайно, — предположил я. — Сейры не могут быть охранниками у людей, разве нет? В день заключения мира они вряд ли захотят оставаться.

Она пожала плечами, не понимая, к чему я клоню. До дня Трийера оставалось два с половиной месяца, и за них я собирался создать армию. Я был знаком со старыми программаторами, но нынешняя защита оберегала андроидов от попыток изменять профили, поэтому я нуждался в Мэде. В деньгах. В крупном, просторном и уединенном складском помещении, чтобы пробовать. Я не собирался сам перебирать каждого робота; я хотел запустить заразу и начать эпидемию, заставить каждого респектабельного железного гуманоида распространять инфекцию.

Трудно сказать, что мной владело в тот момент. Дело было даже не в том, получится у нас или нет, а сможем ли мы попробовать поступить так, что вернуться станет невозможно. Я подбивал их и себя стать маргиналами, героями затертых и непредсказуемых исторических текстов, теми, чьи мотивы стараешься понять, тщетно примеряя на себя чужое безумие. Мы с трудом могли представить, что случится, когда мы окончательно растопчем остатки законов Тиа-сити и все провалится; дальше лежала неизведанная территория, и от ее близости по спине бежали мурашки.

— В Тиа-сити двадцать тысяч андроидов, — я посмотрел на Мэда. — Если заразить психику хотя бы половины из них, мы

можем активировать червя и превратить парад в арт-обстрел. Раньше что-то подобное происходило, но не в таких масштабах. Никто этого не ждет. Ты мог бы дописать единичный вирус так, чтобы он передавался через сеть, — последние модели роботов постоянно получают обновления, маршруты, прайс-листы. Для тебя это даже не работа. Можно найти общую точку… Если Вейс поможет, должно получиться.

Джокер так удивился, что сразу не ответил.

— Настоящий хаос, — брови Стар взмыли вверх. — Ты хочешь натравить орду кукол на фриков и освободить нам путь. Такое трудно пропустить.

Кажется, она была счастлива, вечно обдолбанная богиня Кали. Звуки выползают из ее горла, словно грязные звери. Мэд нахмурился и ритмично сдавливал пальцы, думая, что никто из нас этого не видит, но я ставил на то, что он останется. Трудно просто взять и снова начать выполнять чужие заказы после того, как рычаг конца света был практически в твоих руках. Вполне вероятно, что позже Мэд нас возненавидит, если это «позже» когда-нибудь наступит, но пока его привычная осторожность плавилась о любопытство экспериментатора.

— Я могу дать тебе координаты Вейса. Он помешан на роботах и должен знать о них больше, чем все остальные в городе. Но он тебя даже слушать не станет. Не представлял, что ты зайдешь так далеко, — джокер колебался. — Это не страх или деньги, просто для меня это чересчур… грубо. Отгрызать от Среды по куску казалось забавным, потому что я не мог представить, что она когда-то закончится.

Вейс — джокер, специализирующийся на прошивках, и это единственное, что я о нем знал. На Косе его имя упоминали, когда речь шла о неправдоподобных байках, опытах ради любопытства. Например, слухи сообщали, что Вейс пытался пересадить электронный мозг в тело своей бывшей подружки, потому что ход мышления робота ему нравился гораздо больше, чем реплики надоедливой женщины. Я придумал не очень убедительную легенду про ограбление богатого прогеймера с помощью искусственного дворецкого. Даже при самом лучшем раскладе и отсутствии проблем с деньгами сам я ничего не смогу, мне нужно было уметь перепрошивать чужие машины и делать это достаточно быстро. Вирус, с помощью которого я собирался заставить чужих рабов полюбить порох.

— Ни сейры, ни Гончие не будут знать, кто главный враг. Они могут ломать инфицированных андроидов, сколько влезет, — рыжая погрузилась в себя, припоминая то, что знала. — Принципы их программирования гораздо проще того, что ты

делал раньше, Мэд. Это промышленный заказ, серийное производство, единые для всех стандарты безопасности. Единственный барьер — защита, из-за которой они переходят в облегченный режим, когда заводской алгоритм повреждается. Но есть студии, которые привозят членам Корпорации их личные заказы. Там меняют логику, значит это возможно.

— План психопатов из Трэма начинает мне казаться очень простым и логичным.

Мэд неохотно расстался со сведениями и самостоятельно провел разговор с Вейсом, объяснив это тем, что не может позволить фанатику своим горячечным бредом портить его репутацию среди профессионалов. Взамен на ответы Вейса, касающиеся вируса, ему пришлось отдать несколько программ, и после каждой такой просьбы он чернел. Затем Мэд сообщил, что предпочтет наблюдать за нашей «операцией» с безопасного расстояния или с помощью установленных ранее камер, а лучше всего — посмотрит выпуск новостей. Он выглядел раздосадованным и утомленным. Я был ему благодарен, но плохо прикрытое возражениями недовольство Мэда выглядело слишком смешно, чтобы я мог что-то из себя выдавить.

— Ты слишком обидчивый, джокер.

Странно, но он остановился, услышав ее голос, хотя я думал, что его терпение на сегодня исчерпано. Стар засунула руки в карманы, порылась там, рассматривая его лицо, потом протянула ладонь.

— Не уверена, что это возместит ущерб, но я могу отдать тебе свой порошок.

— Ты думаешь, что то, что я отдал Вейсу, может заменить какой-то порошок? — угрожающе поинтересовался джокер.

— По крайней мере, тебе будет не так грустно.

Тринадцать.

Город заполнил воздух одинокого октября. Я шел вдоль линии непогоды, теряясь в толпе андроидов и их фанатов, цвет кожи которых сразу их выдавал. Шеренги проходили сквозь контрольные арки и сталкивались у площади, хладнокровно раздвигаясь и сходясь в сцеплении симметричных фигур. Их было много. Очень много. Андроиды выделялись аккуратностью и отрешенностью на фоне раскрасневшихся от холода горожан, закутанных в несвежую одежду. Среди них стояла Стар и напряженно вминала в тело тонкое черное пальто. Она сожгла память, когда инфицировала передовой отряд, растеряла

миллионы телепатических окончаний и теперь следила за мной, нетерпеливо поджигая волосами скрытый оградой горизонт. Я задрал голову, глядя, как солнце ломает лучи о пуленепробиваемые стекла небоскребов. «Ты уверен?» — спросил джокер. В этот момент время застыло, а тысячи моих деревянных солдат еще даже не предполагали войну.

Я не похож на Терца Драйвера, погибшего в вихре электрических искр. На евшего на сцене анархистский флаг Эла Трио, который кричал, что лучше впитает красоту символа до последнего, чем отдаст его полиции. Даже на тройку из «Джирз», которые заставили старые мелодии воскресать из могил. У меня нет чувства избранности, которое помещает в особую капсулу, уверенности в том, что без музыки я умру. Погружение в Среду отобрало у меня его, я превратился в нищего, каким никогда прежде не был. Может, все они тоже не верили до конца в свой ореол и потому так отчаянно рвали жилы ради того, чтобы сгореть? Я прекрасно знал, что смогу существовать в Среде, жить на полной подключке, забыв смысл слова «свобода», без рыжей, Гарри и джокера.

И именно поэтому я должен был ее уничтожить.